Изд. «Ленгиз».

Борьба за партию. Сборник по Ленину. Вып. II и III. Ленинград, 1925 г., стр. 375+136, ц. 1 р. 65 к.+60 к.

Талес, К.—Коммуна 1871 г. Ленинград, 1925 г., стр. 161, ц. 75 к.

Куделли, П.—Народовольцы на перепутье. Дело Лахтинской типографии. Ленинград, 1925 г., стр. 165, ц. 1 р. 20 к.

Павлович (Вельтман), М.—Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Ленинград, 1925 г., стр. 256.

Изд. «Книга».

Лебушер.—Гильдейский социализм. Ленинград, 1923 г., стр. 67, цена 60 коп.

Андреев, Н.—К вопросу о понимании закономерности в истории. 1925 г., стр. 103, ц. 75 к.

Гармс, Бернгард, проф.—Кризис мирового хозяйства. 1923, стр. 99, ц. 40 коп.

Кабо, Р. и Рубин, И.—Народное хозяйство в очерках и картинах, т. II. Ленинград, 1925 г., стр. 760, ц. 4 р. 75 к.

…ЛЬШЕВИК

№ 21—22 № 21—22

30 НОЯБРЯ

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Передовая.—Профсоюзы в полосе хозяйственного роста 3
Коломейцев, П.—Кооперация—путь крестьянства к социализму . . . 8
Гулоян, А.—О проблеме т. н. «эмиссионных возможностей» 20
Манченко, Н.—Пути развития торговой сети 32
Танин, М.—„Дауэсизация" Франции 39
Ольгин, Л.—Задачи советского строительства в национальных областях и республиках 54
Татулов, Г.—Опыт изучения быта партийцев 61

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Ваганян, В.—История не против Ленина, а против неграмотных людей. 76

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Богданов, В.—Новая книга о русском капитализме. Финн-Енотаевский, «Капитализм в России (1890—1917 г.г.)» 92
Письмо в редакцию 100

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 НОЯБРЯ 21—22

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 49600. Москва. Тираж 40.000 экз.
Тип. Изд-ва „Правда" и „Беднота", Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Профсоюзы в полосе хозяйственного роста.

Профсоюзы—школа коммунизма. Это, конечно, не значит, что школа имеет своей основной задачей обучение коммунистов; это означает, что она воспитывает и культивирует в широких слоях пролетариата коммунистические навыки; что путем постоянного и все более активного участия в профсоюзной работе массы пролетариата будут привыкать к сознательному участию в строительстве социализма. Здесь беспартийный рабочий должен получить первичные навыки к общественной работе; здесь он приучается к организации; здесь он дисциплинируется как член классово-пролетарского об'единения; через профсоюзы облегчается и будет облегчаться его продвижение к участию в государственной работе.

В условиях диктатуры пролетариата профсоюзы, обнимающие девять десятых всего рабочего состава Союза Республик, имеют громадные возможности для выполнения этих воспитательных функций.

Несомненно, что только социалистический переворот, только утверждение рабочей государственности обеспечивает столь громадное значение профсоюзов, разрешающих великую историческую задачу.

Однако, имея весьма определенные задачи на весь период диктатуры пролетариата, являясь школой коммунизма все время борьбы рабочего класса за укрепление социализма, профсоюзы, сообразно изменению экономической и политической обстановки, в каждый данный, конкретный момент делают в практической работе ударение на тех задачах, которые выдвигаются и обостряются условиями переживаемого «переходного периода в переходном периоде». Профсоюзы под руководством партии исходят при выработке своей линии политического поведения из своеобразия данного момента.

Четырнадцатый с'езд партии имеет в повестке своего дня проблемы профдвижения. Он даст разрешение этим проблемам под углом оценки текущего момента, оценки настоящего положения Советского Союза и тенденций его развития.

Основное в этой оценке заключается в характеристике переживаемой полосы, как полосы хозяйственного роста, и прежде всего роста и укрепления предприятий «последовательно-социалистического типа», как называл тов. Ленин советские государственные промышленные предприятия.

Вместе с ростом советской государственной промышленности быстрыми шагами идет преодоление процессов деклассирования пролетариата, характерных для полосы хозяйственной разрухи.

Пролетариат растет количественно, укрепляется качественно. Промышленные центры восстанавливаются на новой основе, в условиях государственной власти рабочего класса.

Совершенно естественен в этих условиях и рост профсоюзов, прежде всего рост количественный. Количество рабочих, об'единенных профсоюзами, возросло от 1 апреля 1924 г. к 1 апреля 1925 г. с 5.822.700 до 6.950.400 человек.

Вне всякого сомнения, в области профдвижения наблюдаются и некоторые улучшения качественного порядка.

Крупнейшим достижением этого порядка являются удешевление, упорядочение и приближение к массам аппарата профсоюзов, некоторые успехи в области выдвижения рядовых членов союза на организационную работу, частичное продвижение в деле демократизации внутрисоюзных отношений.

Но наряду с явлениями положительного характера в профсоюзной жизни имеют место и явления, которые не могут не остановить на себе тревожного внимания нашей партии.

Во-первых, относительный рост количества рабочих, об'единенных в профсоюзы, отстает от его абсолютного роста (На 1/VII 1924 г.—89,6%; на 1/X 1924 г.—90,3%; на 1/I 1925 г.—90,1% и на 1/IV 1925 г.—89,3%).

Во-вторых, весенняя волна конфликтов на госпредприятиях обнаружила оторванность многих профорганизаций от рабочих масс; подавляющее большинство конфликтов прошло мимо профсоюзных органов, которые сплошь и рядом не обнаруживали критического чутья и очень часто без достаточных оснований поддерживали излишне «нажимистых» хозяйственников.

В-третьих, ряд данных свидетельствует о неизжитом бюрократизме, в полном соответствии с которым находится факт усиления растрат и преступлений по должности со стороны некоторых работников профсоюзного аппарата.

В-четвертых, нельзя отрицать и проявлений слабой дисциплинированности членов союза, что особенно понятно в связи с притоком в союз новых членов—полукрестьян, не прошедших предварительно дисциплинирующей школы промышленного советского предприятия.

Наконец, следует отметить и тот факт, что многие рабочие еще не смотрят на профсоюз, как на школу коммунизма, что они выражают неудовлетворение его работой, что запросы к профсоюзам увеличиваются вместе с ростом политической активности рабочих масс, которая, в свою очередь, стоит в несомненной связи с хозяйственными достижениями в области промышленного строительства и с улучшением экономического положения рабочих.

Последнее обстоятельство играет особо важную, исключительно крупную политическую роль. Рабочий почувствовал улучшение своего экономического положения; вместе с тем условия хозяйственного под'ема питают в нем стремление к дальнейшему увеличению зарплаты и общему улучшению условий труда.

Именно поэтому рабочий относится особенно отрицательно к имеющему кое-где место «хозяйственному» уклону профсоюзов.

Улучшение экономического положения обусловливает и рост тяги рабочих к культурному совершенствованию. Но, вместе с тем, следует отметить, что рабочий, например, стремится дать своему сыну не просто «образование», а образование, способное помочь ему улучшить материальное положение; он стремится повысить его производственную квалификацию. Рабочий имеет теперь возможность немного отдохнуть, разумно поразвлечься; он поэтому нуждается в хорошей постановке клубной профсоюзной работы: но эта хорошая работа исключает сплошную митинговщину и скуку, которые зачастую царят в союзных клубах.

Таким образом, содержание профсоюзной работы приходит у нас, частично, в известном ограничительном смысле, в противоречие с запросами рабочих масс. Было бы нелепостью утверждать, что практическим выводом из данного положения может быть некритическая поддержка всех экономических требований различных групп рабочих, прекращение или ослабление работы по общему образованию рабочих, уничтожение агитационно-пропагандистских моментов в клубно-профсоюзной работе.

Но не делая таких абсурдных выводов, мы должны понять, что мимо отмеченного выше стремления рабочих повысить свой материальный уровень и культурность—пройти нельзя.

Профсоюзы должны взять на буксир эти стремления, преодолевая крайности и поддерживая здоровое; так, участие рабочих в производстве, тарифные вопросы, вопросы экономического быта должны ставиться на собраниях союза чаще и обсуждаться всесторонне. Доклады директора, мастера, завкома уже теперь возбуждают большой интерес. К этому интересу следует отнестись положительно. Несомненно, очень важным и своевремен-

ным явится усиление внимания профсоюзов к вопросам технического образования рабочих, повышения их квалификации.

В настоящих условиях хозяйственного под'ема нельзя ограничиваться поднятием только политической квалификации рабочего; надо серьезно заняться проблемой повышения его производственной квалификации. В этой связи союзам надо помогать развитию фабрично-заводского ученичества, постановке школ, курсов и лекций техническо-производственного характера. Эту задачу повышения производственной квалификации нужно разрешить не только в отношении занятых в производстве рабочих, но и безработных, которым повышение квалификации поможет найти себе работу в производстве. Однако, исключительное внимание к производственной квалификации и технической учебе не должно повлечь за собой ослабления политического воспитания рабочих, воспитания их в ленинском духе.

В последнее время рыцари «Социалистического Вестника» стараются доказать, что в нашем советском хозяйстве совершенно отсутствуют элементы социалистического порядка; они пытаются изобразить дело так, что наши госпредприятия «последовательно-социалистического типа» являются типичными капиталистическими предприятиями, что Советское государство эксплоатирует рабочих, что из последних выколачивается типичная капиталистическая прибавочная ценность и т. д. и т. п.

При обсуждении хозяйственных вопросов профсоюзы обязаны внедрить в сознание рабочих ленинские представления по этому кругу вопросов.

Мы можем и должны помочь рабочему осознать принципиальную разницу между государственными предприятиями «последовательно-социалистического» типа и предприятиями капиталистическими. Повышение производственной дисциплины должно итти нога в ногу с повышением политической сознательности рабочего, воспитанием в последнем «хозяйского» отношения к обобществленной промышленности: рабочий должен почувствовать, что он хозяин советского промышленного производства.

Таковы основные задачи, стоящие перед профсоюзами в индустриальных районах. Другой ряд задач, который следует поставить в текущий момент с надлежащей остротой, относится к работе профсоюзов в деревне. Здесь главное и основное должно пойти по линии усиления и оживления профсоюзов, обнимающих членов союза—работников деревни; здесь речь идет, с одной стороны, об активном вовлечении в союз батраков и вообще сельско-хозяйственного пролетариата; с другой стороны,

о действительном использовании в союзной работе работников просвещения, агрономии, медицины и т. д.

Организованный в профсоюзы пролетариат будет усиливать свое влияние на деревню, между прочим, через те ответвления союзов, которые выдвигаются форпостами в деревне. Сейчас это фронт первостепенной важности. Необходимо как следует осознать, что овладеть растущей политической активностью деревни трудно без соответствующего усиления организованности и активности пролетариата. С этой точки зрения «оживление профсоюзов приобретает особо важное политическое значение.

Но это «оживление» немыслимо без развертывания внутрисоюзной демократии. Усиление внутрисоюзной демократии значительно повысит активность профсоюзных организаций; обеспечит и растущее воздействие последних на госаппарат в смысле преодоления бюрократических его извращений. Партия, усиливая свое руководство профсоюзами, примет все меры к оживлению их работы.

Вопрос о профсоюзной работе в наших условиях не может не быть важнейшим вопросом в повестке дня четырнадцатого партийного с'езда.

П. Коломойцев.

Кооперация — путь крестьянства к социализму.

I.

Основными рельсами перехода распыленного крестьянского товарного производства к социалистической системе хозяйства в нашей стране является, во-первых, кооперация, и, во-вторых — государственный капитализм. Это не совсем одно и то же. Каждый из них — кооперация и госкапитализм — будет действовать разными методами и в разной социальной среде, но цель их едина. Их также об'единяет то обстоятельство, что движение к конечной цели — к социализму, им обоим гарантирует одно и то же условие в области политического управления: диктатура пролетариата. Хотя с течением времени «острота» классового господства пролетариата, в особенности в зависимости от благоприятствующей ей международной обстановки, и может «смягчиться», приобрести менее ощутимые отдельными лицами формы, тем не менее сама природа диктатуры требует все новых и новых побед для своей поддержки и укрепления. Но эти новые победы пойдут едва ли не преимущественно по линии побед хозяйственных, по линии нового и нового экономического укрепления. «Притупление» диктатуры началось бы с того времени, когда экономическая политика правительства и развитие производительных сил страны либо разошлись, либо совпав фактически, означали бы рост могущества буржуазии и ослабление силы пролетариата.

В целях достижения прочной и окончательной победы рабочего класса необходимо, чтобы сумма мероприятий его правительства, проводимых за определенный период его деятельности, давала бы хотя бы несколько больше в пользу социализма, чем против него. Особенно это важно в такой стране, где крестьянство составляет громадную часть населения, и где, поэтому, росту социалистических элементов, как неотделимая тень, сопутствует под'ем капиталистических форм хозяйства. Попытки отделить эту «тень» от социалистического прогресса и ее уничтожить могут дать лишь новые издания военного коммунизма. Социализм нашего времени есть то, чего не знало до сих пор человечество. Его можно и должно построить лишь на базе совершенной машинной техники, на условиях приложения науки ко всем отраслям производства. То, что знает и чем владеет современное человечество, уже вполне достаточно для уничтожения нужды, нищеты, экономического неравенства и эксплоатации на всем земном шаре. Этих научных, технических и организационных знаний вполне хватит для того, чтобы в течение двух-трех поколений от прежней истории и быта не осталось бы камня на камне, и чтобы уже выросло новое бесклассовое свободное и экономически обеспеченное

население нашей планеты. Но чего не хватает человечеству, так это — знаний того, как это практически сделать, какими путями и мерами можно обеспечить этот наибыстрейший переход, совершить «прыжок из царства необходимости в царство свободы». Русская Октябрьская революция войдет в мировую историю как тот ряд внутренне связанных событий, которые показали впервые на деле, как это совершается, как преодолеваются, затем, вновь возникающие препятствия и как, наконец, капитализм переходит в социализм.

Последнее является едва ли не самым трудным делом, ибо задачу такой постановки не мыслили до сих пор даже гиганты пролетарско-революционной идеологии. А между тем только так и стоит вопрос: как растущие, параллельно социалистической системе, элементы капитализма будут этой системой преодолены и поглощены уже без необходимости совершать новую революцию, нести новые колоссальные «издержки» нового социального переворота.

Ленин и в этом вопросе успел оставить нам те мысли и положения, которые должны стать основой практического разрешения данной, исключительной по важности, проблемы. Поскольку, вместе с тем, основным началом, основной почвой для выращивания капитализма является у нас крестьянство, постольку, значит, решение этой проблемы является одновременно и социалистическим решением крестьянского вопроса в том виде, как он стал перед нами на другой день после политического упрочения диктатуры пролетариата.

Ломать капитализм и строить социализм — это не только наука, которую надо узнать, это еще и искусство, которому надо учиться, это, наконец, такая задача, для разрешения которой нужна и воля и смелость. Только сочетание всех этих свойств в одном лице дает совершенный тип деятеля пролетарской революции. Гораздо спокойнее, легче и безопаснее быть «социалистом» типа Каутского или Макдональда, которые ждут, что социалистический строй придет в результате, с одной стороны, «демократии», а с другой — «ошибок» капиталистических политиков. Но у них ведь и социализм сам, в конце концов, превращается в мифический библейский рай, о котором их коллеги, попы всех церквей, вспоминают лишь во время своих праздничных проповедей.

Как «ломать» капитализм, в общем, мы уже знаем. Но как строить социализм, мы учимся лишь теперь. Однако, как теперь, так и раньше для революционных марксистов ясна была вся утопичность задачи притти к социализму и коммунизму через кооперацию при государственном господстве эксплоататорских классов. Не говоря уже о том, что опыт многих сотен кооперативных производственных предприятий, возникавших и распадавшихся в капиталистических странах в течение многих десятилетий, убедительно свидетельствует о бесплодности борьбы таким способом с капиталистическим хозяйством, само понятие социалистического хозяйства, как оно рисуется современному индустриальному пролетариату, требует совершенно иных политических, экономических и организационных предпосылок для победы обобществленного хозяйства над частным, чем те, которые имеют место при опытах «кооперативного социализма».

В отличие от капитализма, который зарождался и рос в порах и щелях феодальной хозяйственной системы, как хозяйство

отдельных лиц, как индивидуально ведущиеся предприятия, чтобы затем, на определенной стадии своего роста раскачать и свергнуть общими усилиями всех капиталистических классов мешающую ему социально-политическую систему, ставшую его оковами, социализм может возникнуть лишь, как коллективная хозяйственная система, как комплекс многочисленных и разнообразных экономических институтов: производственные тресты, транспорты, банки, профсоюзы и т. д., связанных между собой волею единой организации, представляющей собою партию революционного класса. Вместе с тем и все политические институты, как армия, суд, законодательные и др. учреждения—также должны находиться под гегемонией той же партии. Лишь такое совмещение делает проблему реорганизации всего общества проблемой реально осуществимой. Иначе слово разойдется с делом, подобно тому, как это случилось с одним из столпов социал-демократического Интернационала в отношении немецкой Австрии [1]).

Отсюда приходится сделать вывод о перспективах современной кооперации, существующей в странах буржуазно-капиталистических. Вся она, и в частности сугубо интересующая нас кооперация крестьянская, никогда и нигде не станет методом построения социализма, если в данной стране не будет действовать диктатура пролетариата. Можно, правда, теоретически представить себе такой случай с Данией, страной, где более половины взрослого населения считается кооперированным, когда маленькая буржуазная Дания, под влиянием социалистического режима в Германии и Англии, в двух странах, с которыми экономически она теснее всего связана и при наличии капиталистического влияния других стран, так сказать «добровольно» перешла бы к обобществлению всего кооперативного хозяйства, а правящая буржуазия сначала бы «разделила» власть с датскими сельско-хозяйственными рабочими, а затем и полностью ее им уступила бы. Но такой «случай» возможен не на заре пролетарской революции в Европе, а скорее в стадии ее победного шествия по главнейшим странам старого Света.

В этом отношении чрезвычайно характерны те споры, которые разгорелись на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене в 1910 году. Ленин, участвовавший в работах его кооперативной комиссии, отметил уже тогда две основные точки зрения по вопросу о значении и природе кооперации при капитализме: одна точка зрения—пролетарской классовой борьбы, признающая кооперативные организации, как подсобные для ведения этой борьбы, другая «мелкобуржуазная, затемняющая вопрос о роли кооперативов в классовой борьбе пролетариата, раздвигающая значение кооперативов за пределы этой борьбы (т.-е. смешивающая пролетарские и хозяйские взгляды на кооперативы), определяющая цели кооперативов такими общими фразами, которые приемлемы и для буржуазного реформатора, этого идеолога прогрессивных хозяев и хозяйчиков» [2]).

В результате борьбы этих мнений и резолюция конгресса получилась «отражающая сбивчивость мысли, не дающая всего,

[1]) См. Отто Бауэр, «История Австрийской революции».
[2]) Н. Ленин, Собр. соч., Т. XI ч. I, стр. 100.

что могла и должна была дать резолюция конгресса социалистических партий» [1]).

Кооперативные организации могут породить и действительно порождают иллюзию, что социальный вопрос нашего времени может быть решен без классовой борьбы и экспроприации буржуазии. В этом предостерегающем смысле Ленин и внес проект резолюции, который в комиссии конгресса был отвергнут. Стремясь подчеркнуть роль кооперации, как метода хозяйственного строительства после экспроприации капиталистов, Ленин вместе с Гедом сформулировал поправку о том, что кооперативы «помогают в известной степени подготовлять функционирование производства и обмена после экспроприации класса капиталистов», но и эта поправка была провалена оппортунистами.

Тот факт, что кооперация в капиталистическом государстве не встречает сопротивления со стороны командующих классов, характеризует как раз безвредность ее принципов для капиталистической системы. Надо сказать даже больше: есть ряд стран, где кооперация, по существу, является особой формой капитализма, как, например, в Дании, прославленной оппортунистами, козыряющими ею, как идеальной страной с.-х. товариществ. На самом деле Дания представляет собою в целом не что иное, как организованное капиталистическое сельское хозяйство в целях снабжения мясными и молочными продуктами индустриального населения Англии. Вся Дания представляет не больше, как пригородное село, снабжающее городской желудок продуктами высокоинтенсивного сельского хозяйства [2]). Характерно также, что в такой стране, как Германия, кооперативными об'единениями крестьянства руководят представители крупных аграриев и банковского капитала. А в Северной Америке правительство трестовиков и банкиров совершенно серьезно озабочено оказанием финансовой государственной помощи фермерским кооперативным об'единениям.

Что все это значит? Это значит, что в мощном капиталистическом государстве кооперация, в частности, крестьянская кооперация целиком подчинена капиталистическому способу производства и обращения и что она, являясь своеобразным об'единением мелких (а иногда и средних, как в Дании, Германии, Финляндии) капиталистов, ведет их по стопам крупного капитала, ведет их по дороге капиталистического развития. Повторяя свои прежние мысли о кооперации в системе капиталистического хозяйства, Ленин в своей предсмертной статье «О кооперации» писал: «Несомненно, что кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением». (Подчеркнуто мною. *П. К.*). И дальше: «При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных» (единоличных) [3]). Все выкрутасы «кооперативных социалистов», все их теоретические домогательства представить дело иначе—должны вызвать со стороны

[1]) Там же, та же стр.
[2]) См. о Дании статью Ленина: «Идеальчая страна с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе», т. IX, стр. 164.
[3]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 133—144.

марксиста только одно: насмешку, так как эти люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы «рабочего класса за свержение господства эксплоататоров» [1]). Вот почему в мечтах «старых кооператоров» так много фантастичности, романтизма, даже пошлости. Крестьянская кооперация, а она только нас и интересует, как торговая, так и кредитная, всюду и везде является реакцией против торгового и ростовщического капитала, формой частного коллективизирования процессов обращения, в которых действующим лицом является мелкий товаропроизводитель-крестьянин.

II.

Кооперация в ее разнообразных формах не есть обобществление в том смысле, какое вкладывает в это понятие научный социализм. Если при обобществлении достоянием общества являются не только средства производства, но также плановое их применение в интересах общества и обобществленная принадлежность продукта труда, то при кооперации, даже так глубоко идущей, как «производственная сельско-хозяйственная кооперация», дело сводится к коллективизации в интересах определенной группы населения переработки или обработки того или другого вида сельско-хозяйственной продукции. Основные, коренные процессы крестьянского производственного труда кооперация, как общее правило, не затрагивает. Только отдельные опыты небольших групп кое-где в капиталистических странах подтверждали основную идею обобществленного сельского хозяйства, что такая форма производства, в общем, продуктивнее индивидуальной и в ней самой, даже взятой изолированно, не заключено каких-нибудь серьезных внутренних противоречий. То же подтверждает особенно ярко и наглядно практика многочисленных советских колхозов. Тем не менее в условиях товарно-денежного хозяйства крестьянство в борьбе с торговым и ростовщическим капиталом, в погоне за укреплением своих позиций, как участника процессов обращения, поскольку оно начало работать на рынок и с течением времени втягивается в рыночный оборот все глубже и глубже,—такое крестьянство ищет и тех форм и методов оборота, которые помогли бы ему, с одной стороны, возможно больше сделать рыночным, товарным свое хозяйство, а с другой—установить полную эквивалентность обмена своей продукции на товары городского производства. То и другое в лучшей степени дают ему разнообразные виды кооперации.

Повторяем, крестьянская кооперация есть в настоящее время преимущественно, если не исключительно кооперация процессов обращения, а не производства. Если кое-где и имеет место кооперативная переработка продуктов крестьянского хозяйства, то, во-первых, она занимает сравнительно небольшое место в общей кооперативной деятельности, а, во-вторых, всегда носит подсобный и вспомогательный характер, а не характер главного об'екта кооперирования.

Кооперирование процессов обращения (продажи, покупки, кредита) ставит беспомощное перед лицом крупного капитала крестьянское хозяйство в относительно устойчивое положе-

[1]) Там же.

ние, так как сообщает ему по линии кооперированных процессов свойства крупного хозяйства. В кооперации при буржуазном режиме крестьянство умудряется сочетать мелкое, карликовое производство с централизованными и укрепленными формами обмена и кредита. Иными словами, такая система в известной мере позволяет распыленным товаропроизводителям стать крупными купцами, оставаясь мелкими промышленниками. Совершенно иной, принципиально отличный характер и смысл получает кооперация в условиях режима пролетарской диктатуры. Крестьянское хозяйство, как хозяйство мелко-буржуазное, технически и экономически наиболее слабое по сравнению с другими, выдвинутыми новой историей способами производства (частный капитализм, социализм), поневоле идет за тем из них, какой окажется доминирующим в данной стране. Самостоятельного пути, особой специфически своей эволюции оно не имеет и иметь не может. Поэтому, коль скоро коренные «ведущие» силы экономической жизни страны окажутся в руках пролетариата и коль скоро доминирующим способом производства станет социалистический, процессы коллективизации крестьянского хозяйства должны будут либо вступить в острый конфликт с этим доминирующим способом производства, либо ему подчиниться и пойти по руслу, в конечном счете сливающемуся с потоком социалистического производства.

Вполне понятно и естественно, что и социалистический режим должен начать свою работу в области обобществления крестьянского хозяйства с процессов обращения. Разница, повторяем, отчетливая и принципиальная, с капиталистическими тенденциями будет в дальнейшем заключаться в том, что в то время, как капитализм и его правительства во всем мире начинают и кончают кооперированием крестьян в процессе обращения, социалистическая власть берет это кооперирование лишь как исходные позиции, от которых крестьянство с помощью и под руководством рабочего класса, уже практически знающего, что такое коллективное производство, двинется по пути кооперирования все более и более глубоких, почвенных, коренных производственных процессов крестьянского труда. На этом пути крестьянство и перестанет быть крестьянством, эволюционно превратившись в часть социалистического бесклассового общества, ведущего сельское хозяйство по принципу разделения труда. Мы сейчас не касаемся, как, какими мерами и способами будет совершаться этот грандиознейший процесс перерождения большей части человечества, во-первых, потому, что это должно составить особую и притом немалую тему, а, во-вторых, потому, что это уже повторяется на территории нынешних советских республик ежедневно и ежечасно, и страницы советской прессы отражают это циклопическое дело в достаточной мере ярко и полно. Нам важно лишь установить, что диктатура пролетариата есть та историческая обстановка, которая только и образует вышеуказанный основной процесс. Современное естествознание установило, что химические явления и процессы получают иные, иногда диаметрально противоположные, характер и направление, когда протекают при резко отличном, по сравнению с обычным, воздушном давлении. Такую же картину «перемены характера» экономических процессов мы имеем при наличии исключительного «атмосферного давления» пролетарской диктатуры.

Ленин точно и недвусмысленно отметил это коренное обстоятельство. «В самом деле,—писал он,—власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. (т.-е. то, что мы выше назвали «атмосферой» пролетарской диктатуры. *П. К.*),—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества. Это еще не построение социалистического общества (подчеркнуто мною. *П. К.*), но это все необходимое и достаточное для этого построения» [1]).

Экономическую основу диктатуры пролетариата составляет обобществленная крупная промышленность. Это подлинная база социалистической власти, имеющей своей задачей перевоплотить все народное хозяйство из индивидуального и конкурирующего в общественное и плановое. Без наличия социалистической, т.-е. обобществленной промышленности, хотя бы в ее главнейших отраслях эту задачу осуществить невозможно. Иными словами, не будет социалистического режима в случае, если только политическая власть будет принадлежать рабочему классу, а основные узлы хозяйственной жизни страны, командные высоты экономики (заводы и фабрики, паровой транспорт, банки, собственность на землю и т. п.) останутся в руках буржуазии, как не будет его и в том случае, если при национализации некоторых отраслей промышленности (например, в Англии—угольных копей, железных дорог, земли и т. д.) политическая власть останется в руках капиталистов. Опыт мировой войны с ее «временной национализацией» ряда важнейших отраслей промышленности, с ее «государственным капитализмом» при сохранении за буржуазией всей полноты политической власти, показал, что и такое положение вещей отнюдь не означает социалистического переворота. Можно себе представить, что в той же Англии, которая из всех крупнейших капиталистических государств все более и более залезает в хозяйственный тупик, само буржуазное правительство пойдет на замаскированную или даже открытую форму огосударствления такой важнейшей отрасли производства, как угледобыча, в целях концентрации технического руководства шахтами, в целях выравнивания производительности труда и издержек управления по наилучше поставленным предприятиям, в целях планового производства и сбыта угля. В таком случае нынешние шахтовладельцы образуют гигантское акционерное общество с участием буржуазного государства, где прибыль прежних владельцев будет гарантирована этим последним в виде твердой ренты. Никому из марксистов не придет в голову назвать такой порядок капиталистической эксплоатации социалистическим хозяйством. Но такой порядок ведения дел с небывалой четкостью и яркостью подчеркнет паразитический характер шахтовладельцев и тем обострит борьбу за социализм в небывалой степени. Только одновременное овладение рабочим классом государственной властью и основными отраслями производства создаст социалистический режим. Поэтому и все теории об эволюционном врастании социализма в капитализм есть теории беспочвенные, реакционные и вредные. В советских республиках пролетариат владеет государственной властью и управляет промышленностью. Поэтому у нас промышленность социалистическая, хотя ей и не чужды формы развитого капитализма.

[1]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 140.

III.

Громадную ошибку делают те из коммунистов, которые именуют систему нашего государственного хозяйства государственным капитализмом. Здесь не только преподносится невероятная теоретическая путаница, так как сваливается в кучу государственный социализм и советский государственный капитализм, теорию о каковом впервые развил Ленин, но и наносится делу пролетариата большой политический ущерб. Меньшевики за границей все время твердят, что в Советском Союзе никакого социализма нет, что есть национализация отдельных отраслей промышленности, ее, так сказать, переход в государственную казну, при чем государство, «казна», является тем предпринимателем, которое капиталистически эксплоатирует рабочий класс. Таким образом, получается не аналогия, а тождество с любым буржуазным государством, которое по тем или иным причинам вводит огосударствление предприятий или создает их за счет казны. На подобной «теории» наши «демократические социалисты» пытаются нажить себе за границей политический капиталец, и никому из сторонников пролетарской диктатуры нет и не может быть резона, хотя бы и бессознательно помогать им в этом «святом деле».

Итак режим социалистического хозяйства, социалистической промышленности может и должен обеспечить переход мелко-буржуазного хозяйства в социалистическое. Вопросы о важнейших этапах этого перехода, о его методах, ошибках и трудностях и составляют предмет самого тщательного изучения нашей современной теоретической мысли.

В частности, в отношении кооперации крестьянского хозяйства советская власть, как государственный орган диктатуры пролетариата, должна вести политику перехода от кооперирования процессов обращения к кооперированию процессов производства. Это и будет пролетарско-социалистической политикой, проводимой в сфере мелко-буржуазного хозяйства. Но как осуществлять—вопрос иной. Здесь, во-первых, необходимо учесть, что процессы коллективизации производства могут кое-где итти (и уже идут) параллельно и одновременно с процессом коллективизации обращения. В этом случае задача имеет как бы перевернутый вид: необходимо добиться того, чтобы коллективизированное производство не оторвалось от коллективизированного обращения, иначе оно рано или поздно распадется, и затем, чтобы коллективизация труда закреплялась его машинизацией, иначе возможен распад коллективного безмашинного производства под влиянием тех или иных причин на индивидуальные хозяйства.

Во-вторых, коллективизация обращения должна вести за собой расширение товарности кооперированных хозяйств и внедрение в них машин и орудий, их технизацию, иначе она грозит

консервировать прежние способы производства и тем изолировать мелко-буржуазное хозяйство от влияния хозяйства социалистического.

В-третьих, самой коллективизации обращения легче всего подвергаются те крестьянские хозяйства, которые имеют некоторый товарный характер, которым есть, что «обращать» на рынке. Отсюда трудности по кооперированию хозяйств натурального или почти натурального типа, которым «нет смысла» состоять в кооперации. Разрешение трудностей подобного рода и должно составить важный вопрос нашей практической политики.

Наконец, в-четвертых, надо найти реальные пути и средства, дающие возможность переходить от кооперации, охватывающей только обращение, к кооперации, охватывающей и производство и обращение. Вопрос о том, как углубить и расширить коллективизацию процессов обращения до коллективизации процессов производства и составляет основное и труднейшее дело партии пролетариата в советских странах. Именно так и надо понимать Ленина, когда он писал: «В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно» [1]).

Еще ранее в статье о продовольственном налоге он же писал: «Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.-е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, до-социалистических, даже до-капиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне»... Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок к крупному производству на началах добровольного об'единения» [2]).

Кооперирование при социалистической диктатуре пролетариата есть путь к социализму подавляющего большинства крестьянства, но не всего. Этим путем пойдут крестьяне-середняки, значительная часть бедняцких дворов и небольшая часть зажиточных. Те бедняки, хозяйство которых будет регрессировать, либо отставать от общесреднего темпа развития, предпочтут стать рабочими, либо в государственной промышленности, либо в сельском хозяйстве. В обоих случаях они тем самым превратятся в социалистические элементы советского общества, так как они станут работниками обобществленного производства.

Но не решенным остается вопрос о путях эволюции крестьянской буржуазии и даже тех крупных крестьянских хозяйств, которые хотя и не опираются на наемную силу, но значительно вырастают в экономическом отношении за рамки среднего крестьянского производства.

Прежде всего необходимо указать, что нынешние формы крестьянской кооперации отнюдь не гарантируют обязательный

[1]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 139. Подчеркнуто мною. *П. К.*
[2]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 220.

переход всего кооперированного сельско-хозяйственного населения к коллективизации производства, к социализму. Дело в том, что кооперирование процессов обмена и кредита в условиях развитого товарно-денежного хозяйства даже при режиме пролетарской диктатуры может привести и, несомненно, приведет целый ряд крестьянских дворов к капиталистическому способу производства, к капиталистическому приложению накопленных в рыночном обороте средств. В этом случае кооперация окажется теми помочами, на которых подтянутся эти отдельные хозяйства к капитализму. Такое явление и такой «итог» в крестьянском кооперативном движении буржуазных стран, как известно, считается нормальным и естественным, к нему все стремятся и кооперативные руководители считают его, в конце концов, наиболее желательным, хотя он и доступен только единицам. Но для буржуазной кооперации и нет других перспектив. Не то, как мы знаем, у кооперации советской. Вот почему на известной полосе развития, в течение неопределенного срока наша советская крестьянская кооперация будет иметь два лица: социалистическое, глядящее вперед, и капиталистическое, направленное назад. Одно будет искать дорогу от индивидуального и анархического производства к коллективному и плановому, другое будет выбирать тропинки от индивидуального трудового хозяйства к капиталистическому, основанному на наемном труде и эксплоатации.

IV.

Камнями для построения общественного хозяйства на обновленной земле уже и ныне служат советские колхозы, артели, сельско-хозяйственные производственные товарищества и коммуны. Поскольку они выбираются из вязкой, или, наоборот, сыпучей почвы необеспеченности инвентарем, архаической системы полеводства, отсутствия машин и агрикультуры (а это дело не только создавшихся коллективов, но и всего советского государства), постольку они будут переходить на твердый грунт коллективного механизированного производства. Роль машин в деле об'единения и планового направления сельско-хозяйственного труда громадна. Машины есть одновременно и та основа, которая создает материальную возможность утвердить превосходство крупного предприятия над мелким, и тот цемент, который чем дальше, тем крепче скрепляет участников колхоза вокруг общего производства. Вот почему при наших социальных условиях трактор более всего может быть орудием кооперирования труда, так как он вызывает при своем приложении к крестьянскому хозяйству ряд ассоциаций, приводящих к одной главной ассоциации—коллективному производству.

Те коллективные хозяйства крестьян, которые уже возникли и окрепли на советской территории, представляют собою в атмосфере диктатуры пролетариата бесспорные зерна социалистического сельского хозяйства. Что отличает такие коллективы, где кооперирован труд производителей и где средства производства принадлежат коллективу, от государственного социалистического хозяйства советских республик? Прежде всего, и главным образом, здесь имеется количественное различие, так как производственный сельско-хозяйственный коллектив есть предприятие сравнительно небольшой группы и вследствие этого здесь

доминируют групповые интересы, интересы данного коллектива, легко могущие разойтись с интересами всего общества. Поэтому, пока существует еще несомненное действие закона стоимости, пока налицо рынок и товарно-денежное хозяйство, пока вследствие этого воспроизводится земельная рента (при национализированной земле—дифференциальная), пока преобладающим типом в сельско-хозяйственном производстве будут еще единоличные хозяйства, пока существует возможность накопления и капиталистическое приложение накопленных ценностей,—до тех пор отдельные сельско-хозяйственные коллективы будут лишь частицами, островками будущего общественного сельского хозяйства.

На известной ступени развития они будут об'единяться между собой, сливаясь в целые континенты общественного хозяйства, в основе которого лежит план и учет обще-экономического развития. Одновременно с этим отпадут и прежние отличия коллективов от социалистического, т.-е. общественного хозяйства, и история продемонстрирует еще один гигантский случай перехода количества в качество.

Тем не менее и их «тень», капиталистические крестьянские хозяйства, хозяйства «советских фермеров», также будут без всякого сомнения расти и в количестве, и в об'еме. Процесс экономической дифференциации не так-то скоро будет парализован экономически же силами советского государства. При этом фермерское крупно-крестьянское, с применением капитала и наемного труда, хозяйство будет расти и через кооперацию и помимо нее своим путем.

Кооперация, вообще говоря, усиливает и укрепляет хозяйства относительно слабые. Хозяйства сильные, как общее правило, в ней не нуждаются и даже более того: чувствуют в ее системе себя стесненными. Отсюда обычный факт—«внекооперативного» развития крупных, особо крепких крестьянских дворов. Они смотрят на кооперативы с пренебрежением, держа курс на непосредственную связь с оптовым оборотом и банками; у подобных хозяйств поэтому будет и судьба отличная от судьбы хозяйств кооперированных.

Тов. А. П. Смирнов держится иного взгляда, когда он пишет в одном месте: «Мы должны стремиться направить избыточный капитал крепкого трудового хозяйства в русло производственной сельско-хозяйственной кооперации всех типов; в переживаемый нами переходный период такое направление даст возможность увязать эти капиталы со всей системой регулируемого советской властью производства и сбыта и будет служить укреплению коллективистических начал в нашем хозяйственном строительстве».

На деле это осуществить не удастся и, если бы советская власть поставила перед собой задачу регулировать крестьянский капитализм через производственную сельско-хозяйственную кооперацию «всех типов», получилась бы задача, подобная квадратуре круга. Это иллюзия, что методами кооперирования можно непосредственно и в ближайшее время «всосать» крестьянский капитализм в социалистическую хозяйственную систему. Крестьянин-буржуа, в общем, в кооперацию хозяйственную не пойдет, а если и пойдет, то либо, чтобы использовать ее, как орудие для укрепления своих капиталистических позиций, и в этом случае попытается подчинить ее себе, либо для целей временных и случай-

ных. Скорее всего он поищет формы капиталистического общества или товарищества, в котором сравнительно небольшое число предпринимателей, мелких или средних капиталистов смогли бы с максимальным хозяйственным (и капиталистическим) эффектом использовать сумму своих рессурсов.

Конечно, это не означает, что двери сельско-хозяйственной кооперации должны быть закрыты для подобного вида крестьян. Это лишь означает, что когда крестьянская верхушка входит в кооперативные организации, последние должны быть на-чеку и впуская подобных гостей, должны поставить своей целью использование их средств для общего кооперативного дела, ибо нэп предполагает бешеную борьбу. Буржуазное крестьянское хозяйство, как и хозяйство всего частного капитала, будет втянуто в созданное после революции социалистическое хозяйство, как общее правило, не кооперацией и не новой революцией, а методами государственного капитализма. Это необходимо точно установить, так как «никогда не заходишь так далеко, как в том случае, когда не знаешь, куда идешь». Это надо выставить против меньшевизма, согласно которому «не умирание производительных сил, а их рост наносит сокрушительные удары большевистской диктатуре».

доминируют групповые интересы, интересы данного коллектива, легко могущие разойтись с интересами всего общества. Поэтому, пока существует еще несомненное действие закона стоимости, пока налицо рынок и товарно-денежное хозяйство, пока вследствие этого воспроизводится земельная рента (при национализированной земле—дифференциальная), пока преобладающим типом в сельско-хозяйственном производстве будут еще единоличные хозяйства, пока существует возможность накопления и капиталистическое приложение накопленных ценностей,—до тех пор отдельные сельско-хозяйственные коллективы будут лишь частицами, островками будущего общественного сельского хозяйства.

На известной ступени развития они будут об'единяться между собой, сливаясь в целые континенты общественного хозяйства, в основе которого лежит план и учет обще-экономического развития. Одновременно с этим отпадут и прежние отличия коллективов от социалистического, т.-е. общественного хозяйства, и история продемонстрирует еще один гигантский случай перехода количества в качество.

Тем не менее и их «тень», капиталистические крестьянские хозяйства, хозяйства «советских фермеров», также будут без всякого сомнения расти и в количестве, и в об'еме. Процесс экономической дифференциации не так-то скоро будет парализован экономически же силами советского государства. При этом фермерское крупно-крестьянское, с применением капитала и наемного труда, хозяйство будет расти и через кооперацию и помимо нее своим путем.

Кооперация, вообще говоря, усиливает и укрепляет хозяйства относительно слабые. Хозяйства сильные, как общее правило, в ней не нуждаются и даже более того: чувствуют в ее системе себя стесненными. Отсюда обычный факт—«внекооперативного» развития, крупных, особо крепких крестьянских дворов. Они смотрят на кооперативы с пренебрежением, держа курс на непосредственную связь с оптовым оборотом и банками; у подобных хозяйств поэтому будет и судьба отличная от судьбы хозяйств кооперированных.

Тов. А. П. Смирнов держится иного взгляда, когда он пишет в одном месте: «Мы должны стремиться направить избыточный капитал крепкого трудового хозяйства в русло производственной сельско-хозяйственной кооперации всех типов; в переживаемый нами переходный период такое направление даст возможность увязать эти капиталы со всей системой регулируемого советской властью производства и сбыта и будет служить укреплению коллективистических начал в нашем хозяйственном строительстве».

На деле это осуществить не удастся и, если бы советская власть поставила перед собой задачу регулировать крестьянский капитализм через производственную сельско-хозяйственную кооперацию «всех типов», получилась бы задача, подобная квадратуре круга. Это иллюзия, что методами кооперирования можно непосредственно и в ближайшее время «всосать» крестьянский капитализм в социалистическую хозяйственную систему. Крестьянин-буржуа, в общем, в кооперацию хозяйственную не пойдет, а если и пойдет, то либо, чтобы использовать ее, как орудие для укрепления своих капиталистических позиций, и в этом случае попытается подчинить ее себе, либо для целей временных и случайных. Скорее всего он поищет формы капиталистического общества или товарищества, в котором сравнительно небольшое число предпринимателей, мелких или средних капиталистов смогли бы с максимальным хозяйственным (и капиталистическим) эффектом использовать сумму своих ресурсов.

Конечно, это не означает, что двери сельско-хозяйственной кооперации должны быть закрыты для подобного вида крестьян. Это лишь означает, что когда крестьянская верхушка входит в кооперативные организации, последние должны быть на-чеку и, впуская подобных гостей, должны поставить своей целью использование их средств для общего кооперативного дела, ибо нэп предполагает бешеную борьбу. Буржуазное крестьянское хозяйство, как и хозяйство всего частного капитала, будет втянуто в созданное после революции социалистическое хозяйство, как общее правило, не кооперацией и не новой революцией, а методами государственного капитализма. Это необходимо точно установить, так как «никогда не заходишь так далеко, как в том случае, когда не знаешь, куда идешь». Это надо выставить против меньшевизма, согласно которому «не умирание производительных сил, а их рост наносит сокрушительные удары большевистской диктатуре».

А. Гулоян.

О проблеме так называемых „эмиссионных возможностей“.

Как не вспомнить тут добряка Догберри, который поучаетночного сторожа Сиколя, что счастливая наружность есть дар обстоятельств, а искусство читать и писать дается самой природой.

К. Маркс, «Капитал».

За последнее время в экономической периодической печати происходят довольно оживленные и продолжительные дебаты вокруг проблемы т. н. «эмиссионных возможностей». Весь вопрос сводится к тому, насколько совокупность об'ективных условий нашей экономики в настоящее время дает возможность усилить темп денежной эмиссии, увеличить количество выпускаемых в обращение денег до размеров, удовлетворяющих полностью потребности развивающейся промышленности и сельского хозяйства в средствах, и насколько такое расширение эмиссии содержит в себе опасность инфляции. Наибольшее усердие в дискуссии выявляет та точка зрения, которая доказывает, что для усиления денежной эмиссии в советском народном хозяйстве существуют об'ективные, вполне для этого благоприятные предпосылки, и что усиление эмиссии не только не вызовет инфляции и затруднений в народном хозяйстве, а наоборот, является необходимым условием для дальнейшего его развития. В защиту этой точки зрения выступает вся ее тяжелая артиллерия в лице Громана, Струмилина, Базарова и Киселева, которые выкладывая бесконечные вычисления и огромные таблицы, стараются всячески доказать, что расширение денежной эмиссии вполне соответствует «статистическим и динамическим коэффициентам», вытекает из т. н. «эмпирических закономерностей восстановительного процесса», рекомендуют НКФ быть благоразумным, отбросить старые предрассудки об инфляции и не стесняться в широком использовании печатного станка.

Вопрос, безусловно сложный, и его правильное разрешение встречает довольно большие затруднения; нет поэтому ничего удивительного, что в споре вокруг него выявляется не мало путаницы и недоразумений. В этом отношении вполне прав В. Базаров, который в своей статье, посвященной защите точки зрения необходимости расширения денежной эмиссии, пишет: «Нигде концепция восстановительного процесса не породила такого обильного скопления недоразумений и предрассудков, как там, где она связывается так или иначе с денежным обращением» [1]). И это «обильное скопление недоразумений и предрас-

[1]) Е. Базаров, «О „восстановительных процессах“ вообще и „эмиссионных возможностях“ в частности». («Эконом. Обозрение», 1925 г. Январь).

судков» получило свое удивительно наглядное проявление в напечатанной в «Большевике» дискуссионной статье т. Бялого, посвященной как раз защите точки зрения необходимости расширения денежной эмиссии [1]).

Тов. Бялый находит, что обоснование Громаном, Базаровым и другими концепции расширения эмиссии является недостаточным, поэтому он хочет дать свое, более глубокое обоснование, или, как он сам выражается, «методологию проблемы эмиссионных возможностей».

На самом деле он только повторяет, при чем в гораздо худшей и искаженной форме, аргументацию указанных авторов; поэтому целесообразнее для разбора этих аргументов обратиться к первоисточникам, а потом вернуться к «собственной методологии» тов. Бялого.

При прочих равных условиях соотношение между общей суммой товарных цен и количеством обращающихся денег является той базой, исходя из которой можно судить (конечно, приблизительно) о состоянии денежного обращения и наметить его перспективы на ближайшее время. Каково это соотношение у нас в настоящее время? По данным самого Громана денежная масса в 1923—24 г. по сравнению с предшествующим годом выросла на 69%, при росте продукции на 10%; в 1924—25 г., денежная масса выросла на 92%, между тем как продукция выросла всего на 14% [2]). Цифры ясно показывают, насколько быстрее растет количество обращающихся денег по сравнению с суммой роста продукции в нашем хозяйстве. Казалось бы, что был бы весьма логичным и не вызвал бы никаких сомнений вывод, что такое соотношение этих двух величин чревато опасностями инфляции и что к дальнейшему эмитированию денег надо подходить очень осторожно.

Однако, ход мыслей Громана идет в противоположную сторону. Возведя на ступень «эмпирического закона» это соотношение, Громан приходит к совершенно обратному выводу—к сохранению в дальнейшем этого соотношения. «Исследуя взаимоотношения товарной и денежной массы,—говорит он,—мы приходим к определенному эмпирическому закону, по которому рост денежной массы идет быстрее роста товарной массы. Мы не видим причин, которые могли бы изменить наблюдающуюся до сих пор эмпирическую закономерность и полагаем, что не считаться с нею значило бы задерживать темп восстановления нашего хозяйства» [3]). Отсюда Громан делает тот практический вывод, что не надо стесняться расширением денежной эмиссии, ибо такое расширение, соответствуя восстановительным процессам и удовлетворяя нуждам возрождающегося хозяйства, не несет в себе угрозу инфляции, если даже эмитирование денег произойдет в порядке не только краткосрочного, но и долгосрочного кредитования [4]).

Опасность инфляции по Громану исключена тем, что увеличение количества денег в обращении компенсируется замедлением скорости обращения денег. «Следовательно, скорость оборота

[1]) См. «Большевик» № 15 за 1925 год.

[2]) См. статью т. Громана в журнале «Плановое хозяйство» № 7 за 1925 г. („Контрольные цифры к народно-хоз. плану на 1925—26 г.“).

[3]) Громан, „О некот. закономерностях, эмпир. обнаруж. в наш. нар. хоз.“ («Плановое хозяйство» № 2 за 1925 г.).

[4]) См., например, его указ. статью в 7-ом номере «Планового Хозяйства».

денег, в которой выражается и оздоровление товарооборота, т.-е. возможность накоплять средства для массовых закупок и платежей, рост благосостояния населения, позволяющий также накоплять определенные средства для производства крупных хозяйственных закупок,—будет замедляться» [1]). Ту же самую мысль защищает Базаров, который в упомянутой статье пишет, что «процесс отложения новых денег в виде оборотных кассовых средств 30 милл. хозяйств Советского Союза и есть главная составная часть того явления, которое называется, и совершенно правильно называется, замедлением скорости оборота денег» [2]).

Таким образом, схема Громана-Базарова не отрицает, что у нас денежная масса растет значительно быстрее, чем товарная масса, но вытекающий отсюда неизбежный вывод об опасности инфляции она отводит, целиком опираясь на то положение, что в нашем хозяйстве существует тенденция к замедлению скорости обращения денег.

Верно ли это положение?

Тезаврирование новых денег в виде «оборотных кассовых средств» является исходным пунктом этого положения: сколько больше накопление, столько меньше, если употреблять выражение Базарова, «количество общественных актов—меновых сделок, приходящихся в среднем на общественную денежную единицу», т.-е. столько медленнее оборот денег. Подсчитать такого рода накопление нет никакой возможности. На чем же основывается утверждение Громана-Базарова об увеличении оборотных кассовых средств у населения? Только на том, что составляя звено в цепи хозяйственного развития, оно также, как остальные части народно-хозяйственной жизни, должно проходить те же стадии восстановительных процессов, границы и размеры которых даны довоенными соотношениями. Этим самым утверждение об увеличении накопления получает априорный характер и приводит к совершенно ложным результатам. Между тем правильное освещение этого вопроса может дать только учет конкретных условий в данное время и тех социально-экономических изменений, которые вызваны в нашем народном хозяйстве Октябрьской революцией.

Ошибочно было бы полагать, что накопление у населения началось у нас с очень низкого уровня. Накопление это в довоенное время происходило в значительной мере отложением золотых денег, которые и сохранились после революции. Пробел в накоплении, вызванный фактическим аннулированием царских кредитных билетов и обесценением советских знаков, почти целиком был восполнен после денежной реформы; значительная часть того огромного количества твердых денег, которые были выпущены непосредственно после денежной реформы, пошли на пополнение нормальных отложений у населения. Это общеизвестный факт и его нельзя отрицать. Сейчас мы вступили на нормальный уровень в этой области, так что в предстоящие годы в каналы накопления уйдет количество денег, соразмерное количеству их, выбрасываемому из накопления в каналы непосредственного обслуживания товарного оборота.

[1]) Громан, указ. ст., «Планов. Хоз.» № 2.
[2]) См. упомянутую ст. Базарова.

Если к этому мы прибавим, что благодаря Октябрьской революции потребности у населения, особенно крестьянства, расширились, что последнее не будет делать продолжительно лежащие сбережения для уплаты тяженных налогов, долгов, уничтоженных Октябрьской революцией и т. д., то ясно станет, насколько неверным является утверждение о наличии у нас тенденции к увеличению «оборотных кассовых средств» у населения.

Если, таким образом, в настоящих конкретных условиях мы имеем уравновешение в суммах денег, идущих в накопление и выходящих оттуда в каналы непосредственного обращения, то, очевидно, что смягчение отрицательного влияния увеличения количества выпускаемых денег на стабильность валюты замедлением оборота денег отпадает, и всякое расширение эмиссии будет увеличивать количество противостоящих товарной массе денег, т.-е. грозит инфляцией. Тов. Громан утешает себя тем, что раз до сих пор при таком огромном перевесе роста денежной массы над ростом товарной массы не поколебалась твердость валюты, то ясно, что обесценение денег в дальнейшем менее вероятно. Но жизнь развивается не по голым схемам, а по суровым законам диалектики. Тут весьма уместно было бы напомнить о примере «последнего калача», который можно найти в «Теории исторического материализма» тов. Бухарина. Этот пример указывает на ту диалектическую истину, что качественное изменение данного явления выявляется только тогда, когда количественные изменения в старой форме доходят до известной точки.

В области денежного обращения не находимся ли мы близко от той точки, где количество переходит в качество?

Другая важная ошибка «концепции» Громана-Базарова заключается в том, что последние, доказывая замедление скорости обращения денег, отвлекаются от самого товарного оборота. Суждения их опять протекают по определенной схеме. Вот количество выпускаемых денег, вот увеличивающееся накопление у населения,—и вывод готов—замедление скорости обращения денег. И при этом ни слова о том, какой период переживает наше хозяйство, период ли под'ема, когда товарный оборот расширяется и ускоряется, или период упадка, депрессии, когда товарное обращение замедляется. Всякому известна та простая истина, что обращение денег представляет собою не что иное, как другое выражение обращения товаров. «Поскольку в движении денег отражается движение полных метаморфоз товаров и соединение этих метаморфоз, то одна и та же монета реализует цены различных товаров и совершает, таким образом, большее или меньшее количество оборотов» [1]). Если это так, если обращение денег является только «отражением» обращения товаров, то очевидно, что разрешение вопроса о скорости обращения денег сейчас у нас сводится к разрешению вопроса о том, что мы имеем в товарном обороте, ускорение или замедление обращения товаров. Тут двух мнений не может быть. Мы имеем бурный под'ем нашего хозяйства, сопровождаемый неизбежно ускорением товарного оборота, «отражением» которого по необходимости должно являться ускорение денежного обращения.

Следовательно, конкретная обстановка нашего развивающегося хозяйства говорит за то, что скорость обращения денег

[1]) К. Маркс, „К критике Пол. Эк.", стр. 107.

не замедляется, а наоборот. Такая явная неувязка в указанной концепции сводит на нет все умелые построения авторов.

Эти теоретические соображения находят свое подтверждение в конкретных цифровых данных. По подсчетам С. Киселева, оборот денежной массы в 1924—25 г. составлял 40 раз в течение года, между тем как в 1895 г. этот оборот выразился цифрой 15. «Мы можем, — заключает Киселев, — сделать отсюда вывод об относительном ускорении (или вернее напряженности работы) денежной массы в 1924—25 г. по сравнению с 1895 г., при прочих равных условиях, в 2,7 раза (40 : 15)» [1].

Правильно отмечая увеличение скорости обращения денег, Киселев, однако, делает тот же вывод, какой делают Громан-Базаров, вывод о необходимости расширения денежной эмиссии. Обоснование этого вывода, однако, имеет совершенно другой характер. Вследствие недостаточного количества находящихся в обращении денег усиление скорости обращения денег, или, как Киселев называет это, напряжение работы денег — является помехой для нормального развития народного хозяйства, и всякая заминка в денежном обращении, о ужас! может привести даже к кризисам. «Ясно,—говорит он,—что при подобной напряженности всякая заминка и задержка денег вне оборота (например, деревней для платежа сельско-хоз. налога) способна вызвать общее безденежье и торгово-промышленный и финансовый кризис» [2]. И вот, чтобы не осуществиться этим ужасам, необходимо усилить работу печатного станка.

Невероятная путаница в этих рассуждениях Киселева видна без лишних слов, поэтому на них подробно останавливаться не следует. Ведь в любом популярном учебнике по политической экономии написано, что увеличение количества денег и скорость их обращения действует в том же направлении и что даже при устойчивом бумажно-денежном обращении, при отсутствии размена банкнот на золото, движение этих двух величин в том же направлении будет иметь своим неизбежным результатом обесценение денег. Неужели для того, чтобы доказать во что бы то ни стало необходимость усиления денежной эмиссии, нужно было прибегнуть к извращению элементарных понятий экономической науки?

Разбор суждений Громана, Базарова и Киселева раскрыл довольно любопытное зрелище. Все они страстные защитники точки зрения расширения денежной эмиссии и стараются доказать ее правоту всякими научно-достойными средствами. Но при этом они исходят из совершенно противоположных, исключающих друг друга, посылок. Вся аргументация Громана-Базарова упирается на положение замедления скорости денежного обращения, между тем как аргументация С. Киселева имеет своей основой совершенно противоположное утверждение—усиление скорости обращения денег. Кто прав, чьи доводы более убедительны, пусть судит сам читатель. Но ясно одно: если верность доказуемой концепции обосновывается двумя совершенно противоположными, исключающими друг друга положениями, то это свидетельствует только о том, что эта концепция не имеет под собой абсолютно никакой реальной почвы.

[1]) См. ст. С. Киселева „Денежное обращение и эмиссионные возможности“ («Плановое хоз.» № 1 за 1925 г.).

[2]) Там же.

Третья важная ошибка Громана, Базарова и Киселева заключается в том, что в своих теоретических построениях и практических выводах они совершенно не обращают внимания на структурные особенности советской экономики. Ведя анализ по определенным схемам, исходя из различных коэффициентов, довоенных соотношений и т. п., они упускают из виду те весьма важные, имеющие принципиально решающее значение изменения в социально-экономической структуре России, которые явились результатом Октябрьской революции.

Наглядный, ничем не прикрываемый схематизм в анализе денежного обращения можно иллюстрировать следующей цитатой: «Если мы сравним данные 1913 г. с соответствующими показателями за октябрь 1924 г., то мы будем уже иметь для промышленной продукции коэффициент 61% довоенной нормы, для грузооборота около 64%, по сбору главнейших хлебов около 85% и для денежного обращения всего 20%» [1]). Отсюда вывод—непропорциональность восстановительных процессов, напряженность денежного обращения и необходимость усиления выпуска денег.

Мы уже видели, к каким печальным результатам приводит такой способ экономического анализа. Между тем, если подойти к вопросу о денежном обращении, принимая во внимание структурные особенности и социалистические элементы в нашей экономике, то окажется, что отставание роста денежной массы в восстановительных процессах не есть явление ненормальное, препятствующее поступательному ходу нашего под'ема, а явление вполне закономерное, обусловленное своеобразными особенностями нашего, движущегося к социализму, общества.

Каковы те новые элементы в экономике советского союза, под влиянием которых рост обращающейся денежной массы отстает от роста остальных частей народного хозяйства?

Денежное обращение в товарно-капиталистическом обществе, как и в Советском Союзе, есть необходимое явление. Но с точки зрения самовозрастания ценности (в капиталистическом обществе) или увеличения материальных благ (в нашем союзе) деньги и связанные с ним расходы представляют собою «непроизводительные расходы—faux frais общества» (Маркс). Так как мы двигаемся к социализму, то соответственно этому мы постепенно освобождаемся от этих непроизводительных расходов капиталистического общества, что выражается в сравнительном сокращении находящейся в обращении денежной массы. По подсчетам Громана [2]) в 1913 г. в обращении было 2.331 милл. руб., что составляло 11,8% продукции того же года (19.677 милл. руб.). В 1924—25 же году в обращении было около 496 милл. руб. (довоенных), что составляет всего 3,55% продукции (14.150 м. руб. по довоенным ценам).

Как видно из приведенных цифр, товарный оборот в Советском Союзе обслуживается, сравнительно с довоенным временем, совершенно незначительным количеством денег. Причину этого нужно искать не в непропорциональности наших восстановительных процессов, что неизбежно приведет к совершенно

[1]) Киселев, указ. статья.

[2]) См. «Плановое хозяйство», № 7 за 1925 год.

ложным выводам, а в тех изменениях в народном хозяйстве, которые явились результатом Октябрьской революции.

Ближайшими причинами сокращения денежной массы в обороте, вызванными особенностями нашей хозяйственной структуры, являются: 1) уничтожение многих мелких предприятий и об'единение ряда предприятий в более крупные единицы имело своим естественным результатом сокращение их потребностей в деньгах. 2) В довоенной России требовалось дополнительное количество денег для обслуживания купли-продажи земли и городского недвижимого имущества, стоимость которых выражалась в многих миллиардах рублей. Вследствие национализации земли и городских строений у нас потребность в этом дополнительном количестве денег, необходимых для обслуживания их купли-продажи, отпала. 3) В довоенное время требовалось также довольно большое количество денег для обслуживания обращения разного рода ценных бумаг, стоимость которых равнялась приблизительно 11 миллиардам рублей. В настоящее время в Советском Союзе количество и общая сумма ценности этих бумаг представляет такую незначительную величину, что более или менее заметных требований на дополнительное количество денег пред'являть не может. 4) Благодаря концентрации производства и тем взаимоотношениям, которые существуют между государственными производственными об'единениями и синдикатами, все больше и больше расширяется круг безденежных оборотов. По исчислениям т. Струмилина безденежный оборот между трестами в 1925—26 г. составит 720 милл. довоенных рублей.

Вот те ближайшие причины, которые обусловливают сокращение денежной массы и медленность темпа ее роста в общих восстановительных процессах народного хозяйства. Игнорирование этих причин, составляющих неот'емлемую часть движущегося к социализму советского хозяйства, приводит как раз к таким неверным выводам и ошибочным построениям, разбор которых мы дали выше.

Переходим к «собственным методологическим» аргументациям тов. Бялого.

Как мы уже упомянули, т. Бялый не совсем удовлетворен разрешением проблемы эмиссионных возможностей Громаном, Базаровым и другими. По мнению его, «обширная литература по этому вопросу еще далеко не исчерпана».

И вот тов. Бялый хочет исчерпать этот вопрос окончательно и бесповоротно.

Этот смелый подвиг его кончается, однако, тем, что после длинных рассуждений находит подтверждение точки зрения расширения денежной эмиссии в повторении, при чем в повторении неполном и искаженном, уже разобранных нами суждений.

Но чтобы быть справедливыми по отношению к т. Бялому, надо сознаться, что тов. Бялый приводит «собственных» два, по его мнению, весьма важных аргумента, которыми он хочет пополнить Громана и Базарова и покончить раз навсегда с проблемой «эмиссионных возможностей». Этими аргументами мы и займемся.

Первый аргумент тов. Бялого. Острие своей «методологии» т. Бялый направляет, главным образом, против возможности инфляционной опасности. Возможность инфляции в результате усиления эмиссии—пустяки, ибо, видите ли, не только противники Громана, но и Громан и его единомышленники не понимают одну очень важную вещь (как вы думаете, читатель, какую?)... разницу между казначейской и банковской эмиссией. «Они упускают из виду разницу между казначейской эмиссией и банковской и подходят к проблеме эмиссионных возможностей с точки зрения казначейской эмиссии».

Открывая эту важную штуку, тов. Бялый благополучно разрешает задачу и победоносно заявляет: «Таким образом, банковская эмиссия, если только она получит правильное направление, не только не создаст инфляции, но наоборот, снизит цены и, следовательно, укрепит валюту. Непонятным парадоксом это является только для того, кто отождествляет кредитную эмиссию с казначейской».

Легко, быстро и бесповоротно. Но как же Громан, Базаров в своей кропотливой работе над букашками такого слона не заметили.

Но обратимся к тому, как т. Бялый мотивирует такой действительно «непонятный парадокс». Заранее извиняемся за длинные, может быть, ненужные выписки; но надо быть точным.

Итак, т. Бялый об'ясняет свой «непонятный парадокс»... «Банковская эмиссия, наоборот, идет в конечном счете в производство и увеличивает спрос только потому, что увеличивается производство. В то время, как казначейские эмиссии увеличивают потребительский спрос, банковские эмиссии увеличивают спрос производительный, т. е. такой, который не уменьшает товарную массу, а наоборот, увеличивает ее. Банковские эмиссии могут изменить размеры денежной массы, но не изменить ее отношения к товарообороту».

Тут что ни слово, то недоразумение.

Прежде всего, откуда взял т. Бялый, что у нас в Советской России казначейские билеты пред'являют только потребительский спрос, а банкноты—производительный. А если, т. Бялый, наши производственные органы получают в порядке бюджетного ассигнования казначейские билеты и потребляют их на производственные цели, какой спрос, по вашему, они пред'являют, производительный или потребительский? А если, например, Центросоюз, учитывая векселя в Госбанке получит червонцы, купит на эти червонцы мануфактуру и обувь для продажи населению, что это, по вашему и по вашей терминологии, потребительское или производительное применение червонца? Что значит, наконец, то, что «банкноты идут в конечном счете в производство». (Замечательнее всего это «в конечном счете»). Значит, по вашему, выданные купцам в порядке учета торговых векселей банкноты, которые обслуживая известные товарные обороты, возвращаются обратно в банк по истечении срока векселей, не являются банкнотами? Очевидно, что такую безнадежную путаницу, такое беззастенчивое изнасилование элементарных правил элементарных учебников политической экономии и непонимание особенностей нашего червонного обращения можно об'яснить не чем иным, как только страстной любовью т. Бялого к парадоксам.

Далее. Всей этой нагроможденной бессмыслицей т. Бялый хочет сказать, что если расширение эмиссии происходит за счет выпуска банкнот-червонцев, то никакого обесценения денег не может произойти. Тов. Бялый слыхал где-то и хорошо запомнил.

что есть какая-то разница между государственными неразменными бумажными деньгами и банкнотами и что вообще банкноты по сравнению с бумажными деньгами не подвергаются обесценению. И вот он хочет применить этакое свое знание к нашим казначейским билетам и червонцам. Но надо сказать, что если результат этакого применения своих политико-экономических знаний приводит его только к «непонятным парадоксам», то это только потому, что т. Бялый совсем не знает о банкнотах и бумажных деньгах даже того, что знает любой слушатель совпартшколы. Иначе он не мог бы говорить такие вещи, что банкнота идет только в производство, что она не может обесцениваться и т. д.

Дело не в производстве т. Бялый, а дело в способе выпуска банкнот и в том механизме, действие которого обеспечивает автоматическое выталкивание из каналов обращения в эмиссионный банк того количества банкнот, которое в данный момент для обслуживания товарного оборота оказывается излишним. Регулятором же этого механизма является размен банкнот на золото. Если нет размена на золото, то банкноты могут, при неосторожной политике и чрезмерном выпуске так же легко и быстро обесцениваться, как неразменные бумажные деньги. Не будет излишне привести одну цитату из Маркса: «Учение об идеальном денежном мериле получает новое значение в спорном вопросе о разменности или неразменности банковых билетов. Если бумага получает свое определение от золота или серебра, то разменность билета, т.-е. способность обмениваться на золото или серебро остается экономическим законом, независимо от того, что гласит юридический закон. Например, прусский бумажный таллер, по закону не подлежащий размену, оказался бы тотчас обесцененным, если бы в обыкновенном обращении стоил меньше серебряного таллера, т.-е., если бы на практике не мог размениваться» [1]). В другом месте Маркс с иронией замечает, что «неразменные бумажные деньги имеют только то преимущество перед разменными (т.-е. банкнотами), что могут быть вдвойне обесценены» [2]).

Действие этого «экономического закона», согласно которому стоимость банкнот должна равняться стоимости представляемого ими золота или серебра в обращении, в странах с золотой валютой регулируется свободным разменом на металлы. В Советской России нет свободного размена на золото. Проявление «экономического закона» регулируется сложными сознательными мероприятиями пролетарского государства, направленными к тому, чтобы в обращении не было лишнего количества денег, чтобы не дать стихийным силам товарно-денежного обращения осуществить этот экономический закон путем обесценения денег. Приведем слова т. Струмилина, взятые как раз из его статьи, посвященные защите критикуемой нами точки зрения. «И валюта наша базируется на ином основании, и наш общий хозяйственный строй совсем иной. Вместо разменного золотого фонда мы базируем устойчивость нашей валюты на таких своеобразных основаниях, как монополия внешней торговли и регулируемый в плановом порядке торговый баланс, национализация промышленности

[1]) Маркс, „К критике Полит. Эконом“., стр. 91.
[2]) Там же, стр. 169.

и регулируемые цены всей государственной продукции, национализация банков и регулирование банковской эмиссии в порядке кредитных планов» [1]). Если это так, то решение проблемы эмиссионных возможностей надо строить на анализе этих элементов в их взаимодействии, а не на гнилых парадоксах и выдуманных банкнотах и бумажных деньгах.

Второй аргумент т. Бялова. Расширение эмиссии денег не только не приведет к инфляции, но наоборот, укрепит нашу валюту, если оно совершится в порядке кредитования сел.-хоз. производства (отчасти) и реализации сел.-хоз. продукции. И вот т. Бялый дает нам яркую картину благополучия. Благодаря такому порядку выпуска денег, промышленность обеспечивается сырьем и расширяется, увеличивается платежеспособность сельского населения, пред'явленный которым повышенный спрос удовлетворяется расширяющейся промышленностью; итак, все идет как по маслу.

Приятная картина, но она рассеивается, как мираж, перед лицом тех конкретных условий и хозяйственных процессов, которые совершаются в настоящее время в народном хозяйстве. Сейчас мы переживаем неудовлетворение возросших потребностей населения, главным образом, крестьянства, выражением которого является то, что получило название «товарного голода». По подсчетам Наркомвнуторга непокрытие крестьянского спроса в промышленных товарах, в предстоящем хозяйственном году выразится в сумме 246 милл. р. [2]). Правительственные высшие хозяйственные органы прибегают ко всем возможным мероприятиям, чтобы бороться против ажиотажа и повышения цен на промтовары, чтобы плановым распределением обеспечить минимальным количеством промтоваров хоть те районы, где происходят хлебные заготовки. Наши хозорганы вот сколько времени бьются над изысканием средств и возможных путей для расширения промышленности, осложнявшейся еще больше проблемой основного капитала, не останавливаясь даже перед ввозом предметов широкого потребления, чтобы хоть немного смягчить товарный голод. Где т. Бялый, ваше гармоничное расширение промышленности, пропорционально возросшим потребностям? Прямо можно удивляться ненаходчивости наших хозяйственных органов; чего напрасно тратить энергию и марать бумагу, когда есть такой легкий способ решения всех вопросов, выдуманный т. Бялым— побольше печатать червонцев, побольше двинуть их в деревню, и расширение промышленности произойдет само по себе.

А что случилось бы по вашему, т. Бялый, если бы хозорганы слушались вашего совета? Вам известно, что превышение спроса над предложением приводит к повышению цен на товары, что у нас сейчас замечается в розничной торговле и против чего должны бороться наши планирующие органы. При таких условиях необходимо придерживаться величайшей осторожности с эмитированием денег, чтобы сохранить покупательную силу валюты на стабильном уровне. Расширение эмиссии еще больше усилит спрос на промтовары, под влиянием чего произойдет повышение товарных цен, т.-е. понижение покупательной способности червонца, т.-е. инфляция.

[1]) Струмилин, „Наши эмиссионные возможности“. (Ст. в «План. Хоз.». № 5 за 1925 г.).
[2]) См. «Эконом. Жизнь» № 199. („Проблема товароснабжения в 1925—26 г.“).

Так и второй аргумент т. Бялого говорит в пользу инфляции, т. е. противоположно тому, что он хотел нам доказать. Но тов. Бялый не унимается. Его чудотворная «методология» способна легко и быстро разрешить всякие противоречия. Еще в январе с. г. С. Киселев, обосновывая необходимость расширения денежной эмиссии, писал, что «наиболее целесообразным явилось бы использование эмиссии в первую очередь по пути хлебных, мясных и сырьевых заготовок и оживление тем самым низового спроса» [1]). Но Киселев, как осторожный писатель, благоразумно не затрагивал вопроса о том, в состоянии ли будет промышленность удовлетворить этот возросший низовой спрос. Но для т. Бялого такого рода затруднений не существует. Он может очень легко и просто решить вопрос. Послушайте: «Соответствующие хозяйственные органы в известной мере заранее могут учесть предстоящее увеличение спроса и подготовить к нему промышленность, тем более, что в наших условиях со стороны сырья особых препятствий не может встретиться».

Но в настоящее время эти хозяйственные органы не предвидят, а стоят перед фактом неудовлетворения промышленностью пред'явленного к ней возросшего спроса. Почему, если это так легко и просто, почему эти органы, несмотря на все старания, не могут расширить производство до уровня полного удовлетворения потребностей. Ведь вопрос стоит очень конкретно: какова должна быть наша эмиссионная политика в предстоящий один—два года при конкретно сложившихся хозяйственных условиях? Подход к разрешению вопроса с таким запасом неосведомленности или сознательного умалчивания о происходящих экономических процессах, очевидно, может дать только т. Бялый. Такое сознательное умалчивание или неосведомленность ярче выявляется в последних строках приведенной цитаты, где он говорит, что расширение промышленности не встретит препятствий со стороны сырья.

Обратимся к фактам. В одной из своих книг ВСНХ, анализируя состояние промышленности в истекшем году и намечая перспективы на этот хоз. год, пишет: «В других отраслях пришлось ограничить размеры расширения производства ниже рыночного спроса, вследствие недостатка сырья и ограниченных возможностей его импорта» [2]). Соответствует этот вывод фактам действительности? Целиком. По той же книжке (которую усиленно рекомендуем вниманию т. Бялого) видно, что вследствие недостатка производства некоторых важных сел.-хозяйственных сырьевых продуктов отрасли промышленности, зависящие от этих видов сырья, вынуждены были и вынуждены будут в предстоящем году удовлетворить значительную часть своих потребностей импортом этих сырьевых продуктов из-за границы. Так, например, в 1924 г. хлопчатобумажная промышленность, имея потребность в хлопке в 10.560 тыс. пудов, вынуждена была покрыть недостающий в сборе союзного хлопка недостаток ввозом 4.485 тыс. пуд. иностранного хлопка, что составляет 42,5% общей потребности. Несмотря на расширение хлопководства в 1925—1926 г., удовлетворение потребностей этой промышленности будет

[1]) См. его упомян. статью.
[2]) «Перспективы промышленности на 1925—26 операционный год», изд. ВСНХ, 1925 г., стр. 28.

достигнуто ввозом 6.745 тыс. пуд., что составит 36,7% общей ее потребности. Еще больший недостаток сырья чувствуется в шерстяной промышленности. В 1924—25 г. было ввезено тонкой шерсти 440 тыс. пуд., что составляло 65,3% потребностей промышленности; в 1925—26 г., по намеченному плану, 62,9% ее потребностей в тонкой шерсти будут покрываться импортом иностранного сырья. То же самое мы имеем в кожевенной промышленности, где 7% (в 1923—24 г.) и 8,6% (в 1924—25 г.) потребностей этой промышленности в крупных кожах было покрыто ввозом заграничных кож [1]).

Намечая пути развития промышленности в 1925—26 г., ВСНХ говорит: «Значительная часть отраслей промышленности, производящих предметы личного потребления, также не смогут удовлетворить требований рынка, но уже по другой причине: имея некоторый неиспользованный резерв оборудования, они не могут расширить производство вследствие недостатка сырья внутреннего происхождения и ограниченных возможностей импорта сырья из-за границы» [2]).

Так обстоит дело в действительности, а т. Бялый своей «методологией» дает нам совершенно противоположную, ни на чем не основанную картину. Неудивительно поэтому, что близкое рассмотрение вопросов, затронутых т. Бялым, и в том разрезе, в котором рассматривает их он, приводит неизбежно к тому выводу, что усиление денежной эмиссии не усилит твердость нашей валюты, что хотел доказать т. Бялый, а наоборот, чревато опасностями инфляции и ослабления ее стабильности.

Правильное разрешение проблемы «эмиссионных возможностей» достижимо только через внимательное изучение нашей своеобразной хозяйственной структуры и учет многообразия и сложного сочетания тех стихийных и сознательных факторов, посредством которых советские хозяйственные органы регулируют «экономический закон» денежного обращения. Только идя по этому пути можно учесть реальные процессы в народном хозяйстве, влияние их на состояние товарного обращения и потребности его в денежных знаках. Исходя из этого только можно наметить реальные возможности эмиссии, формы ее осуществления, не забывая ни на минуту, что первейшей заботой во всех мероприятиях по этому направлению должно быть сохранение твердости нашей валюты во что бы то ни стало. Применение же в анализе вопросов денежного обращения и эмиссионных возможностей «непонятных парадоксов» и негодной «методологии» может быть характеризовано не иначе, как невольное покушение на ненарушимый принцип сохранения твердости валюты и усиление идеологии инфляции.

---

[1]) См. указанную книжку, раздел „Сырьевые проблемы в 1925—26 г.“
[2]) Там же, стр. 37.

Н. Мамченко.

Пути развития торговой сети.

1. Роль торговой сети в развертывании и планировании хозяйства.

Едва ли нужно говорить о значении торговой сети в развертывании нашего хозяйства со времени перехода его к рыночным отношениям. Важнейшим условием роста промышленного и сельско-хозяйственного производства в условиях новой экономической политики является рост товарооборота, вовлечение в него отсталых полунатуральных хозяйств, а это возможно при наличии высоко-разветвленной торговой сети и высоко-качественного торгового аппарата.

Но обеспечение возможно-полного и дешевого обмена товарами между их производителями не есть исчерпывающая задача наших торговых аппаратов, поскольку наше хозяйство является хозяйством, идущим к социализму в крестьянской стране.

Торговый оборот, рынок—это то поле, на котором встречаются крупное, организованное государственное хозяйство с миллионами распыленных, неорганизованных частных, главным образом крестьянских, хозяйств.

Развитие этих миллионов частных хозяйств может быть направлено по желательному для пролетарского государства руслу в значительной мере путем косвенного воздействия на него через торговлю, рынок.

Ряд «командных высот» обеспечивает пролетарскому государству реальную возможность такого воздействия: крупная промышленность, транспорт, банки, монополия внешней торговли.

Обычно в этом перечне не упоминается торговый аппарат, хотя, по сути дела, торговая сеть имеет глубокой важности «командное» значение.

Конечно, распределение является моментом, в последнем счете, подчиненным производству, и успехи борьбы за социализм определяются улучшением производства, электрификацией, тракторизацией и т. д. Но было бы ошибкой, исходя из этого недооценивать на практике громадного значения организации обмена, рынка в условиях нынешнего дня, на существующем уже уровне хозяйства.

Вся практика последних лет только подтверждает то обстоятельство, что для успешного регулирования частно-хозяйственных элементов государству недостаточно быть крупнейшим производителем товаров и потребителем с.-х. сырья, ему нужно еще иметь за собой определяющую силу в торговле в виде торговой сети, подчиненной в решающей части обще-хозяйственным интересам.

2. Эволюция торговой сети.

При стихийно развертывавшемся в первые годы нэпа товарообороте так же стихийно строилась торговая сеть, главным образом за счет частного торгового капитала.

Частная торговля, имея первое время буквально гроши, при большой гибкости и изворотливости, быстро закрепилась на стыке экономических связей города с деревней и в условиях падающей валюты и неустойчивости рынка имела все возможности для быстрого, солидного накопления.

Падающая валюта была тем питательным «бульоном», в котором развитию частного торгового капитала обеспечивался особенный успех.

Страхуя свои капиталы в товарах, валюте (а затем и в червонцах), перестраховывая их еще накидками на цену товара «на падающую валюту», торговец не только перекладывал все невыгоды совзнака на потребителя, но добавлял еще новый налог на него.

А быстрота оборота товаров и денег, свойственная совзначным временам, позволяла частному капиталу увеличивать свои обороты в большей пропорции, чем произведенные накопления. В результате вплоть до начала 1924 года частный капитал в торговле обгонял в своем росте государство и кооперацию.

Денежная реформа обеспечила успех «концентрированному» наступлению на частный торговый капитал, которое мы и повели в начале 1924 года; она не только лишила «частника» основного его «козыря», но и дала необходимые средства для вложения в государственную и кооперативную торговлю.

На основе общего под'ема хозяйства и оздоровления денежной системы государственная и кооперативная торговля начали захватывать новые позиции не только за счет непрерывного роста товарооборота, но и за счет оттеснения частной торговли.

Этот процесс иллюстрируется данными об удельном весе государственной, кооперативной и частной торговли во всем посредническом обороте (т.-е. происходящем через торговые аппараты, а не непосредственно между производителями) за 1923—24 и 1924—25 годы, опубликованными в «Контрольных цифрах» Госплана.

Категория посредников.	1-е полугод. 1923—24 г.	2-е полугод. 1923—24 г.	1-е полугод. 1924—25 г.	2-е полугод. 1924—25 г.
	В процентах.			
Государственные	26,6	34,4	38,7	40,1
Кооперативные	23,1	31,6	33,5	34,9
Частные	50,3	34,0	27,8	25,0
Всего . . .	100	100	100	100

При этом падение удельного веса частного торгового капитала происходило более за счет оптового, чем розничного оборота.

Так в оборотах московской товарной биржи частный торговый капитал имел в первом полугодии 1923—24 года 21,2%, во втором полугодии—11,1% и в первом полугодии 1924—25 года—только 6,6%. По провинциальным товарным биржам соответственные цифры—19,3%, 12,0% и 8,7%.

В конце 1924 года нажим на частный капитал был не только ослаблен, но и поставлен вопрос об облегчении условий работы частного капитала в торговле вследствие невозможности обслужить потребности товарного оборота имеющимися кооперативными и государственными аппаратами и капиталами.

Несмотря на это роль частного капитала падала и в дальнейшем как в оптовом, так и в розничном обороте. Этот весьма показательный факт говорит о том, что первый этап борьбы за торговую сеть окончился победой социалистических элементов хозяйства над капиталистическими.

Государство, совместно с кооперацией, прочно закрепили за собой преобладающую роль в торговле не на основе административного зажима, а на базе окрепнувшего хозяйства и оздоровленной денежной системы. И вопрос о том, в какой доле можно и нужно допускать частный капитал в торговлю теперь есть вопрос средств, которые мы можем вложить в торговлю для замены частника. И дальнейшее вытеснение частного торгового капитала уже не является теперь вопросом решающей борьбы, ибо существенных экономических преимуществ частный капитал перед кооперативным в общем не имеет.

Последнее, впрочем, не исключает, конечно, того, что частный лавочник гибче, изворотливее, опытнее кооператора.

3. Две системы советских торговых аппаратов.

Первые годы новой экономической политики государственная и кооперативная сеть строилась так же стихийно, беспланово, как и сам развертывавшийся товарооборот. Каждый трест по-своему решал вопросы сбыта и по-своему строил торговый аппарат, вплоть до организации розничной торговли отдельными трестами. Однако, параллельно с ростом относительной роли государственной и кооперативной торговли происходил и качественный отбор и улучшение наших торговых аппаратов.

Ныне, когда мы имеем возможность поставить на очередь дня вопросы плановой рационализации торговой сети, мы уже имеем в практике откристаллизовавшиеся и нащупанные две системы советских торговых аппаратов, которые, друг друга дополняя, должны в перспективе охватить весь товарный оборот. Это потребительская кооперация и синдикаты.

Система потребительской кооперации, возрождавшаяся с начала новой экономической политики почти на пустом месте, в весьма трудных условиях падающей валюты, а затем систематического снижения цен, теперь стала уже весьма мощным товаропроводящим аппаратом, пропустившим только через свою розничную сеть в 1924—25 году товаров на $2^1/_4$ миллиарда рублей и предполагающим в 1925—26 году довести эту цифру до $3^1/_2$ миллиардов.

Система потребительской кооперации показала себя так же, как экономически рентабельный торговый аппарат, торгующий в целом дешевле частного торговца и обеспечивающий государству возможность реального снижения цен даже в весьма неблагоприятные моменты, как это было, например, при проведении денежной реформы.

Кроме того, из всех типов торговой сети кооперация является наиболее деревенской торговлей: 85% потребительских обществ, не менее 65% лавок и около 40% своей розничной продажи она имеет непосредственно в деревне.

Потребительская кооперация об'единяет 30% городского населения и 20% крестьянских дворов. Мы не имеем пока точного представления о социальной физиономии деревенских кооперативов. Но то исследование, которое на основании материалов выборочной переписи 1924 года проделано т. Гриценко («Союз Потребителей», № 9 за 1925 год) говорит о том, что хотя зажиточные слои кооперированы сильнее, чем бедняцкие, основную массу членов сельских обществ составляет середняк, которому и принадлежит руководство.

При всем том система потребительской кооперации, находящаяся еще в процессе эволюции, весьма часто (и правильно) аттестуется никуда не годной с точки зрения того, что желательно и уже возможно. Это говорит за то, что система еще таит в себе громадные потенциальные возможности.

Наконец, кооперативная система, представляющая из себя такой «торговый» аппарат, который содержит элементы отрицания самой торговли и перехода к социалистическому распределению, в своем развитии должна охватить всю низовую розничную торговлю. Этот аппарат для такой роли не только теоретически открыт, но и в практике уже оправдан.

Отсюда, конечно, не следует и глубоко ошибочным было бы одно предположение немедленного упразднения всякой государственной розницы, потому что это только курс, и курс длительного развития, но курс, которого необходимо держаться в меру экономических и организационных возможностей.

С другой стороны, сами синдикаты реализуют весьма значительную долю промышленной продукции, при чем эта доля систематически возрастает. Так, текстильный синдикат в первом полугодии 1923—24 года реализовал 24,4% всей продукции трестов, во втором уже—44,5%; в первом полугодии 1924—25 года—47,9%, а по предположениям на 1925—26 год реализация трестами своей продукции через синдикат дойдет до 90%.

Такой же процесс нарастания доли продукции, реализуемой через синдикаты, мы имеем и в других отраслях промышленности.

По 13 отраслям синдицированной промышленности в среднем в первом полугодии 1923—24 года было реализовано через синдикаты 25,5% всей продукции, во втором—29,9% и в первом полугодии 1924—25 года—31%.

Реализация трестовской продукции через синдикат имеет с обще-хозяйственной точки зрения два преимущества: 1) уменьшает в общем накладные расходы и количество звеньев, проходимых товаром на пути к потребителю; 2) дает реальную возможность

государственного планирования сбыта товаров по районам, контрагентам, известным условиям и пр., чего весьма трудно достигнуть при иных условиях.

Конечно, при покупке кооперативом непосредственно у треста накладные расходы должны быть меньше, чем при синдикатской реализации. Но в действительности, на практике по многим причинам такой порядок реализации не может найти широкого и преимущественного распространения. *Хорошо притертые друг к другу синдикатская и кооперативная системы есть наиболее прямой и дешевый путь товара от производителя к потребителю,* ибо при правильной организации дела сам товар в этом случае в большинстве пойдет именно от треста к кооперативу, а синдикат и кооперативный союз будут иметь дела с документами, заказами и расчетами.

Однако, синдикатская система в своем прямолинейном завершении имела бы и отрицательные последствия. Не потому, конечно, что синдикат может в какой-либо мере стать, как в капиталистических странах, организацией промышленности против потребителя; этого не может быть в наших условиях при твердом государственном регулировании цен и производственных планов. *Но полное освобождение трестов от коммерческой, сбытовой деятельности, особенно к тому времени, когда рынок будет достаточно насыщаться товарами, могло бы привести к недостаточному охвату рынка и неполному использованию его емкости.*

Поэтому в условиях сегодняшнего дня нельзя ставить вопроса о полном охвате синдикатской торговой системой сбыта промышленной продукции. Но охват этот растет и будет расти постепенно в меру экономической целесообразности, ибо направление здесь правильное и совпадает с общим направлением нашего хозяйственного развития по пути к социализму.

Некоторые отрасли, особо слабо синдицирующиеся по примитивно-«хозрасчетным» мотивам, следует подгонять, не форсируя через меру общего хода процесса.

Комбинация кооперативной и синдикатской систем — вот нащупанный в практике курс, которого и следует держаться в плановой рационализации торговой сети.

4. Задачи рационализации торговой сети.

Вопросов рационализации торговой сети в целом, увязки отдельных ее частей друг с другом, плановой перекройки нельзя было ставить на первом этапе борьбы за торговую сеть.

В обстановке первоначальной перестройки на хозрасчет в борьбе с частным капиталом за решающие позиции в торговле нужно было *во всей полноте без планового зажима использовать все возможности захвата торговых позиций выходящими на хозрасчет госпредприятиями.*

Но построить рациональную систему торговли в небывало новых условиях из головы было, конечно, нельзя. *Нужен был опыт.* И вот только теперь настал тот период, когда постановка на очередь вопросов систематической плановой рационализации товаропроводящей сети стала и необходима и реально возможна,

хотя до сих пор мы живем в условиях недостатка товаропроводящей сети, который терпим при нехватке товаров, но который будет тормозом в хозяйственном росте при насыщении рынка.

Это обстоятельство несколько ограничивает размах рационализации, *исключает излишнюю прямолинейность, торопливость, но не снимает самой задачи и даже наоборот подтверждает ее.* (Если сети не хватает, то надо ее более толково построить, чтобы при тех же средствах получить больший эффект).

Основные дефекты торговой сети с точки зрения рациональности ее построения, известны каждому из простого обывательского опыта: 1) неравномерное распределение сети между центром и окраинами и между городом и деревней, 2) отсутствие толкового разделения труда между отдельными предприятиями, если смотреть на них как на части единого целого.

Если взять для примера организацию сбыта текстиля так, как она была до последнего времени, то увидим следующее:

Текстильный синдикат имел 102 торговых пункта, об'единяемые им тресты—481 торговый пункт, затем все бесчисленные торги торгуют тем же текстилем и, наконец, вся система потребительской кооперации торгует и, конечно, не может не торговать им.

При этом тресты сплошь и рядом имеют свои отделения под боком у отделения синдиката, синдикат очень часто открывает отделение рядом с крупным и мощным кооперативным союзом, а между всеми ими ютятся всяческие «торги». В результате *недогрузка отдельных предприятий, бессмысленная хозяйственно перепродажа товара, высокие накладные расходы, увязки излишних капиталов и проч.*

Что из этого получается в «районном» разрезе (т.-е. в каком-либо районе по всем товарам, а не наоборот), рассказано в «Кооперативном Пути» (25 августа 1925 г.) о Самаре.

В Самаре имелось 44 государственных торговых предприятия, из них 15 чисто-оптовых, остальные оптово-розничные.

В этом числе 7 отделений синдикатов, 17 отделений трестов, 10 отделений центральных и инорайонных торгов, остальные местные предприятия.

Как они ведут торговлю?

С частными лицами госорганы торгуют на 7—14%. Розница в среднем составляет 15%. Остальное продается кооперации, при чем от ряда отделений товар не поступает прямо кооперации, а идет к ней через перепродажу других госорганов. Так, отделения синдикатов продают кооперации непосредственно лишь 27%, а остальные 50—65% продаются госорганам, которые в значительной части перепродают его кооперации сплошь и рядом тут же в Самаре.

В итоге штат в 1.980 человек, обходящийся в 3,4% к обороту, т.-е. в 200.000 рублей в месяц...

Это явление, конечно, не специфически самарское, а всеобщее.

Поле для упорядочения дела огромное, и результаты должны быть немалые как в смысле сокращения накладных расходов, так и в смысле освобождения занятых в обороте капиталов. Места для разумного приложения этих капиталов очень много, особенно

при тех «торговых пустынях», которые мы имеем в некоторых районах.

По данным экспедиционного обследования торговой сети Наркомвнуторгом в 1923—24 году в районах Европейской России в среднем на города падает 207 торговых единиц на 10.000 душ населения, а на сельские местности—11,4 единиц, да и из этого числа только меньшая половина относится к стационарной торговле, а остальное—к розничной и рыночной. По данным о выборке патентов в первом полугодии 1924—25 г. только $^1/_4$ часть всех предприятий находится в сельских местностях. В отдельных местностях мы имеем полное отсутствие торговой сети. В среднем одна кооперативная лавка в сельских местностях обслуживает площадь в 627 квадр. километров, а в отдельных районах (Туркестан) эта цифра доходит до 7.200 кв. километров.

Экономические последствия этого явления очевидны: 1) неохват рынка в целом ряде районов, отсутствие стимула к росту товарности хозяйства.

2) Предоставление тысяч населенных пунктов полному произволу частника-лавочника, громадные накидки на товары в этих местах.

Отсюда задача возможного перераспределения существующей торговой сети и системы экономических мероприятий, направленных к поощрению развертывания торговой сети в местах ее недостатка.

5. Пути рационализации торговой сети.

Нерациональное с обще-хозяйственной точки зрения построение и размещение торговой сети возникло не вследствие злой воли или узко ведомственного кругозора руководителей организации.

Каждый отдельный момент этой нерациональности имеет известные хозяйственные и экономические корни, не всегда преодолимые, не сразу преодолимые и не легко преодолимые (например, собственная розница трестов—необходимы оборотные средства, слабая торговая сеть в Туркестане —некультурность, недостаток средств, слабая кооперированность и т. д.).

Вооружившись только благими намерениями ничего рационализировать нельзя.

Необходимо: 1) тщательное изучение каждого отдельного вопроса и на основе его выявление необходимых мероприятий; 2) отыскание экономических рычагов, посредством которых можно добиться осуществления этих мероприятий.

Налог, кредит, финансирование, тариф—вот эти рычаги, которыми надо учиться пользоваться в этих целях.

Мы еще не умеем действовать ими гибко, применяясь к отдельным районам, организациям и пр.

Между тем, ясно, что для районов, насыщенных торговой сетью достаточно, следовало бы налог увеличить, а для районов не насыщенных—наоборот.

Так же и со всеми прочими экономическими рычагами.

Совершенно ясно, что вопросы рационализации торговой сети не могут быть разрешенными без постановки их в центре, «с головы» так же, как ясно и то, что центр без участия местных работников, их опыта и инициативы не сможет успешно эту задачу решать.

М. Танин.

„Дауэсизация“ Франции.

(Провал франко-американских переговоров).

«Традиции дружбы» и действительность.

Вначале все как будто шло великолепно. Лишь только Жозеф Кайо, «финансовый гений» Франции, ступил на землю «традиционного друга» французского народа—Америки, он заявил нью-йоркским журналистам, а через них явившемуся для встречи представителю американской комиссии по долгам Винстону: «Я и мои коллеги—люди доброй воли, и мы с большим удовольствием встретим тех людей доброй воли, которые составляют американскую комиссию по долгам». Потом были торжественные встречи, банкеты в Белом Доме и обмен любезностями между министрами обоих стран—Кайо и Меллоном.

А когда открылись формальные переговоры (24 сентября), Кайо произнес, как сообщает «Тан», «весьма сердечную» речь, в которой заявил: «Мы не забываем, и никто во Франции не может забыть, чем мы обязаны Америке за ее великолепное сотрудничество, позволившее нам довести войну до победоносного конца. Мы также не забудем—и мы уверены, никто по этой стороне Атлантического океана не забывает—об узах дружбы между нашими странами в конце XVIII столетия». Под этими ауспициями, заключил Кайо, можно будет достигнуть соглашения, «достойного обоих великих народов и способствующего мировой экономической стабилизации». И хотя Меллон в своей ответной речи сразу заявил, что «народ-кредитор обязан требовать урегулирования долгов», он не преминул поблагодарить Францию за помощь Соединенным Штатам в период их борьбы за независимость и обещал при пред'явлении требований «принять во внимание затруднительное положение Франции». Это последнее заявление с большим удовольствием и большими надеждами было подчеркнуто французской прессой.

Затем последовали систематические заседания американских и французских представителей. Несмотря на их конфиденциальный характер, вся иностранная печать была полна сообщений из «достоверных источников» о положении переговоров. 2 октября все газеты сообщали, что в подкомисии якобы уже достигнуто соглашение на основе рассрочки французского долга (4.025 милл. долларов) на 62 года с ежегодными взносами, в среднем, по 100 миллионов долларов. Но это оказалось уткой, и на следующий день те же газеты уже сообщали факт, как он есть, что переговоры по существу кончились провалом. Первоначальные же сведения о благополучном исходе переговоров были основаны на недоразумении: французские предложения были приняты за согласованные предложения обеих делегаций. Маленькая ошибочка... К тому же, все дело якобы испор-

тили пронырливые журналисты, которые разболтали содержание конфиденциальных уступок Америки; а это вывело из себя президента Кулиджа, который по причинам внутренне-политического характера (опасения оппозиции в сенате) прервал переговоры по основному вопросу.

Но все эти «раз'яснения» иностранной печати, конечно, не выдерживают критики. Факт провала переговоров остается фактом, и лишь для того, чтобы сгладить его, американцы предложили временное соглашение на 5 лет о способе покрытия текущих процентов. Кайо ответил, что он не уполномочен подписать такого соглашения и обещал предложить его своему правительству. С этим он и уехал в Париж.

Итак, взывание к славным традициям франко-американской дружбы в конце XVIII столетия, совместное посещение французскими и американскими делегатами в Вашингтоне могилы «неизвестного воина», павшего в совместной борьбе Америки и Франции на полях Европы за «демократию», освобождение угнетенных народов, самоопределение и все прочее—все это не помогло. Даже гениальный лоб Кайо не мог прошибить стены американского «шейлокизма», как теперь отзывается французская националистическая печать о бывшем «доблестном союзнике» Франции. И теперь по той и другой стороне Атлантического океана мы уже слышим такие комплименты: с одной стороны, сенатор Бора на завтраке в честь Вирта, б. канцлера, вчерашнего врага Соед. Штатов—Германии, выражает удовлетворение по поводу краха переговоров с вчерашним союзником—Францией, и говорит, что последняя «употребляла американские доллары на то, чтобы посылать сенегальцев в Рур, заниматься военными авантюрами в Марокко и Сирии и вооружать Польшу и Чехо-Словакию». А с другой стороны, мы в связи с неудачей миссии Кайо находим во французской печати такие комплименты по адресу Америки, как «Шейлок—дядя Сэм», «американская жадность», «империализм американского золота» и т. д.

К ходу переговоров в Вашингтоне мы еще вернемся. Займемся раньше вопросом о сущности проблемы задолженности Франции по отношению к Америке. Проблема эта имеет крупное международное значение и изучение ее постепенного развития дает богатейший материал для уяснения хода наступления американского империализма не только на Францию, но и на всю Европу, с одной стороны, и кризиса французского империализма—с другой. Ясно, что все это не может не иметь большого значения для судеб нашего Советского Союза.

Зарождение франко-американского антагонизма.

Когда американский империализм после некоторого периода колебания решил разбить своего конкурента—Германию и стал на сторону Антанты, продажная американская печать и весь «идеологический» аппарат американского капитала стали воспевать «прекрасную Францию», Францию Лафайэта, борца за американскую независимость, Францию—«традиционного верного друга Америки».

Так было в начале мировой войны. Но как только кончилась война, картина сразу переменилась. Мемуары бывшего статс-секретаря при Вильсоне — Лансинга («The Peace Negotiations», «мирные переговоры»), равно как и мемуары Бекера, шефа бюро печати при Вильсоне на мирной конференции, свидетельствуют, что американско-французский антагонизм наметился уже во время этих переговоров. И это вполне естественно. Тогда уже обнаружилось, что победоносный французский империализм намерен занять место разбитого германского. Это вовсе не входило в расчеты Америки, и Вильсон пытался умерить французские аппетиты. Но вся его роль на конференции с точки зрения американского империализма была весьма жалкой: несмотря на огромную роль Америки в последний период войны, он не смог обеспечить ей «заслуженной» доли при дележе добычи, и в конце-концов в основных вопросах уступил французской дипломатии, которая, очень удачно спекулируя на idée fixe Вильсона—Лиге Наций, вырывала у него одну уступку за другой. В этих уступках Вильсон зашел так далеко, что в день подписания Версальского договора (28 июня 1919 года) он также подписал гарантийный договор, по существу—обязанность охранять французские завоевания на случай реванша со стороны Германии.

Но американский сенат вместе с Версальским договором отверг и гарантийный договор (19 ноября 1919 г.). Это был первый серьезный удар по американско-французской дружбе. Им поспешила воспользоваться английская дипломатия, чтобы и со своей стороны отказаться от гарантийного договора с Францией. В дальнейшем отношения между Соед. Штатами и Францией все ухудшаются. В 1921 году на Америку обрушивается жестокий экономический кризис. Сумма экспорта в 1921—22 фискальном году резко падает до 3,8 миллиардов долларов, против 6,5 миллиардов долларов годом раньше. Американский капитал, в то время еще не освободившийся окончательно от об'ективно изжитой политики «блестящей изоляции», начинает убеждаться, что одной из важнейших причин кризиса является падение покупательной способности Европы, а оно, в свою очередь, в значительной степени обусловлено дезорганизаторской политикой французского империализма. Отсюда дальнейшее ухудшение американско-французских отношений.

Это особенно рельефно проявилось во время Вашингтонской конференции по сокращению вооружений (12 ноября 1921 г.— 6 февраля 1922 г.), когда Франция резко выступила против американско-английских предложений о способах так называемого «разоружения». Франция, главным образом, настаивала на полной свободе в области усиления своего подводного флота, направленного против Англии. Но Америка, за значительные уступки со стороны Англии, поддерживала протесты последней против французских планов, тем более, что сама Америка была заинтересована в том, чтобы осадить чересчур зарвавшуюся Францию. В результате создалось такое положение, что французские дипломаты в Вашингтоне стали поддерживать японскую делегацию против наметившегося в то время американско-английского блока. А это, естественно, еще более обострило антифранцузские настроения в Соед. Штатах.

Вопрос о долгах стал более актуальным. В печати все чаще стали раздаваться голоса протеста против неисправного должника, который, уклоняясь от уплаты долга, не только находит средства на усиленное вооружение, но и осмеливается

стать поперек дороги кредитору—Америке. 7 февраля 1922 г. американские законодательные органы проводят закон о создании особой комиссии для консолидации иностранных долгов. Этим дается новое предостережение должникам—Франции и Англии.

Америка против Франции в репарационном вопросе.

Немного позже американский капитал в лице Моргана на конференции банкиров в Париже (23 мая—10 июня 1922 г.) заявляет Франции, что «в Соед. Штатах и Великобритании капиталисты не обнаруживают тяготения к предоставлению Германии займа, который рассчитан на разрешение репарационной проблемы» (из резолюций конференции). В то же время печать сообщала, что Морган согласился бы участвовать в займе, но только под условием, что Франция даст обязательство не захватывать германской территории и не подрывать таким образом платежеспособности Германии. В том же духе высказывается Юз в своей речи в Нью-Гейвене 29 декабря 1922 года, посвященной лондонской конференции. Он высказывается за передачу вопроса о репарациях международной экспертной комиссии и против удушения Германии.

Но все эти выступления со стороны Америки не были сделаны в достаточно решительной форме. Американская дипломатия все еще была вынуждена платить дань традициям политики «блестящей изоляции», чтобы сторонники последней не обвиняли государственный департамент в вовлечении Соед. Штатов в «грязные дела» Старого Света.

Колебания Америки ободряли французских империалистов. 11 января 1923 года Франция вторгается в Рур. Германия взывает к помощи Америки. Официальная Америка остается пассивной. Но в дальнейшем настроения в Штатах против оккупации Рура и французского нажима на Германию все усиливаются.

Эти настроения питаются следующими экономическими причинами: 1923 год проходит в Соед. Штатах под знаком обострения кризиса сбыта сельского хозяйства (при значительном промышленном под'еме). Стоимость урожая этого года составляла 8,3 миллиарда долларов, против 7,4 миллиарда долларов в 1922 г. и 5,6 миллиардов долларов в 1921 году. Между тем сбыть излишки сельско-хозяйственной продукции было настолько трудно, что число банкротств фермеров стало быстро расти, достигнув цифры в 15% из общего числа всех банкротств, против 4% до войны. Кризис привел к тому, что в 15 земледельческих штатах 8% всех фермеров-собственников лишились вследствие банкротства своих насиженных ферм. Кроме того, 15% фермеров прекратили платежи по своей задолженности, но вследствие уступок со стороны кредиторов остались на местах. Тяга фермеров в город приняла настолько угрожающие размеры, что президент Кулидж в своей речи (в феврале 1924 года) предупреждает, что «недовольство фермеров может вылиться в революционные формы». И правительство вынуждено все пристальнее обращать свои взоры в сторону Европы, как рынка сбыта для американской сельско-хозяйственной продукции.

В ту же сторону толкали американскую дипломатию и заботы о необходимости обеспечить сбыт продуктов все расширяющейся промышленности, тем более, что к середине 1923 года (так же, как и к середине 1924 г.) произошли серьезные заминки в процессе производства, которые многим казались предвестниками надвигающегося кризиса.

Довольно значительным рынком сбыта для американской продукции является Германия. Американский экспорт в Германию за последние годы составлял:

1922 г.	350,5 миллионов долларов.
1923 „	293.1 „ „
1924 „	378,3 „ „

При чем этот экспорт значительно превышал германский импорт (последний выражается в следующих цифрах: 1922—95,6 миллионов долларов; 1923—142,9 милл. долларов; 1924—146,8 милл. долларов). Прибавим к тому же, что после войны, еще до плана Дауэса немало американских капиталов было вложено в германские предприятия. Все это усиливало заинтересованность американского капитала в судьбах Германии.

Но германский рынок лишь органическая часть европейского. А последний играет крупную роль в американской внешней торговле. Американский экспорт в Европу за последние годы по сравнению с довоенным 1913 г. составлял в миллионах долларов:

1913 год	1.479	(59)[1]
1919 „	4.645	(64)
1920 „	4.864	(60)
1921 „	3.408	(52)
1922 „	2.067	(55)
1923 „	2.035	(51)
1924 „	2.202	(51)

Итак, примерно, половина американского экспорта идет в Европу. Может ли после этого могущественный американский империализм позволить французскому произволом и террором, ударами в сердце этого рынка — Германию — дезорганизовать и разрушать его? Конечно, нет. Может ли американский империализм призвать к порядку французский империализм, пораженный манией величия? Конечно, да. И вот, после того, как французский франк стал стремительно падать, не выдержав бремени затрат на непосильные вооружения, после того, как французский империализм вынужден был заискивающе протянуть руку Моргану, американское правительство вновь выдвигает предложение о международной комиссии экспертов для решения репарационного вопроса. И Франция—напомним, что это было еще при Пуанкаре-Война—вынуждена была согласиться с этим предложением.

14 января 1924 года, т.-е. как раз через год после оккупации Рура, в Париже начала работать комиссия экспертов под председательством американского банкира Дауэса, — «политишина» с неособенно чистой репутацией (дело обанкротившегося Лоримера в Чикаго); 19 апреля Дауэс передает репарационной комиссии свой знаменитый план, который, по его уверению, должен повести к «длительному и окончательному миру».

[1] В скобках процентное отношение американ. экспорта в Европу к общему экспорту Соедин. Штатов.

15 мая Пуанкаре, тот самый Пуанкаре, который до того времени так решительно отклонял все попытки Англии привлечь Америку к решению репарационного вопроса, извещает Макдональда, что он согласен эвакуировать Рур на основе плана Дауэса. 16 июля созывается в Лондоне междусоюзная конференция с участием Германии для окончательного принятия плана Дауэса. Американский посол в Лондоне Келлог присутствует только, как «наблюдатель». Американский министр иностранных дел Юз, министр финансов Меллон в сопровождении виднейших финансистов к этому времени «частным образом» прибывают в Лондон. 16 августа Франция наряду с остальными союзными государствами подписывает соглашение о проведении в жизнь плана Дауэса.

Что означает этот план, ныне уже реальный фактор, с точки зрения франко-американских отношений?

Франция оказалась вынужденной согласиться на эвакуацию Рура. Она обязалась вопросы о том, исполняет ли Германия Версальский договор,—вопросы столь богатые возможностями бесконечного шантажирования Германии,—передать на разрешение Америки (формально решает репарационная комиссия, к работам которой в таких случаях привлекается представитель Америки; по существу же это сводится к решению Америки). Другими словами, французский империализм лишается свободы действий в наиболее жизненной для него области—в своей политике по отношению к Германии. С другой стороны, американский генеральный агент по репарациям, в руках которого концентрируются германские репарационные взносы и который может по своему усмотрению выпускать их из Германии или задерживать (положение плана Дауэса о трансфертном комитете)—этот самый представитель американского капитала в Европе контролирует не только финансовую жизнь Германии, но и косвенно—Франции, зависимой от германских платежей.

Но это только начало постепенной «дауэсизации» Франции. До плана Дауэса Америка по-настоящему еще не нажимала на другой рычаг, которым можно привести в движение еще более тяжеловесные средства давления на Францию—мы говорим о долгах. После дауэсизации Германии этот нажим, естественно, должен был усилиться. Этого требовало «умиротворение Европы», как его понимает американский империализм.

«Политический» долг—неудачное изобретение.

Толчком, вызвавшим усиление американских требований, послужил следующий факт: в конце истекшего года французское министерство иностранных дел опубликовало финансовый меморандум, согласно которому Франция должна Америке по основному военному долгу 2.933 миллиона долларов, плюс 650 миллионов долларов процентами—итого 3.583 миллиона долларов. (В переговорах между Кайо и Меллоном в Вашингтоне вся сумма военного долга, плюс долг в 407 милл. долларов за остатки американского военного инвентаря, определена в 4 миллиарда 25 млн. долларов). Но о военном долге Америке французский министр финансов Клемантель в бюджете даже не счел нужным

упомянуть на том основании, что он относится к категории не «коммерческих», а «политических» долгов. Из меморандума к бюджету мы узнаем, что означает сия «политика».

«Мы не можем,—говорится там,—рассматривать возможность принятия на себя бремени ежегодных платежей (Америке и Англии)... пока мы не выполнили работ по восстановлению разрушенных областей и пока платежи, следуемые нам согласно мирному договору, еще не создали для нас необходимых ресурсов». И далее в меморандуме весьма напыщенно говорится о «великих воспоминаниях», об'единяющих Францию и Америку, о Лафайэте, Ришамбо и т. д.

К чему сводится «краткий смысл сей длинной речи» и вся «политика» отнесения долга к «высшей» категории «политических» долгов ясно было: Франция намерена была платить великими воспоминаниями, но не деньгами. Так это и было понято в Вашингтоне. И американские политические круги не замедлили решительным образом реагировать на подозрительные маневры Франции. 29 декабря сенатор Рид произнес в сенате резкую речь против Франции, в которой между прочим заявил:

«В 1917 и 1918 г.г., когда Америка принимала участие в войне, мы заняли у своего народа и немедленно передали Франции большую сумму денег... Мы заняли эти деньги, давая свое поручительство под французскими облигациями. И, давая свои деньги Франции, наш народ получал американское обязательство, которое мы должны уважать... Но Франция не уплатила ни одного пенни по военному займу. Наше же правительство, выпустившее боны, чтобы реализировать эти деньги для Франции, аккуратно выплачивало проценты по ним, и эти проценты к 15 ноября 1924 г. составили 796.711.537 долларов. Другими словами, за эти шесть лет мы забрали у наших налогоплательщиков 800 млн. долларов, чтобы платить проценты вместо французских налогоплательщиков!»

И, указывая на французскую бюджетную смету, не упоминающую даже о долге Америке, сенатор Рид прибавил: «Я считаю, что сенат не может прекратить своей сессии, пока против этого не раздастся голос протеста». И в заключение он напомнил Франции, что «непризнание долга, сделанного во время последней войны, окажется роковым для ее займов в «ближайшую войну», к которой она готовится.

Не мало горьких слов пришлось французской дипломатии выслушать и от сенатора Бора, ныне председателя американской сенатской комиссии по иностранным делам; в своей речи в сенате 22 января с. г. Бора категорически требовал от Франции уплаты долгов на определенных льготных условиях и в малоделикатных выражениях расписал истинные причины, побудившие Францию помочь американским колониям в их борьбе с Англией за независимость, а также цели Франции в мировой войне. Когда же сенатор демократ Брюс, выступая в защиту Франции, призвал в свидетели тень Лафайэта, Бора раздраженно воскликнул:

«Хвала Лафайэту! Но ведь французское правительство пыталось арестовать его, когда он уезжал (в Америку)... И, нако-

нец, в моем распоряжении имеется документ о том, что мы ему заплатили за его услуги и наградили крупным участком земли».

Эта речь была ответом на нашумевшее выступление б. министра в кабинете Пуанкаре, депутата Луи Марена, в палате депутатов 21 января. Марен, тыкая пальцами в кровоточащие военные раны Франции, воскликнул:

«1.425.000 убитых, 300.000 умерших от ран, 4.000.000 раненых... 800.000 девушек, лишенных возможности создать домашний очаг... Если по американскому обычаю расценивать рабочую силу каждого человека на деньги, то Соед. Штаты должны нам миллиарды! Наше самоуважение не потерпит, чтобы финансовое превосходство стало орудием политического давления».

Любопытная полемика между союзниками, проливавшими кровь за общее дело: «торжество справедливости и демократии в мире...».

После вашингтонских переговоров.

В таком положении был вопрос о долгах при кабинете Эррио. Явившийся ему на смену кабинет Пенлеве сейчас же был поставлен перед необходимостью взяться за этот проклятый вопрос, переходивший в наследство от одного правительства к другому. Наученный горьким опытом Клемантеля, Кайо взял другой курс: Франция, дескать, и не помышляет о том, чтобы не «уважать своих обязательств», но погашать свой долг она может только в пределах «разумной» платежеспособности. Французская платежеспособность же находится в органической связи с репарационными взносами Германии, согласно плану Дауэса.

Такая постановка вопроса не могла удовлетворить Соед. Штаты. Но все же торг начался. Вначале происходили неформальные переговоры через послов в Париже и в Вашингтоте. Наконец, Кайо, во главе французской делегации, лично отправляется в путешествие к заморскому Шейлоку. Начинаются формальные переговоры, о судьбе которых вкратце уже указывалось выше. Но хотя эти переговоры дали, как говорит «Тан», лишь «обманчивый финал», стоит остановиться на их важнейших моментах, т. к. они, без сомнения, будут служить исходными пунктами для дальнейших переговоров. Кроме того, сопоставление последних предложений с той и другой стороны лучше всего иллюстрирует сущность франко-американского спора.

Последнее французское предложение, зафиксированное в официальном сообщении американской делегации накануне разрыва, сводится к следующему:

Франция платит ежегодно в течение первых 5 лет по 40 миллионов долларов, в следующие 7 лет—по 100 миллионов, а затем в течение 56 лет—по 100 млн. дол. Таким образом, платежи растягиваются на целых 68 лет и исходят из расчета меньше 1% по основному долгу. Но помимо того, во французском предложении делаются такие оговорки насчет приостановки платежей в случаях угрожающего положения франка и т. д., которые, согласно заявлению американской делегации, придают платежам весьма проблематичный характер. К тому же, если бы считать проценты по той норме, по которой платит само американское правительство держателям «Облигаций Свободы» (т. е. за те деньги, которые оно одолжило у своих граждан, чтобы отдать их взаймы Франции),—если считать по такой норме, то французский план платежей соответствовал бы долгу всего лишь в 1.750 миллионов дол. против 4.025 млн. дол. На это Америка не соглашается, и, со своей стороны, предлагает проект платежей, соответствующий сумме долга, уменьшенной до 2.800 млн. дол. Но в виду того, что при таком значительном расхождении французской и американской точек зрения соглашение оказывалось невозможным, американская делегация выдвинула следующую временную сделку:

«Франция обязуется независимо от прочих условий уплачивать 40 миллионов дол. в год, предложенные во французском меморандуме, как представляющие платежеспособность Франции в течение ближайших 5 лет. Эта сумма будет рассматриваться, как все процентные деньги (intérêt intégral) по долгу в течение этого периода. К концу этого пятилетнего периода оба правительства должны снова собраться, чтобы исследовать (examiner) платежеспособность Франции (курсив наш. *М. Т.*) к тому времени и определить сумму, которую она должна будет платить согласно новым условиям, которые будут зафиксированы в тот момент».

В своем ответе на это последнее предложение—как уже упоминалось выше—Кайо подчеркивает, что американская делегация исходит из критерия платежеспособности Франции и заявляет, что не имея полномочий подписывать такие непредвиденные в Париже условия, он их предложит своему правительству. И назавтра же Кайо пустился в обратный путь. Вот и вся история вашингтонских переговоров. «Энформасион» (орган французских финансовых кругов) характеризует этот финал словами: «Ни соглашение, ни разрыв». Но так как американское предложение еще должно быть одобрено конгрессом,—а в этом нельзя быть уверенным,—а французское правительство его еще не приняло, то конец вашингтонских переговоров по существу является разрывом.

Что же означает этот разрыв, каковы дальнейшие перспективы франко-американских отношений и их возможные последствия в международном масштабе?

Раньше всего—вопрос о долгах продолжает висеть как Дамоклов меч над головой Франции даже в том случае, если последняя примет американские предложения, на первый взгляд как будто отодвигающие решение вопроса на 5 лет. И именно потому, что это первое впечатление обманчиво, значительная часть французской печати высказывается за отклонение американских предложений. Так, например, орган правящего левого блока «Котидьен» (4 октября) пишет: «Есть ли уверенность в том, что молчание продолжится 5 лет? Платеж по закупкам военного инвентаря — платеж в восемь миллиардов франков, если вам угодно — приходится уже в 1929 г. Где же уверенность в том, что вопрос не станет в порядок дня в этот срок или даже раньше?» И газета решительно высказывается за отклонение плана Меллона. Мнение противников этого плана суммирует б. министр финансов в кабинете Клемансо, Клоц, в националистической «Эклер». Соображения Клоца сводятся к следующему:

1) Принимая американский проект временного соглашения, Франция тем самым отказывается от разделения долга на часть

«политическую» и «коммерческую». 2) Это соглашение не только не улучшит, но ухудшит положение франка в виду неопределенности положения с долгом. 3) В соглашении ничего не говорится о методах трансфера (перевода) этих 4 миллиардов франков (200 милл. дол.) в течение 5 лет. 4) Принятие соглашения с Америкой осложнит вопрос о французском долге Англии.

Щупальцы дауэсизации.

Но французскую печать не столько раздражают эти конкретные требования Америки, как та упорная тенденция к дауэсизации Франции, которая определенно проглядывает в политике Вашингтона в вопросе о долгах. И в самом деле, как это ни парадоксально, Америка мало нуждается во французских платежах. Европейские и другие страны должны Соед. Штатам (включая и американские инвестиции за границей) поистине умопомрачительную сумму в 21 миллиард долларов, или за вычетом не-американских капиталов в Соед. Штатах—17 млд. дол. Платить они могут либо золотом, либо товарами. Что касается первого, то Соед. Штаты уже проглотили около 60% (4½ млд. дол.) всего мирового золотого запаса, и остающееся вне Америки золото составляет лишь около ¼ задолженности других стран по отношению к ней. Дальнейшее перекачивание золота в Соед. Штаты, задыхающиеся от «золотого полнокровия», им скорее вредно, чем полезно. Другая альтернатива—наплыв товаров в Соед. Штаты—последним также нежелательна. Вот почему такой видный финансист, как например, Бернард Барух, высказывается против нажима на Францию.

Если нажим все же производится, то это об'ясняется внутренними и внешними политическими соображениями. Республиканская партия пришла к власти с обещанием взыскания долгов с союзников с целью облегчения положения налогоплательщика, и она не может, боится обмануть избирателя. Что же касается внешней политики, то не нужно лучшего способа давления на Францию и др. должников, как постоянное размахивание в воздухе их долговыми обязательствами. Ведь не следует упускать из виду, что вожделения американского империализма, скрывающиеся за планом Дауэса, имеют своим об'ектом не только Германию, но и всю Европу. А следующим за германским звеном в цепи дауэсизации в силу репарационного и других вопросов, естественно, является Франция.

И действительно, вылазки американского империализма в этом направлении уже предпринимаются. Не подлежит сомнению, что «план Герли» или «план Дауэса для Франции», о котором как-то глухо говорилось в телеграфных сообщениях из Вашингтона и Парижа прошлой осенью, имеет под собой серьезные основания. Из американской печати мы узнаем, что Эдуард Герли—член американской правительственной комиссии по консолидации долгов (Funding Commission) и что он в «неофициальном порядке» был командирован в Париж, где вел «частные» переговоры с представителями французского правительства и деловых кругов. В результате этих переговоров и сложился

«план Герли». Согласно этому плану весь французский долг должен быть погашен в течение 67 лет, при чем Франции предоставляется мораторий на 5 лет. После этого срока Франция начинает платить по 100 миллионов долларов в год. При этом, в целях удержания финансового равновесия Франции, в Америку уходит лишь половина этой суммы. Другая половина будет американским правительством через посредство особого смешанного франко-американского общества вложена во французские промышленные предприятия. План далее предусматривает создание трансфертного комитета для регулирования перевода платежей с таким расчетом, чтобы не вызывать падение франка; во главе этого комитета стоит американец, «функции которого аналогичны функциям генерального агента по репарациям в Германии»—словом поистине «план Дауэса для Франции», план подчинения Франции контролю Уоллстрит, план создания новой широкой политико-экономической базы американского империализма в сердце Европы.

О тех же настроениях в Вашингтоне свидетельствует статья б. американского посла в Лондоне, а ныне также влиятельного политика, Гарвея, появившаяся в официозном «Вашингтон Пост» (28 дек. 1924 г.).

«Франция,—писал он зло,—хочет отыграться на Америке против Англии, заявляя каждой из них, что она не может заключить соглашение с одной, так как, увы, ей пришлось бы платить другой—прямо ужасное, невозможное положение!»... И далее Гарвей ставит точку над и: «Что другого остается делать Франции помимо того, что наверно, сделало бы всякое коммерческое предприятие в ее положении? Конечно, созвать совещание ее обоих кредиторов, дать им свободный доступ ко всей информации относительно ее дебета и кредита, ресурсов и возможностей и добиваться справедливого соглашения»...

Мы подчеркнули эти слова о «свободном доступе ко всей информации», так как они по существу равносильны требованию известного контроля над французскими финансами. Но еще более откровенен сам пресловутый спец по «восстановлению» европейских стран—Дауэс. Выступая в конце февраля в клубе банкиров, в Чикаго, он прямо заявил: «Я надеюсь, мы скоро будем иметь комитет Дауэса (для Франции), чтобы исследовать, сколько Франция может платить».

Правда, Дауэс в этой же речи намекнул, что Соед. Штаты согласятся аннулировать часть долга, но важен тот факт, что вице-президент Соедин. Штатов открыто говорит о «плане Дауэса» для Франции, с вытекающим отсюда финансовым контролем над Францией. И для того, чтобы придать вес этим домогательствам, в конгресс была внесена резолюция о воспрепятствовании заключению займов в Соединенных Штатах тем государствам, которые не выполняют своих обязательств.

А за выступлением Дауэса последовала нашумевшая речь американскоого посла в Лондоне Гоутона (4 мая с. г. в «обществе пилигримов»). Расписывая «великодушную помощь» Америки Европе, Гоутон подчеркнул:

«Мы, однако, не забыли, что есть граница, которую мы не должны переступать... Помощь Америки может быть получена только в том случае, если американский народ будет убежден,

что времена разрушительной политики прошли (намек на рурскую политику Франции. *М. Т.*) и наступили времена мирной реконструкции. Американский народ задает вопрос: наступили ли, наконец, эти времена, но на этот вопрос он пока не может дать ответа. Ответ должен исходить от народов Европы... Если этот ответ будет гласить «мир», вы можете быть уверены, что Америка будет помогать Европе во всей полноте своего великодушия. Если же этот ответ будет продолжать носить спутанный и сомнительный характер, тогда я опасаюсь, что и нынешняя помощь неизбежно прекратится».

И чем больше американский дипломат подчеркивал, что он не имеет в виду определенного государства, а говорит «вообще», тем яснее становилось, что выступление направлено против Франции. Так это и было понято всей иностранной печатью. Националистические французские газеты прямо завыли от обиды и возмущались тем, что Америка, цинично указывая на свой золотой мешок, говорит Франции: «Если будешь вести себя так, как это нужно мне, ты кое-что получишь; если же не будешь слушаться, то тебе не только ничего не перепадет, но без всякого снисхождения будут пред'явлены твои векселя».

Это нарастающее раздражение французских империалистов-неудачников против победоносного империализма «доблестного союзника» дало еще более яркую вспышку в связи с неудачей вашингтонских переговоров.

Вот несколько характерных откликов, комментирующих, главным образом, попытку дауэсизации Франции «американским Шейлоком».

Националистическая газета «Суар» цитирует слова американского министра труда Дэвиса, что американские рабочие имеют в своих зубах больше золота, чем европейские рабочие в сберегательных кассах (в Америке золотые зубы весьма «модны» даже в рабочих кругах. *М. Т.*). Зачем же,—возмущается «Суар»,—требовать от Франции то небольшое количество золота, которое у нее осталось.

«Эклер» пишет:

«Соед. Штаты стремятся к тому, чтобы установить свою опеку над Францией и сделать ее вассалом. Империализм Соед. Штатов—самый худший, так как это империализм золота».

Орган реакционных «высших» кругов «Голуа»:

«Мы отвергаем политическое, финансовое и экономическое порабощение» (со стороны Америки).

Орган того же направления «Фигаро»:

«Они (Соед. Штаты) хотят поработить нас. Без малейшего колебания или размышления, мы отвечаем: нет!»

Орган левого блока «Эр Нувель»:

«Дальновидные люди... скажут французской делегации: «Хорошо сделали» (что не соглашались с американскими предложениями)».

Другой орган левого блока «Эвр»:

«Дядя Сэм считает себя хозяином всего мира. Права, которые он себе берет в смысле вмешательства в дела других народов... свидетельствуют с каждым днем все яснее и яснее, что он решил овладеть Средней Европой».

Отметим еще комментарии лакеев левого блока—соглашателей. Мосье Жуо, который вместе с «Амстердамом» все время благословлял и продолжает молиться на нового мессию—Дауэса, вдруг набрался храбрости и разоблачает американское «великодушие».

«Во время дебатов в Вашингтоне,—признается мосье Жуо,—мы (!) соблюдали величайшую осторожность». Как добрый патриот Жуо, видите ли, не хотел помешать миссии Кайо. Но раз эта миссия гениального финансиста Франции все равно провалилась, то заговорила и Валаамова ослица: заговорил мосье Леон Жуо:

«Американцы ошибаются, если представляют себе возможной бесконечную эксплоатацию одной страны другой... Одно не подлежит сомнению: никогда наш рабочий класс не позволит, чтобы чрезмерные платежи, которые с него требуют, давили на его уровень благосостояния, на его свободу действий и экономическую независимость» («Ле Пепль» 3 окт.).

Если оставить без внимания рассуждение об экономической независимости рабочего класса при капитализме, все это звучит как будто совсем хорошо. Но всерьез принимать эти протесты желтого лидера французских профсоюзов, конечно, не приходится. Если дело дойдет до дауэсизации Франции, то он с такой же готовностью из'явит покорность хозяину своего хозяина—американскому капиталу, как и Грасман, Вельс, Криспин и К° в Германии.

Таковы настроения, вызываемые во Франции домогательствами Америки. (Мы здесь не говорим об отношении французской компартии—она указывала на опасность наступления американского капитала на трудящиеся массы еще тогда, когда Жуо и К° «соблюдали величайшую осторожность», чтобы не компрометировать великого финансового реформатора, вся хитрая механика которого сводится к освобождению буржуазии от налогов и переложению их тяжести на плечи рабочего класса).

Но что может притовопоставить французская буржуазия американскому империализму, кроме «благородного возмущения» «изменой» б. союзника? Ведь еще Эррио вынужден был признать в своей речи в палате депутатов (в феврале с. г.), что «в наше время, когда экономика так тяжело давит на политику, охватывает ее и сжимает, государство-должник больше не является независимым государством». В свою очередь проблема долгов, проблема франка настолько давит на всю экономику Франции, что удовлетворительное состояние промышленности и сельского хозяйства не могут спасти положения. Угрожающая неустойчивость франка, скатившегося приблизительно до $1/_5$ паритета, начинает перевешивать все выгоды от оживления экспорта, вследствие конкурентной способности низкой валюты по отношению к высокой. А ведь—как выразился докладчик финансовой комиссии, Беранже—le franc c'est la France (франк—это Франция). А как же спасти франк внутренними силами? Для этого имеются только такие средства: с одной стороны, сокращение расходов на вооружение, марокканскую и сирийскую авантюру; с другой, увеличение доходов путем увеличения налогов на тех, которые могут платить. Но на это левый блок так же мало способен, как и национальный блок. Следовательно, остается один путь—уре-

гулирование вопроса о долге Америке с целью получения новых кредитов—путь в Каноссу—в Вашингтон, на поклон к Дауэсу.

Вот почему приходится полагать, что независимо от судьбы последнего проекта временного соглашения, Франции не удастся ускользнуть от «дауэсизации», в той или иной форме. И чем больше она, с целью уменьшения долга, будет настаивать на том, чтобы с нее брали лишь в меру ее платежеспособности, тем больше она—помимо воли—будет выдвигать вопрос об американском контроле над ее финансами. Ибо платежеспособность—вещь относительная, и янки не так легковерны, чтобы поверить на слово Кайо. Они могут потребовать—как писал Гарвей в официозном «Вашингтон Пост»—«свободного доступа ко всей информации относительно французского дебета и кредита, ресурсов и возможностей»—короче говоря, финансового контроля в той или иной форме. И оказывать сопротивление этим домогательствам американского капитала Франция вряд ли будет в состоянии. Ведь срыв вашингтонских переговоров сразу вызвал на мировых биржах новое падение франка (в Нью-Йорке 2 октября до 464,75 дол. за 10.000 фр., против 1.930 фр. паритета), а официозный совет из Белого Дома американским капиталистам—не давать новых займов государствам, не консолидировавшим свои долги Штатам, по всей вероятности, вызовет дальнейшее понижение столь «низко павшей» французской валюты, обремененной внешним долгом в 35.964.000.000 золот. фр.

Таким образом, раньше или позже Франции придется подчиниться требованиям Америки. И если даже дауэсизация Франции не выльется в такие грубые формы контроля, как в Германии, то ограничение свободы движения Франции в международной политике неизбежно.

Такая тенденция уже наметилась в Локарно. Мы не имеем и вряд ли скоро будем иметь конкретные сведения о роли Америки по отношению к Франции в Локарно. Но не подлежит никакому сомнению, что Франция уступила не столько нажиму из Лондона, сколько нажиму из Вашингтона, точнее говоря—из Уоллстрит в Нью-Йорке; локарнский гарантийный договор является политической надстройкой над планом Дауэса, принятым в Лондоне, и за кулисами Америка, хоть не представленная на конференции, действовала в Локарно в том же духе, что и в Лондоне. Недаром же из Вашингтона сообщают, что «в правительственных кругах удовлетворены результатами конференции в Локарно, которые оцениваются, как крупный шаг по пути к ограничению вооружений и установлению нормального экономического положения». Мы здесь не будем заниматься интерпретацией того, что означает «ограничение вооружений» и «нормальное» экономическое положение в дауэсовском толковании; укажем только, что если результаты Локарно пришлись по вкусу американской дипломатии, то она вряд ли оставалась в стороне при их подготовке в смысле нажима на Францию (а также на Германию).

Эта финансово-политическая интервенция Соед. Штатов во Франции не может не оказывать огромного влияния на всю международную политику. Она раньше всего означает кризис французского империализма. Того французского империализма, который еще так недавно в своем стремительном шествии ворвался в Рур и мечтал о гегемонии в Европе, теперь уже нет. Под напором географически-далекого, но политически-близкого могущественного американского империализма он уступает одну позицию за другой. В то же время база американского империализма в Европе значительно расширяется. Соед. Штаты как бы становятся европейской державой. А в связи с этим намечаются весьма сложные противоречивые перспективы. Взять, например, кардинальный вопрос международной политики—англо-американские отношения (англо-американский блок или антагонизм, если ставить вопрос грубо). С одной стороны, мы видим, что в отношении Франции Америка как будто идет заодно с Англией, но, с другой стороны, не подлежит сомнению, что с расширением американской базы в Европе расширяется и площадь трений между Америкой и Англией, и может даже наступить момент, когда Америке в противоположность нынешней политике окажется выгодным поддерживать Францию против Англии.

Другой вопрос—какое отношение имеет к нам, к СССР, описанный нами процесс внедрения американского влияния во Франции? Здесь опять-таки противоречия: с одной стороны, в отношениях Франции к нам может прибавиться враждебный фактор; с другой стороны, под отрицательным влиянием экономического нажима со стороны «дружественной» Америки, Франция острее почувствует необходимость в расширении хозяйственных связей и вообще сближении с СССР. И как раз в этом стремлении некоторые французские капиталисты на подобие германских могут увлечь за собою заинтересованных американцев.

Невозможно предвидеть, какую равнодействующую дадут все эти действующие в различных направлениях политические линии. Но важно четко уяснить себе крупнейший факт международного значения—капитуляцию французского империализма перед американским—и внимательно следить за указанными возможными последствиями этого факта, последствиями непосредственно задевающими судьбы нашего Советского Союза.

Л. Ольгин.

Задачи советского строительства в национальных областях и республиках.

I.

Общие условия советского строительства в национальных областях и республиках наиболее четко были формулированы в резолюции X с'езда по национальному вопросу. «Если исключить Украину, Белоруссию, часть Азербейджана, Армению, прошедшие в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 миллионов, по преимуществу, тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербейджана, Дагестан, горцы, татары и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не вполне еще ушедших дальше полупатриархального, полуфеодального быта» (Крым и др.).

В этих условиях в национальных республиках и областях сохраняют влияние на советский аппарат, особенно низовой, патриархально-родовые и мелкобуржуазные верхушки. Влияние последних очень часто не находит должного отпора в виду крайнего недостатка в национальных районах подготовленных, грамотных работников, действительно связанных с трудящимися коренного населения и свободных от пережитков патриархально-родовой идеологии. Участие широких слоев трудового населения в работе советских органов в национальных республиках и областях чрезвычайно слабое. Механический нажим, администрирование, как методы работы советских органов, процветают весьма широко, даже по сравнению с отсталыми великорусскими районами. Особенно плохо работает низовой советский аппарат. В Узбекстане, Бурято-Монгольской республике многие сельсоветы со дня выборов ни разу не собираются. В Казакстане предвик, а еще чаще начмилиции во многих районах хозяева волости: их единоличные распоряжения—закон.

В других местах советский аппарат засорен антисоветским элементом.

В Узбекстане, в районах б. Бухарской республики не мало советов с составом наполовину из бывших аксакалов при эмире. В ряде восточных нацреспублик сохранился также институт мирабов (водораспределителей). На должностях мирабов находятся лица из кулацкой среды. Они не подотчетны сельсовету, а в некоторых местах заменяют совет. Отсюда очередной важнейшей задачей советского строительства в национальных республиках

является оживление работы низовых советов. Советы должны быть преобразованы в органы, действительно связанные с трудящимися массами, в действительно коллективно-работающие организации, свободные от влияния на них феодальных и родовых элементов. В этих целях прежде всего необходимо установление систематического, вдумчивого, живого руководства низовыми советами со стороны вышестоящих соворганов. До самого последнего времени это руководство почти отсутствовало. В Семипалатинской губ. (Казакстан), например, за пять лет из губисполкома никто не выезжал на места для инструктирования низовых советов. Вместе с тем следует стремиться к установлению подлинной выборности соворганов в нацрайонах, в особенности низовых. Бесконечные переброски и перемещения выборных работников должны быть прекращены. Факты, когда в волости за год сменяется около 20 предвиков (Балыхгинская волость Узбекстана), разумеется, не могут создать благоприятных условий для оживления работы низовых советов.

II.

Оживление работы советов в нацрайонах не может быть достигнуто без широкого развертывания работы по подготовке и воспитанию кадра работников из трудящихся коренного населения. Эта работа на местах протекала по двум линиям: посредством организации краткосрочных курсов и через институт практикантов. Курсы за отсутствием средств были развернуты в нацреспубликах недостаточно широко. Слабый состав курсантов по партийной принадлежности и по признаку связи курсантов с деревней, слабое партийное руководство курсами наблюдалось почти всюду.

Отмечалось также недостаточное руководство со стороны парторганизаций работой практикантов в различных учреждениях.

Опыт данной работы следует подытожить и взять курс на расширение сети школ как специально создаваемых для подготовки и переподготовки практических работников из националов, так и постоянно существующих.

Одновременно необходимо стремиться к систематическому выдвижению на руководящую работу в советские органы партийных и беспартийных националов-крестьян, батраков, рабочих. До сих пор в этой области большинство парторганизаций ограничивалось разработкой широких планов выдвижений. В Якутской республике, в Актюбинской губ. (Казакстан) в высших соворганах нет ни одного крестьянина от сохи. Выдвиженцы должны быть окружены особым вниманием парторганизаций: следует всемерно помогать им в их практической работе, создать необходимую товарищескую обстановку для них, устранять бюрократическое отношение к ним и т. п.

III.

Одной из основных задач советской работы в национальных республиках и областях является коренизация соваппарата, т.-е. укомплектование госаппарата работниками из коренного населения данного района и перевод делопроизводства в учреждениях на местные языки. Эта задача была впервые выдвинута X с'ездом партии, затем еще более остро поставлена XII с'ездом.

Каковы достижения, в проведении этих решений в жизнь к настоящему времени? Приведем некоторые данные о национальном составе аппаратов центральных органов нацреспублик: в Туркменистане националов в республиканских органах 10%, в Казакстане—8,3%, что составляет увеличение за последний год на 4,7%, в Якутской республике—16%,—увеличение на 3%, в Белоруссии—42,6%. Более удовлетворителен национальный состав выборных центральных органов Туркменистана, где туркмены составляют 69% членов ЦИК'а, Башкирской республики с 50,5 башкир, Белоруссии с 42,7% белоруссов (в 1924 г. было 35,6%), и Карелии—40% националов.

Если взять губернские и окружные органы, то картина представляется следующая: в органах Семипалатинской губ. казаков—6,5%, в Актюбинской—8,9%, в Киргизской области—10% киргиз, в Белоруссии националов—52,6%, в Азербейджане — 94,5%, в Армении—91,8%. Во всех учреждениях Адыгейско-Черкесской области—националов 15%, в Вотской области—17%.

Национальный состав технического аппарата госорганов во многих республиках и областях неудовлетворителен.

При проведении работы по вовлечению националов в соворганы имелись и некоторые недочеты: формально-механический подход к задаче вовлечения националов в совaппарат, без надлежащей проверки и подготовки выдвигаемых работников, недостаточное участие в этой работе низовых партийных и профессиональных организаций и отсутствие содействия со стороны руководителей многих учреждений, как самому выдвижению, так и выдвигаемым работникам.

Наибольшие успехи в деле перевода делопроизводства на языки коренного населения имеются в Закавказьи, где даже большая часть центральных учреждений ведет делопроизводство на местных языках. В Азербейджане успеху этой работы способствовала реформа местной письменности: перевод ее с арабского на латинский шрифт. На Украине значительные достижения в области украинизации делопризводства имеются на Полтавщине и весьма слабые в промышленных округах. В средне-азиатских нацреспубликах в волостях и уездах (округах) делопроизводство повсюду поставлено на родном языке, в центральных органах практикуется параллельное делопроизводство. В ряде областей, напр., в Калмыцкой, Ойратской, Сев. Кавказа перевод делопроизводства до сих пор был невозможен, в виду того что письменность соответствующих национальностей только устанавливалась.

Характерно, что в Белоруссии и Украине среди ответственных работников националов имеется значительное число, не владеющих родным языком. В центральных учреждениях Белоруссии таких националов—10%, в окружных—55%. В Киеве проверка работников по 13 учреждениям выявила 13% украинцев, не знающих своего языка.

Дальнейшая работа по коренизации госаппарата должна протекать на основе устранения отмеченных недостатков.

IV.

Последний Всесоюзный С'езд Советов обратил внимание при обсуждении вопросов советского строительства, на вопросы вовлечения в национальных республиках и областях национальных

меньшинств в советские органы. Приводим некоторые цифры о привлечении нацменьшинств в советы.

Наименование областей или республик.	% населения. нацменьшинств.	% вовлечения раб. нецменьшинств в качестве:			
		Членов с/советов.	Пред. с/советов.	Членов вик'ов	Пред. вик'ов.
Вотская	5	3,3	2,4	2	3,8
Калмыцкая	3	3	—	—	—
Чувашская.	7,1	4,3	2,7	4	11,4
Крым	30	32,8	13,4	—	—
Татреспублика.	14,1	12,2	13,4	2	8,8

Приведенные данные показывают, что нацменьшинства втянуты в низовые соворганы недостаточно. В дальнейшем необходимо более полное привлечение нацменьшинств к работе советов, обеспечивая их интересы при проведении землеустройства, районирования и т. д.

Одною из групп нацменьшинств, находящейся в особом положении, являются русские казаки в национальных районах. Совработа среди них поставлена чрезвычайно слабо. Хуже всего с вовлечением казачества в совстроительство обстоит дело в Кара-Калпакской области. Район с несколькими тысячами уральских казаков по Аму-Дарье совершенно не советизирован. Трения между казаками и националами особенно остры в Чеченской области. В дальнейшем необходимо усиление внимания со стороны парторганизаций к вопросам работы среди казачества и более решительное проведение в жизнь директивы ЦК РКП по казачьему вопросу.

V.

Характерной чертой советского аппарата в национальных республиках и областях являются массовые злоупотребления в нем, борьба с которыми затрудняется крайнею культурной отсталостью населения и сохранившимися пережитками феодального и патриархально-родового строя. В Казакстане, в Узбекстане (в районах Бухары) во многих местах низовой совaппарат захвачен бывшими царскими и эмирскими чиновниками, пролезшими в секретари сельских и волостных советов. Они обирают декхан, как им вздумается. В Узбекстане должность предвика часто рассматривается, как место личного обогащения. В Актюбинской губ. за злоупотребления властью находятся из ответственных работников под судом 2 председателя уик'а, заввнуторгом, член и председатель губсуда. Общее состояние органов юстиции в нацреспубликах оставляет желать много лучшего. Сеть судов незначительна и отсюда у нарсудей постоянная залежь дел. Коренизация судебного аппарата и судопроизводства подвигается медленным темпом. По 12 автономным областям РСФСР в составе

губсудов—37,5% националов, прокуратуры—32%, нарследователей—26%.

Как пережиток патриархально-родового быта, в Средней Азии и Северном Кавказе сохранились шариатские суды, а в Казакстане аксакальские. Эти суды выносят всегда решение под влиянием баев (кулаков), мулл. Часто их постановления носят крайне недопустимый характер: напр., об уплате куна (вознаграждение, которое платит убийца родственнику убитого) и пр. В последнее время, за исключением областей быв. Бухары, где почти не было нарсудей, шариатские суды изживаются. Население обращается к ним все реже и реже. В Дагестане, напр., шариатские суды почти совсем развалились. Тем не менее парторганизациям следует усилить внимание к их работе, стремясь к постепенной их ликвидации путем замены нарсудами. Необходимо отметить, что задача усиления борьбы с преступностью и злоупотреблениями со стороны работников совучреждений в национальных республиках и областях должна стать одной из наиболее актуальнейших задач. Состав прокуратуры и других органов юстиции необходимо укрепить лучшими работниками. Вовлекая в состав нарзаседателей трудящихся националов, следует добиться приближения суда к коренным массам населения.

VI.

X с'езд партии указал в решениях по национальному вопросу на необходимость «сплачивания и об'единения трудящихся восточных окраин для окончательной ликвидации патриархально-родовых отношений». Эта трудная задача не привлекла еще достаточного внимания национальных парторганизаций. Между тем пережитки родового быта проявляются на местах нередко в весьма резких формах. В Чеченской области за 1924—1925 г. было зарегистрировано 32 вооруженных столкновения родовых групп. В Казакстане в связи с родовой враждой не прекращается барамта (угон скота одной родовой группы у другой). В районах с искусственным орошением (Туркменистан) основной причиной родовой вражды служат вопросы водопользования, в Казакстане и Сев. Кавказе—вопросы о пастбищах и земельных участках, пригодных для пашни. Земельный и водный вопрос является также вопросом, вокруг которого происходят национальные трения. Отсюда видно, какое громадное значение имеет задача урегулирования земельных отношений в большинстве нацреспублик. Необходимо усилить работу по землеустройству в национальных районах, производя его под углом обеспечения интересов групп населения всех национальностей и учета противоречий земледельческого и скотоводческого хозяйств. При проведении землеустройства в кочевых районах расширить помощь оседающим на землю кочевникам-скотоводам.

На почве родовой вражды происходят столкновения и во время перевыборов в советы, когда экономически крепкие родовые группы, в частности ханские, стремятся заполнить советы и исполкомы исключительно своими представителями. Целью захвата совета, является стремление использовать соваппарат, как орудие дальнейшей родовой борьбы путем перенесения, например, налогового бремени на плечи враждебной родовой группы. Разумеется, парторганизации должны принимать меры к ослаблению родовой борьбы, добиваясь чтобы в состав советов вошли представители трудящихся всех родовых групп, в том числе и слабых. Вместе с тем перед парторганизациями стоит задача перестроения низовых административных единиц в кочевых районах. Аулы до сих пор были построены по родовому признаку и об'единяли мелкие родственные группы, разбросанные на большом пространстве и хозяйственно между собой очень слабо связанные. Должен быть взят курс на организацию аулов по территориальному и экономическому признакам. Одновременно нужно принять меры к созданию очагов оседлости на местах призимовочных стоянок. путем постройки в данных местностях зданий школ, больниц, аулсоветов и пр.

Патриархально-родовой и феодальный быт целиком связан с религией. Отсюда значительное влияние духовенства в восточных окраинах на советское строительство. Имеются случаи и прямого захвата низовых соворганов духовенством. Даже в Татреспублике во время последних перевыборов в ряде сел (Ахметовское и др.) вошли в сельсоветы сыновья мулл. В Башкирии, Калмыцкой области, Казакстане налоги за мулл, лам и бакшей вносит население, при чем сельсовет выступает часто в роли сборщика. Особенно вредное влияние на население и советы оказывает движение типа дервишей—пшанство, шейхизм. Шейхизм можно характеризовать, как развертывающуюся феодальную систему, группирующую вокруг себя мюридов, которые представляют военную силу шейха и создают для него материальное благополучие, наделяя его лучшим скотом, продуктами и пр. Против шейхизма и пшанства необходимо вести, соблюдая известную осторожность, агитационную работу, используя для этой цели прогрессивно настроенные элементы духовенства и лойяльной интеллигенции. Учитывая, как трудно преодолимо влияние патриархально-родовых и феодальных отношений, парторганизациям Востока следует усилить работу по всестороннему выявлению и изучению сохранившихся пережитков до-капиталистического быта и их воздействия на советское строительство, в целях разработки практических мероприятий, постепенно изживающих это воздействие.

VII.

Задачи, стоящие перед парторганизациями нацреспублик и областей в области советского строительства, сложны, и проведение их в жизнь потребует значительного напряжения внимания и сил партии. Некоторым затруднением при расширении советской работы является также дефицитность бюджета большинства нацреспублик и областей. Это затруднение может быть преодолено лишь при курсе на упрощение и сокращение госаппарата. Советский аппарат, в особенности в центрах национальных районов. разбух. Всюду — коллегии наркоматов, всяческие секретариаты, управления делами и пр. Госаппарат должен быть сжат и удешевлен. Вместе с тем необходимо принять ряд мер к укреплению волбюджета, подводя под него реальную материальную базу, ибо от состояния волбюджета во многом зависит успех оживления низовых советов.

Парторганизации на местах должны вплотную подойти ко всем вопросам советского строительства. Это особенно относится к низовым организациям. В Ойратской области обследование, про-

изведенное несколько месяцев тому назад, показало, что из 31 ячейки только одна ячейка удовлетворительно руководит советом. Наладить правильное партийное руководство советами, на основе последних директив ЦК необходимо во что бы то ни стало. Вместе с тем должна быть поставлена задача оказания содействия нацреспубликам и областям в их работе. В этих целях следует усилить работу президиума Совета Национальностей СССР и Отдела Национальностей ВЦИК, в частности путем укрепления их аппаратов работниками.

Директива XIV партконференции «об обращении особого внимания на задачи оживления советов на окраинах—в национальных республиках и областях» должна быть выполнена силами всей партии.

Г. Татулов.

Опыт изучения быта партийцев.

(*Итоги одной анкеты*).

I.

Партийной комиссией одной из дивизий было проведено анкетное обследование некоторых важнейших сторон быта членов дивизионной парторганизации. Несмотря на неполноту вопросника, на некоторую невнимательность к контрольным вопросам составителей анкеты, последняя все же дает ценный материал для суждения не только о конкретных признаках бытового поведения партийцев, но и о более общем моменте—борьбы и переплетения. в сложных, иногда резко противоречивых формах, элементов нового и старого в современном.

Конечно, статистический подход к изучению быта не может дать исчерпывающих результатов—качественная квалификация быта будет достигнута лишь совместными усилиями разных методов—в том числе статистического, беллетристического, может быть, даже экспериментального и т. д. Кроме того, статистическое изучение, так сказать, «экстенсивно» пытающееся охватить сразу различные стороны быта, всегда должно быть дополняемо внимательным анализом каждой отдельной стороны такого многогранного явления, как быт. Понятно, что такого рода серьезная работа выполнима лишь коллективным трудом ряда научных учреждений и лиц. Маленькая анкета, предлагаемая вниманию читателя, не претендует ни на что больше, как показать характерные кусочки современного быта партийцев, быта, тесно связанного с бытом и беспартийных, имеющего с последним, как много общего, так и, гораздо больше, отличного.

При всех недостатках, наверняка имеющихся в обработке анкеты, она все же подтверждает, что «общественное бытие определяет сознание». Для подрастающей марксистской психологии, идущей от характеристики социальных мотивов поведения к пониманию поведения индивидуального, анкета служит показателем того, что изучение сложного современного быта может поставить громадный материал, могущий дать подтверждение ряду основных тезисов марксистской науки о поведении человека.

II.

Анкета должна была дать представление о следующих моментах жизни партийцев:

1. об их здоровье,
2. » » семейном быте,
3. » » половом быте,
4. » » культурной жизни и запросах,
5. » » партийно-бытовой жизни.

Всего в обследовании приняли участие 203 члена партии и 101 кандидат, итого—304 человека.
По стажу обследованные распределяются:

До Октябрьской революции	1
1917 г.	8
1918—19 г.	67
1920—22 г.	87
1923—25 г.	37
Не указано стажа	3
Кандидатов (1923, 24, 25 г.)	101
Итого	304

По социальному положению.

Категория.	Члены.	Кандидаты.	Всего.	В процентах.
Рабочих	85	52	137	45,1
Крестьян	88	38	126	41,4
Служащих	30	10	40	13,2
Не выяснено	—	1	—	0,3
Итого	203	101	304	100

Таким образом, налицо относительное большинство пролетарского состава: процентный коэффициент рабочих больше такового остальных.

По возрасту:

До 20 лет	2 чел.	или	0,7 %
От 21 до 30 л.	270 »	»	88,5 »
» 31 » 40 л.	18 »	»	6,2 »
Не указано возр.	14 »	»	4,6 »
Итого	304 чел.	или	100 »

По семейному положению:

Одиночек	132 чел.	или	43,4 %
Семья до 3-х чел.	148 »	»	48,6 »
Свыше 3-х чел.	24 »	»	8 »
Итого	304 чел.	или	100 »

По образованию:

Малограмотных	19 чел.	или	6,2 %
С низшим образ.	237 »	»	78 »
Со средним »	48 »	»	15,8 »
Итого	304 чел.	или	100 »

По должности:

Красноармейцев	67 чел.	или	22 %
Комсостава	124 »	»	40,8 »
Партполитпросвет. работников	61 »	»	20,1 »
Адмхозсостава	8 »	»	2,6 »
Не определили себя	44 »	»	14,5 »
Итого	304 чел.	или	100 »

Здоровье.

Обращает внимание большая заболеваемость среди партийцев: из 304 чел. 119 больны, абсолютно здоровых 141 чел., 34 чел. жалуются на переутомление или «среднее здоровье». Какова ценность последнего, видно, хотя бы из заявления одного из этой категории: «Как будто бы здоров, но трясутся руки,—остаток неврастении, не чувствую запахов». Рабочий иваново-вознесенец, член партии с 1920 г., заявляет: «Чувствую себя жизнерадостным, но врачебная комиссия нашла малокровье и что-то с легкими». Суб'ективно пролетарская воля не хочет считаться с большими мелочами, зародышами сложных заболеваний, но об'ективно эти зародыши имеются у большинства партийцев, являя собой грозную картину. Необходимо отметить, что характер заболеваний партийцев почти исключительно обусловлен историческими и общественными причинами. Наблюдаются следующие заболевания: прежде всего неврастения, затем следуют легочные болезни. параллельно на втором месте малярия, далее малокровие, затем желудочные заболевания и проч. Нетрудно понять причины неврастении среди тех, кто в стаже пребывания в армии указывает несколько лет империалистической войны и всю гражданскую войну. «Старики издергались, устали, перегрузка, постоянная нервная напряженность, характеризующие работу партийцев и по сие время, ведут к дезорганизации нервной системы. Те же тяжелые условия гражданской войны обусловливают легочные заболевания. Малярия об'ясняется климатическими особенностями Закавказья. Малокровье и желудочные заболевания происходят от недоедания, грубой пищи до-нэповских времен.

Семья.

С точки зрения учета элементов нового быта и изучения борьбы нового быта со старым данные о семейном быте партийцев представляют громадный интерес.

Жены. На ком женятся наши партийцы? Из 165 женатых крестьянок-жен имеют 87 ч., работниц—43, служащих—29, прочих—6.

Социальное положение жен.

	Крестьянки.	Работницы.	Служащ.	Проч.
Рабочие	29	27	14	1
Крестьяне . . .	48	9	11	3
Служащие . . .	10	7	4	2

Рабочие уделяют почти одинаковую симпатию и крестьянкам, и работницам, но жены-крестьянки у наших рабочих говорят о тесной бытовой связи рабочих с крестьянством.

Общеобразовательный уровень жен. Интересны данные относительно общеобразовательного уровня:

Жены.

	Ниже по общеобр. уровню.	Выше.	Одинаковы.
	%	%	%
У мужей-крестьян	82,7	3,4	13,9
» » рабочих	64,2	12,0	23,8
» » служащих . . .	35,5	35,5	29,0

У рабочих больше одинаковых по развитию жен, чем у крестьян. Ясно, одинаковые условия труда и культурно-политического развития для рабочих и работниц одинаково обусловливают общее развитие; ниже стоящих жен нужно отнести к числу крестьянок. Характерно и возрастание для рабочих числа более мужей развитых и активных жен. Наибольший процент выше мужей стоящих по развитию жен, падает на служащих. Это об'ясняется тем, что не мало наших военных служащих и интеллигентов произошло из крестьянства и в общеобразовательном отношении имеет слабую подготовку, тогда как городские, на которых они женятся, нередко имеют среднее и подчас высшее образование. Необходимо отметить, что упоминая о высоком общеобразовательном уровне жен, служащие-партийцы в то же время в большинстве случаев добавляют: «Но в отношении политического развития гораздо ниже».

Как женились. Любопытно, насколько изжиты старые формы общественного освящения брака в церкви. Для рабочих процент браков, совершенных гражданским путем, равняется 77,2%, для крестьян—44,4%. В числе других форм брака указывается церковный, затем церковный и гражданский, и «без брака», т.-е. сожительство без юридического оформления. В число церковных браков входят, как совершенные до вступления в партию, так и происшедшие при состоянии в партии (это исключительно относится к крестьянам). Церковных браков среди крестьян вдвое больше, чем среди рабочих. Наоборот, «безбрачных» сожительств среди рабочих вдвое больше, чем среди крестьян. Категория «и церковного и гражданского» брака включает в себя браки двух видов, когда сперва венчались в церкви, а затем через долгий промежуток времени регистрировались в ЗАГС'е, и другой вид, когда регистрируются вначале в ЗАГС'е, а затем сейчас же после этого в церкви. Если в первом случае можно констатировать уступку жены мужу, то во втором—определенно уступка жене со стороны мужа, что наиболее характерно для деревни, где за женой стоит крепкое «общественное мнение».

Втягивание жен и семей в общественную работу. Как идет втягивание жен и женщин—членов семьи—в общественную работу? Всего втянутых женщин—членов семей—23,1%; только 2,1% не хотят участвовать в общественных организациях, в женработе и т. д., 12,6% интересуются, но пока не вступают, боясь своей неподготовленности, отчасти не установив еще твердого убеждения в необходимости женорганизации. Остальным не втянутым женщинам мешает ряд об'ективных причин: консервативно настроенные семьи, скверное материальное положение, неграмотность. Эти причины, в особенности последние две, подтверждают правильность того мнения, что новый быт будет усиливаться все больше лишь по мере развития и роста социалистического накопления.

Новая обрядность. Большинство жен согласно с новой бытовой обрядностью—из 164 таких 129, не согласно из того же числа 164 только 5, 20 чел. не могут определить за что они, и, или так и заявляют, или же одинаково выполняют и старые, и новые обряды. Несомненно, для многих (в особенности крестьянок) такое любопытное для нашей эпохи совместительство традиционных привычек с требованиями раскрывающегося сознания очень характерно. Интересны мотивы колебания жен в оценке новых обрядов: «Жена не знает, так как в деревне никаких новых обрядов не было». Один пишет: «Если и не согласна, во всяком случае особенно не возражает, так как она перерождается», другой: «Еще не согласна, так как не совсем поняла новый быт жизни». 10 человек тоже против, но против не только нового быта, но и обрядностей вообще. Это, главным образом, жены рабочих или сами партийки. Про одну из них муж пишет: «Как партийная, считает излишним, но не прочь применить (новый быт) среди беспартийных, как антирелигиозную пропаганду».

Религиозность. Насколько еще велика религиозность жен? Мы видим, что религиозных 27,1% жен рабочих, 42,7%—крестьян и 25%—служащих. Таким образом, наибольшая религиозность характеризует жен крестьян. Интересно сопоставить религиозность жен по различному стажу мужа—наибольший процент религиозных жен дают кандидаты партии; это свидетельствует о том, что еще не закалившись сами, кандидаты не в состоянии сильно влиять на жен. Большинство об'ясняет причины религиозности крепко укоренившимися традициями: «в семье в церковь ходят, потому что все суседи ходят», «не религиозна, но суеверна», «нельзя сказать, что совсем не религиозна, все же есть некоторые проявления в желании праздновать Пасху и другие праздники». Есть указания, что материальная зависимость крестьянки от семьи, родных часто является тормозом к открытому признанию своего безбожья—об этом свидетельствуют такие, на-

пример, ответы: «жена на всякие церковные процедуры смотрит как на глупость, но из-за получаемой от родных помощи верит». На этой почве развивается в крестьянской семье глухая, скрытая, идеологическая борьба отцов и матерей, с одной стороны, и детей—с другой. Родители хотят гарантировать детей еще не заразившихся сомнением в религии от уже безбожников: вот член партии, женатый на коммунистке тоже сообщает: «Мать религиозна, она обучает и дочерей, но в силу того, что мы оба были и есть партейцы, то сшибаем их с материнской дороги». Если сравнительно безболезненно протекает эта борьба в городской обстановке, то в деревне она захватывает все существо стариков, они страстно и горячо отстаивают веру, и борьба с сыном-коммунистом кончается иногда полным разрывом; член партии с 1920 г., крестьянин, сообщает: «Семья религиозная, родители порвали связь и заклеймили проклятием».

Налицо и отголоски нашей антирелигиозной пропаганды—крестьянское сознание по своему толкует наши доказательства и положения, и в меру своего общественного опыта принимает больше или меньше из наших учений, комбинируя иногда принятое в чисто личную религиозную концепцию. Один пишет: «Жена религиозна, но в святых и попов не верит, а считает, что мир создан не природой, а кем-то, от какого-то существа, называемого богом». Эта женщина, очевидно, переживает ту же стадию перехода от религиозности к атеизму, которая наблюдается и у интеллигентных мещан («живая» церковь и протоиерей Введенский!). Наряду с этим типом религиозности наблюдается и другой тоже переходный—«верует в святых, но в боге сомневается». Это уже звучит более реалистично и приближается к типу «веры во внешность», но отличается и кое-чем новым, именно ограничением веры, не безусловным принятием догм.

Из тех, кто значится в ответах неверующими, конечно, многих нужно взять под сомнение. Так, можно ли считать атеисткой женщину, про которую муж пишет: «После 3—4 месяцев совместной жизни стала безбожницей, но твердых убеждений не имеет». Последняя оговорка заставляет подозревать, что хотя эта жена и заявляет себя неверующей, но не вся религиозность в ней уничтожена. Правильно, что «традиции прошлых поколений, как кошмар тяготеют над умами живущих», и далеко не прав один партиец, который судя, возможно, по своей жене, тешит себя мыслью, что «религия для жен комполитсостава является устарелой сказкой».

Удовлетворенность семейным положением. Как сказывается современность, в особенности партийность, на «семейном счастье», на удовлетворенности своей семьей и ее бытом, своим семейным положением? 36,6% мужей и семейных неудовлетворено своей «семейностью». Если это и не катастрофический коэффициент, то, во всяком случае, заслуживающий изучения. Большой процент неудовлетворенных падает на партийцев с 1918—1919 г.г. Разница между женами, неподвигавшимися в своем развитии и мужьями росшими партийно, дает себя знать. Наибольшую неудовлетворенность показывают кандидаты—вероятно, наша молодежь не умеет наладить свою брачную жизнь. Жизненные факты—женитьба очертя голову, и затем необеспеченность, или различие взглядов, неудачный выбор «подруги» подтверждают наше предположение.

Интересно проследить данные о неудовлетворенности по социальным категориям.

Категория.	Неудовлетворенность в %
Рабочие	34,4
Крестьяне	37,5
Служащие	30,9

Вот вопль служащего партийца: «Жена не отрешилась от мещанских предрассудков и идеологии, вследствие чего приходится вести борьбу, чтобы не залезть в трясину, борьба идет успешно, но отнимает много времени». И нервов, а значит и здоровья, и спокойствия, нужного для работы, можно добавить. Как будто бы рабочие, судя по статистике, больше всего нашли «гармонии в семье». Но если взять мотивы их неудовлетворенности, то увидим, что у них те же жалобы на различие мировоззрений, что и у прочих партийцев. Рабочие пишут: «Жена хорошая хозяйка, но не товарищ. Иногда хочется обсудить кое-какие важные вопросы нашей партии или политики, приходится итти к товарищам». Другой рабочий (1918 г.) пишет: «Жена неподходящая, не вертится в колесе все для общества, до сих пор любит тряпки и побрякушки». Очевидно, в данном случае момент классово-экономического различия в происхождении мужей отступает на задний план перед мощным об'единяющим их началом коммунистического мировоззрения.

Причины неудовлетворенности 24,7% неудовлетворенных своим семейным положением указывают как на причину этого, различие во взглядах, 52,1%—различие во взглядах плюс плохое материальное положение. Таким образом, об'единив обе группы, получаем 76,8% неудовлетворенных в силу несходства характеров и взглядов. Целая трагедия. Она говорит о том, что если темп высвобожденья женщины из цепких лап мещанства будет расти медленно, наши партийцы будут еще надолго обречены на неустройство семейной жизни, на неразрешение «половой проблемы». Вполне закономерно из этой большой неудовлетворенности, из этого состояния очень «неустойчивого равновесия» вытекают резко-отрицательные оценки семьи вообще: так, один из партийцев (стажа гражданской войны) заявляет: «Семью не люблю, считаю ее обузой для коммуниста, считаю, что семья в жизни коммуниста может играть роль только в отрицательном смысле».

Разводы. Отсюда разводы. Правда, они не представлены каким-нибудь громадным числом и составляют 10,8% всех женатых. Но и это говорящая цифра. По социальным категориям процентные соотношения располагаются следующим образом:

Категория.	Разводы в % к женатым.
Рабочие	12,6
Крестьяне	19,6
Служащие	34,7

Большинство причин развода в том же несходстве характеров, дальше следуют «измены» («наставляют рога»), политические разногласия, искание выгод от партийности мужа. Есть случаи развода по добровольному согласию обоих сторон.

Половой быт.

Как удовлетворяются половые потребности. Условия армейского быта создают, как известно, затруднения для нормального, легкого удовлетворения холостяками или нуждающимися в половом общении женатыми военными своих половых потребностей. Тем больший интерес имеет то, каким путем разрешают военные коммунисты этот острый бытовой вопрос. Имеем следующие формы этого разрешения «полового вопроса»: общение с проститутками, постоянная связь, воздержание, поллюции, «как придется» или «случайно» (к этой категории относятся и те, которые указывают на удовлетворенность потребностей «чужими женами»). Характерно, что многие из последней категории, написав «случайно», спешат оговориться, «но только не с проститутками», или «по обоюдному согласию с любимыми женщинами». Общаются с проститутками всего 6,3%. Имеют постоянную половую связь с определенным лицом 5,5%. 3,2% имеют поллюции; некоторые из последних пишут «удовлетворяю половые потребности поллюциями». Понятно, поллюция есть лишь фикция удовлетворения половой потребности. Второе место по величине процентного коэффициента занимают воздерживающиеся, которые пишут, что они «никак» не удовлетворяют половых потребностей. Их 35%. Воздерживающиеся неодинаково относятся к своему воздержанию. Правда, общее для всех них то, что воздержание их не добровольное, а только вынужденное—или из-за отсутствия подходящего об'екта, связанного с трудностями военной обстановки, или из-за большой нагрузки. И в то время, как часть жалуется, что «страдают» или «приходится мириться с положением», или, что «живет аскетом», пожалуй, большая часть переживает то же, что этот партиец, который сообщает: «Некогда думать о половой потребности. Беспрерывная работа и отчасти спорт убивают, пожалуй, всю половую энергию». Эта категория вербуется из наиболее занятых сложной нервно-мозговой деятельностью политработников и части комсостава и как бы иллюстрирует известное положение Зигмунда Фрейда о переключении энергии из половой сферы в сферу высоких, умственно-общественных интересов («сублимация»).

Таким образом, можно заключить, что даже в тяжелых условиях военной обстановки общение с проститутками занимает наименьшее место. Нам кажется, есть все основания видеть в этом большую тормозяще-сдерживающую силу партийности на человека, партийной коллективности над личностью. Интересно сравнить эти данные с данными для беспартийных. Вероятно, последние данные показывали бы большую «свободу» в разрешении полового вопроса, так как воспитывающе-сдерживающее влияние коллектива играет в поведении беспартийного гораздо меньшую роль.

Онанизм. Им занимается на 304 чел. всего состава парторганизации лишь 17 чел., из которых только двое занимаются

систематически, остальные 15—указывают: «редко» или «случайно». Таким образом, процент онанистов к холостякам составляет 14,2%, а ко всей организации 5,5%. Это не отвечает существующему мнению о большой распространенности онанизма в армии. Партийцы, со стажем до 1920 г., не дают ни одного случая онанизма, как народ, в большинстве случаев, женатый. Больше онанистов среди молодежи.

К онанизму существует резко отрицательное отношение—один заявляет, что «не занимается этой чепухой», другой с негодованием пишет, что он «идиотом быть не хочет».

Почему не женятся. Жениться холостякам-партийцам мешают такие обстоятельства: материальная необеспеченность, служба в армии, различие взглядов и отсутствие соответствующей по мировоззрению женщины; кроме того, есть категория холостяков, считающих, что и без женитьбы жить можно. По всей вероятности, они комплектуются из того круга лиц, которые выше указывали на удовлетворение половых потребностей «случайно», «по любви» с «знакомыми женщинами». Причины неженитьбы располагаются по следующему ряду: материальная стесненность и необеспеченность—49%, служба—16,5%, не хотят жениться—15%, различие взглядов—12%, прочие причины—7,5%.

По социальным горизонталям такая картина:

В процентах.

Категории.	Матер. полож.	Служба.	Различие взглядов.	Прочие причины.	Не хотят.	Всего.
Рабочие	50	12,1	6,1	7,6	24,2	100
Крестьяне	39,1	28,2	15,2	11	6,5	100
Служащие	66,6	4,8	23,8	—	4,8	100

У служащих наибольшие потребности, которые они не удовлетворяют и холостыми, тем более они боятся, что на семью их заработка не хватит. Но хотя и в различных пропорциях все же для всех трех категорий основным препятствием к женитьбе являются материальные затруднения. Служба является вторым главным препятствием для крестьян, которые составляют главный кадр младшего комсостава и кр-цев. Рабочие и служащие, которые в большинстве случаев представляют политработников и стабилизировались в армии, службу важным препятствием к женитьбе не считают. И для рабочих и для служащих, служба занимает третье место в ряду препятствий к женитьбе. Различие взглядов является наиболее важным тормозом для служащих, затем для крестьян. Несомненно, тут тоже следует констатировать определенное влияние партийности. Пролетарская идеология, являющаяся идеологией нашей партии, у рабочих, часто женящихся на работницах, не встречает препятствий со стороны

последних. 5,1% нужно отнести к мало-сознательным пролетаркам или непролетаркам. Как видим, различие взглядов занимает для рабочих последнее место в ряду препятствий к женитьбе. Более резко чувствуют разницу между своим коммунистическим мироотношением и мелко-буржуазным, по преимуществу, мироотношением об'ектов любви или внимания, служащие и крестьяне. Для служащих коэффициент этой графы занимает второе место в ряду препятствий к женитьбе. Не хотят жениться, прежде всего, рабочие. Тут сказывается большая легкость удовлетворения половых потребностей в заводской и городской обстановке, отсутствие того экономического стимула к женитьбе, как к фактору укрепления хозяйства, который характеризует, например, крестьян. Наименьшее желание пребывать в холостом состоянии обнаруживают служащие, возможно, что тут не обошлось без влияния характерной для мелко-буржуазных традиций склонности к семейности.

Венерические болезни. Венерическими болезнями болело 9,2% всей организации. Наибольший процент приходится на партийцев 1920—22 г.г. Очевидно, половая энергия, уходившая до мирного периода на военно-революционную работу, «сублимировавшаяся» в высшие виды, сразу разрядилась, дав исход накопившемуся, но тормозившемуся до того времени, порыву. Служащие дают наибольший процент болевших венерическими болезнями, дальше идут рабочие, последнее место занимают крестьяне. Тут сказывается об'единяющая рабочих и служащих городская среда и городская этика.

Больные венерическими болезнями сейчас составляют всего 2,3% парторганизации.

Пьянство.

Из 304 человек пьет часто и систематически 16 чел. (5,3%), редко или немного 148 ч. (48,6%) и вовсе не пьют 53,9% всего состава парторганизации. Конечно, только первую группу — 5,3%—можно принять за пьяниц и считать их представителями пьянства. В целом же имеем распространенность не пьянства, а так сказать «выпивания».

Причины выпивания. Каковы же те причины, которые мешают 100% трезвенности? 50% пьющих не указывают причин. Эта категория вернее не просто замалчивает вопрос, но отвечает своеобразно: «хочется просто», «пью безо всяких причин». Все это, нам кажется, можно отнести к тем, кто привык в известный момент реагировать на определенные впечатления или собственное внутреннее состояние вином или водкою, к выработавшим, как говорят, определенный, «выпивательский» условный рефлекс. Конечно, и в других случаях, выпивка является тем же выработанным условным рефлексом, но разницу можно видеть в том, что если в других случаях раздражители для условного рефлекса (причины «питья») строго осознаны и как-то однозначно определены, то в первом случае раздражители-причины хотя также выработаны и установлены, но еще недостаточно осознаны.

На втором месте стоят те, кто считает выпивание вина или водки «полезным», для возбуждения аппетита или поднятия энергии после усталости. Они составляют 23% пьющих. На третьем месте—пьющие по эмоционально-суб'ективным причинам—«пью в часы дурацкого настроения», «пью, чтобы поднять настроение», «причины—собачье настроение», «пью от скуки». Такого рода состояние имеет опять-таки общественное об'яснение. Одиночество, слабый темп культурной жизни, характерный для некоторых гарнизонов, питают указанные настроения и средством забыться, является вино. Эти мотивы подтверждает один из отвечающих в более четкой, чем прочие формулировке: «Пью за неимением возможности удовлетворить духовные потребности». Иногда к этим условиям плохого настроения присоединяются профессиональные—по службе: «Пью, так как плохое отношение к комсоставу у высшего командования». Это единственный случай и его можно принимать, если не как курьез, то во всяком случае, как слишком редкую причину пьянства. Не мало прямых указаний на «обстановку». В категорию прочих причин, занимающих последнее место (10%), входят малярики, пьющие вино в лечебных целях, такие, кто пьет лишь «в торжественной обстановке», «при получке».

Меры против пьянства. Большинство признает пьянство общественным злом; нашелся один, высказавший оригинальный, но не по существу взгляд на пьянство. Он пишет: «Пьянство не считаю преступлением и считаю меры борьбы с пьянством бесполезными. Лучше рассматривать преступления, содеянные в нетрезвом виде, как преступления, а не как пьянство». Тут некоторая логическая путаница. Пьянство обычно рассматривается, как известный общественно-органический порок, с точки зрения общественной гигиены; преступления, содеянные в пьяном виде, конечно, не рассматриваются по существу своему, но обстоятельство опьянения тесно связано с характером преступления и усугубляет его. Поэтому, бытовое осуждение пьянства правильно.

В ряду мер, рекомендуемых для борьбы с пьянством, указываются в первую очередь предупредительные меры: пропаганда и раз'яснение вреда пьянства, улучшение материального положения, повышение количества и качества развлечений. Вдумчиво и содержательно формулировал основные методы борьбы с пьянством в указанном духе один из партийцев рабочих: «Улучшение материальной и духовной жизни, разрешение брачного и полового вопросов, в таком смысле, чтобы оно давало творчество, а не калечило жизнь, товарищеские советы и осторожный подход к вопросу, неослабное наблюдение и борьба с пьянством, но не грубые меры». За принятие таких культурно-предупредительных мер 35,9%. 28% не знает, как следовало бы искоренить пьянство. 23% предлагает уничтожить выделку водки или передачу продажи ее только в кооперативы. С особенным негодованием многие предлагают закрыть «Конкордию»—один из гарнизонных «духанов», очевидно не мало поработавший над облегчением карманов партийцев. 8,9% рекомендуют строгие меры, главным образом, по партийной линии. Это «реалисты», проникнутые сомнением ко всяким «идейным внушениям» на пьяниц. Они предлагают «действительные меры». Конечно, порядочная доля правды за теми из них, кто полагает необходимым комбинировать строгие меры с методами предупреждения.

Культурная жизнь.

Самообразование. Занимается самообразованием 48%. Не занимается 30,3%. Занимается не регулярно, не систематически—21,7%. Об'единив две последние группы имеем 52%. Относительный перевес над занимающимися. О характере препятствий к регулярным занятиям самообразованием можно судить из таких заявлений обследованных: «занимаюсь с перебоями, ибо детишки кричат, уставшая жена просит понянчить», «тормозы: нагрузка, неумение самоорганизовываться, переживаемый квартирный кризис». Не занимающиеся самообразованием вовсе, преимущественно, те, кто еще нуждается в упрочении своей азбучной грамотности. Какие вопросы интересуют занимающихся самообразованием? Здесь идут прежде всего вопросы политические и обще-образовательные: политическая экономия, история партии, марксизм и ленинизм—темы наичаще встречающиеся. Далее следуют военные вопросы. Так, видно, предшествующая и настоящая военная учеба оставляют меньше пробелов, чем политическое и общее развитие, настоятельно требующие пополнения.

Газеты и журналы. По ответам, газеты читают все. 71,4% читают газеты систематически: 28,6% читает случайно, возможно, что вторая группа в действительности больше, т. к. иногда пишут, что они выписывают газеты, но читают ли они, неизвестно. Нужно отметить, что молодые партийцы и кандидаты составляют большее число читающих случайно, и еще не выработавших в себе постоянной потребности в газете.

63,2% показывают, что читают две газеты—одну центральную и одну местную. Характер их разный для разных читателей. Больше политически подготовленные читают «Правду» и местную общую гражданскую газету, меньше—читают более популярные центральную и военную газету. Что касается чтения журналов, последние представлены преимущественно в своих легких изданиях: «Прожектор», «Огонек», «Красная Нива» и т. п. Выбор такого ассортимента отражает, кроме прочих причин, большую нагрузку военного коммуниста-середняка, которому после тяжелой работы в самых различных отраслях и организациях хочется «чего-нибудь легкого». Некоторым по роду работы необходимо следить за специальными изданиями и такие следят за «Военным Вестником» (больше комсостав), «Народным Учителем» (школьные работники) и проч. и проч. «Большевик» читают всего 7 человек, преимущественно из ответственных политработников. Более специальные марксистские журналы, вроде «Под Знаменем Марксизма», «Вестник Коммунистической Академии» и проч. не названы вовсе.

Развлечения. С развлечениями, как видно, не все обстоит благополучно. 67,1% посещают клубы, театры и кино «редко» и «случайно». Только четверть организации—25%—посещает систематически, а 7,9% вовсе не пользуются никакими развлечениями. Чем об'ясняют партийцы редкое пользование культурными удовольствиями? Главным образом отсутствием времени и средств. Но есть немалая группа таких, кого не удовлетворяет содержание наличных развлечений, кто хотел бы более серьезной и свежей пищи; в особенности на окраинах «театр не удовлетворяет, картины все известны», как жалуется один. Из разных очагов развлечений больше всего посещаются клуб и кино. Это не трудно понять, поскольку каждая крупная часть имеет свой клуб, а нередко в клубе и собственную кино-установку.

Культурные запросы. Как велики культурные запросы у наших военных партийцев, каковы они и какие меры предлагаются к их удовлетворению? Если подавляющее большинство, уже вкусившее от древа познания, характеризуется неудержимым рвением к учебе, к обогащению новыми культурными ценностями, к удовлетворению все полней раскрывающихся, все возрастающих духовных потребностей, то характерным штришком для культурной среды Красной Армии является маленькая группа—в 5,2% всей обследованной парторганизации. Это—«удовлетворенные» культурно. Они получили у нас в Красной Армии то, чего раньше до прихода в нее не имели вовсе. Здесь они ликвидировали свою азбучную неграмотность, начали сознавать свое классовое положение и нередко здесь же вступили в РКП, здесь они получили первую культурную пищу—и они говорят: «По моей развитости хватает всего, пока для меня хватит и этого, что я вижу». Конечно, эта группа неустойчива, завтра у нее вырастут культурные потребности, захочется большего. К этой группе примыкают, отчасти, девственные еще в смысле культурности 12,5%, заявляющих: «мало культ. запросов», «мало культурный», «некультурный». Это молодые коммунисты, и, главным образом, представители деревни. Они еще не дали себе как следует отчета в тех культурных интересах, какие у них уже есть, но самый факт их партийности служит наглядным опровержением их полной «некультурности». Пусть они пока еще некультурны, в общем смысле, т. к. они как раз те россияне, о которых говорил Владимир Ильич, но политическая культурность, которую удостоверяет их принадлежность к РКП—залог ликвидации их малограмотности и некультурности.

На первом месте стоит стремление учиться. На рабфак, в средние, высшие учебные заведения, в ВПШ, в технические школы, в Военно-учебные заведения—«учиться, учиться, учиться»—вот буквально так, троекратно и многократно, пестрит этим требованием, просьбой, страстным желанием эта графа анкеты. Дальше идут те, кто предлагает прежде всего меры к удовлетворению культурных запросов, не указывая на характер последних. Должно быть они хотят быть «реалистами». Они предлагают разгрузку, улучшение материального положения, перевод из менее культурных местностей в культурные центры. На третьем месте стоят вплотную примыкающие к первой категории, рвущихся к учебе, желающие урегулировать самообразование. Посылки в школы они не требуют или потому, что уже были в них, или потому, что сознают необходимость пребывания в армии, но они тоже говорят о разгрузке, о снабжении библиотек нужной литературой. Если эти 17,4% самообразующихся прибавить к тем, кто хочет школьной учебы, получим 52,4%. Но уже есть основания присовокупить к этой цифре и те 21,7%, которые не называют прямо желания учебы, но косвенно свидетельствуют об этом и тогда 74,1% тех, кто не удовлетворяется достигнутой культурностью, кто стремится вперед. Плюс сюда еще 8,2% тех, кто указывает прежде всего на улучшение развлечений, на освежение их и повышение их содержательности. 82,3%—эта сумма законно об'единяет все различные требования на повышение качества культурной «товарной массы». Эта сумма говорит о гро-

мадных творческих возможностях для пролетарской культуры, строимой под руководством нашей партии.

На первом месте по тяге к учебе стоят рабочие. На первом месте по самообразованию и по требованию лучших развлечений— служащие. Понятно, служащие, воспитавшие в себе уже и раньше самостоятельно и под влиянием среды порядочно культурных потребностей, ставших инстинктами, пред'являют более широкие общекультурные требования.

Партия и партиец.

Парторганизация и личная жизнь партийца. На вопрос о вмешательстве парторганизации в личную жизнь члена партии 286 чел. заявляют, что они вмешательства не чувствовали. Только один жалуется на вмешательство. Один считает, что отчасти вмешательство было. 15 чел., отмечая отсутствие вмешательства, говорят об этом не как о положительном, но наоборот, как об отрицательном явлении. «Надо бы иногда одернуть, указать, посоветовать, а этого нет». Другой отмечает с благодарностью вмешательство: «вмешивание парторганизации в мою личную жизнь дает толчок быть действительным коммунистом».

С кем дружат. Почти половина (49,7%) имеют друзей среди партийцев. Имеет и среди партийных и среди беспартийных 34,9%. Дружат только с беспартийными 3,3%. 12,1% не имеют друзей. Интересно проследить какова общительность и с кем дружат по социальным категориям:

В процентах.

Категории.	Только с партийн.	С партийными и беспартийн.	Только с беспарт.	Нет друзей	Всего.
Рабочие	47,4	39,4	3,0	10,2	100
Крестьяне	48,8	35,8	3,3	12,1	100
Служащие	67,5	17,5	—	15,0	100

Наиболее нормальная дружба и с партийными и с беспартийными, говорящая о хорошей связи с беспартийной массой, у партийцев-рабочих. Наименее общительны и не имеют вовсе никаких друзей—служащие. Опять-таки наибольшая общительность характеризует рабочих. Большой процент имеющих друзей среди партийцев, говорят о том заметном обстоятельстве, что наша партия в отличие от западных социалистических и даже отчасти коммунистических партий, в быту, в практических мелочах поведения, в отдельных взглядах и оценках, на почве единства которых обычно происходит дружба, имеет настолько сильно выраженное свое лицо, строгую, последовательно классовую, пролетарскую установку, что многие партийцы, очень даже крепко связанные с беспартийными, живущие их жизнью и прекрасно понимающие беспартийных трудящихся, все же друзей, т.-е. наиболее подходящих к себе по складу поведения и мировоззрения людей, находят лишь среди партийцев. Интересно было бы для параллели обследовать, с кем «дружат» члены западных социалистических партий. Чем об'яснить, что служащие показывают обращающую на себя внимание самую малую цифру по дружбе и с партийными, и с беспартийными? Нам кажется, что об'яснение дает то обстоятельство, что если рабочие и крестьяне, находясь в партии, только очищают свою обычную психологию от посторонних примесей мелко-буржуазности и только больше осмысливают и углубляют свое трудовое мироотношение, служащие переживают другое. Вступая в партию, которая представляет противоположную мелко-буржуазности идеологию, служащий старается уйти от обычной для него идеологической среды, наоборот, поглубже войти в пролетарскую среду партии. Правда, нередко это сопровождается недостаточной связью с беспартийной рабочей и крестьянской массой, чего не должно бы быть. Нашелся «чудак»—кандидат из крестьян—пред'явивший и такой взгляд: «все люди мои товарищи, все близкие и нет у меня далеких, пока не поднимают надо мной руки». В семье не без урода и случаи проникновения в партию представителей христиански-индивидуалистических воззрений могут быть. Но, если этот крестьянин не перевоспитается, он окажется вне партии. Такие кисло-сладкие взгляды к большевизму не имеют никакого касательства.

Связь с нэпманами и чуждыми. 4 человека связаны с таким элементом. Как эти четверо характеризуют свою связь: «имею, когда езжу в командировку, хожу туда, обедаю и ругаюсь», сообщает один. Другой связан с дочерью бывш. помещика, «наблюдает и убеждается в ее ограниченности», третий имеет родственников мелких спекулянтов, которые «сами посещают», а порвать, видно, не решается. Весьма вероятно, что на деле, имеющих связь с чуждыми больше, чем четыре, на то мы и живем в мелко-буржуазном окружении. Но общее отношение к связи с нэпманами и чуждыми прекрасно выражено в ярких заявлениях: «эти духовные отщепенцы человечества, отталкивающе действуют на меня», «не имел и не буду иметь никакой связи с такой тварью, если партия заставит, тогда по необходимости может, что буду иметь». Эти заявления говорят, что мы, действительно, «остались такими, какими были в ночь на 25 Октября» и сейчас, и всегда будем такими до окончательной победы.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

В. Ваганян.

История не против Ленина, а против неграмотных людей.

I.

Об Ангарском.

Ангарский заслуживает того, чтобы я в своем ответе сказал ему несколько горьких слов, и ежели тем не менее я этого не делаю и обхожу молчанием его выпады, лично против меня направленные, его намеки и туманные «речения», то только потому, что нет положительно никаких оснований полагать, что его намеки ему в чем-либо помогут.

У него твердая репутация.

Никто ее не поколеблет.

Ничто ее не обновит.

Итак, оставим его эпиграф, его междустрочные кивки и прямо обратимся к его аргументам. При чем из всех-аргументов мы выберем лишь некоторые, представляющие интерес для нас.

Ангарский написал книгу о «Легальном марксизме», я разобрал эту книжку в «Воинствующем Материалисте». В своей заметке я оспаривал утверждение Ангарского, будто бы «две тактики» в с.-д. выразились в двух разных отношениях Ленина и Плеханова к Струве в 1895 г. Я оспаривал утверждение, будто зачатки «двух тактик» следует искать в расхождении Ленина и Плеханова, я доказывал, что таких расхождений и не было в принципиальных вопросах между Лениным и Плехановым.

Что отвечает мне на это Ангарский? Он прежде всего старательнейшим образом приравнивает Плеханова с Аксельродом. Зачем это ему надо? Затем, чтобы, не найдя у Плеханова никаких аргументов и никакого разногласия с Лениным, иметь возможность подменить его Аксельродом, у которого совершенно естественно должно было быть расхождение с Лениным, так как Аксельрод, вопреки словам Ангарского, существенно расходился и с Плехановым.

Мы не можем не обратить внимание читателя «Большевика» на то, как Ангарский доказывает свой основной тезис.

«Б. Николаевский, редактор «переписки» Плеханова с Аксельродом, свидетельствует, что в этот период, т.-е. в 1893—1894 г.г., Аксельрод «работал над оформлением той социологической концепции, которая несколько позднее легла в основу его тактического плана, развитого в брошюрах «Историческое поло-

жение... либеральной и социальной демократии» и др. Николаевский сообщает, что эти свои взгляды Аксельрод развивал Плеханову еще в 1893 г. во время Цюрихского Социалистического Конгресса; не даром же Плеханов всегда аттестовал Аксельрода, как «лучшего тактика». Вот что этот «лучший» тактик писал в первой половине 90-х годов»... [1]). Что писал Аксельрод, нас здесь мало занимает, хотя я не могу не отметить ради беспристрастия, что Ангарский даже Аксельрода цитирует очень небрежно, отчего его позиция перестает быть понятной. Но повторяю, Аксельрод теперь не интересен. Важно то, что Ангарский свои выводы делает на основании указаний Б. Николаевского. Последний меньшевик. Он всеми ему доступными методами доказывает, что 1) идея гегемонии пролетариата есть изобретение Аксельрода, 2) что Плеханов и Аксельрод были во всем совершенно согласны,—отсюда вывод, который сам собой напрашивается, гласит, что Ленин, а следовательно, и весь большевизм, есть уклонение от марксизма и что к меньшевизму перешло непосредственно наследство двадцати слишком лет развития марксизма в России.

Стоит ли мне здесь доказывать, сколь вздорна эта попытка. Я в своей книге в специальной главе попытался доказать, что идея гегемонии пролетариата есть излюбленная идея Плеханова с самого 1883 года. Аксельродовская попытка тем и характерна, что она показала, сколь недостаточно понимает ученик мысли и воззрения учителя, и одновременно, что между учителем и учеником за внешней видимой солидарностью существует разногласие.

Великое несчастие тов. Ангарского в том и заключается, что он верит Б. Николаевскому (если бы он внимательно прочел № 15—16 «Соц. Вест.», он бы заметил, что там эта тенденция проводится почти всеми участниками, за исключением двух, о которых я скажу ниже), будто Плеханов и Аксельрод это одно и то же.

Не одно и то же!

Редактор переписки Плеханова и Аксельрода прекрасно знает это. С самых первых шагов они оба выражали два существенно заметных оттенка в русском марксизме. Аксельрод неизменно тянул вправо, Аксельрод был постоянно соглашателем. Аксельрод был меньшевиком по нутру, он был оппортунистом по природе. Здесь не место подробно обосновывать это, но вспомните только отношения Аксельрода к еврейскому вопросу (1882—83 г.), к Лаврову и народникам (1887 — 89 г.), к голоду (1891 г.) и вызванному им движению и перспективам, о давлении его на Плеханова (лозунги «Всеросс. разсор.» составлены под давл. Аксельрода и Засулич), вспомните его позицию по отношению к Дрейфусиаде (1898 г.), где он защищал Жореса и его тактику, а Плеханов—Геда, вспомните его и Засулич отношение к экономизму (1898—99 г.г.), его отношение к борьбе Плеханова с Бернштейном (1898—99 г.г.), его отношение к Бунду, наконец! Все это не случайно, все это этапы, по которым развивался Аксельрод-оппортунист, Аксельрод — будущий вождь меньшевизма, будущий идеолог соглашательства.

---

[1]) „Большевик", № 19—20, стр. 97

А Плеханов? Я не принадлежу к числу тех, которые ослеплены внешним блеском лиц и событий. Я прекрасно знаю, в чем слабость Плеханова. Но по части последовательно-революционных воззрений он вплоть до эпохи старой «Искры» представлял ортодоксию в ее самом чистом и непреклонном виде. В этот промежуток времени у него бывали и уклонения и ошибки, но они бывали обусловлены совсем иными причинами и с оппортунизмом ничего общего не имели.

По тем же самым вопросам, по которым Аксельрод занимал позицию оппортуниста, Плеханов неизменно оказывался решительным революционером. Если лозунги «Всер. раззор.»—в значительной мере результат «коллективной» работы, то «Письма о голоде»—выражение его воззрений в вопросе об экономизме—чуть не доводят дело до разрыва с давнишними своими друзьями. Прочесть нужно только эти трагические страницы переписки Плеханова с Аксельродом.

Повторяю, мне на этих вопросах здесь немыслимо долго задерживаться, о них я буду иметь случай высказаться. Я считаю совершенно неоспоримым, что меньшевистские басни насчет единомыслия Плеханова с Аксельродом—пустая болтовня. Две тактики в РСДРП и следует искать между Плехановым и Аксельродом.

Но вернемся к Ангарскому. Он поверил Б. Николаевскому и отсюда все его злоключения. Но как же быть с тем, что Плеханов считал Аксельрода «лучшим тактиком»? Во-первых, быть «лучшим тактиком» еще не значит быть ортодоксом, во-вторых, все это пишется в личных письмах к Аксельроду, в-третьих, не всегда задача историка сводится к тому, чтобы слепо верить историческим деятелям на слово.

Если верить Энгельсу, то Бернштейн до 1895 г.—не плохой ортодокс, но при свете последовавших событий многие из «ошибок» «дорогого Эдди» приобретают иной смысл и иное значение. Непосредственный деятель истории способен замечать процессы лишь на известной ступени их количественного накопления. И тут закон диалектики обязателен.

То же—с Аксельродом.

Ангарский пишет, что Аксельрод и Плеханов «связывали идею гегемонии пролетариата с либеральным движением». Насчет Аксельрода это утверждение имеет некоторое основание, но насчет Плеханова—это чистейшие пустяки, вздор!

Плеханов уже в 1883 г. прекрасно понимал, что вопрос о гегемонии есть вопрос о праве руководства: кто будет руководить освободительным движением, рабочий класс или либералы. Если Ангарский не совсем растерял под влиянием Николаевского все и вся, он должен вспомнить, что и необходимость рабочим иметь свою самостоятельную политическую партию Плеханов выводит из этого понимания задач гегемонии.

Плеханов, не далее, как через два-три года вслед за тем, выясняя себе эту концепцию, приходит к формуле, которую можно считать совершенно отчетливой и, пожалуй, окончательно ясной. «Называя социал-демократию «партией рабочей по преимуществу», я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна итти с рабочими, а наше крестьянство должно итти за ними. При такой постановке вопроса, наша социал-демократическая партия может сохранить свой рабочий характер, вовсе не впадая во вредную исключительность»[1]). Насколько это похоже на то, будто Плеханов связывает гегемонию пролетариата с либеральным движением, пусть судит читатель.

Итак, две тактики в Р. С.-Д. Р. П. следует искать не там, где их ищет Ангарский.

Каковы же были отношения между Плехановым и Лениным? Не личные, а идейные отношения между ними. Во всех своих работах, посвященных этому вопросу, я пытался доказать, что Ленин не только просто учился у Плеханова марксизму, а явился прямым преемником плехановской линии, и в дальнейшем развитии, следовательно, большевизм представлял собой логическое продолжение плехановской тактики, в то время как аксельродовская тактика неминуемо должна была привести правое крыло российской с.-д. к меньшевизму.

С этой точки зрения крайне интересны две статьи в юбилейном номере «Соц. Вестн.», посвященном 70-летию Аксельрода (№ 14—15). Я говорю о статье Каутского и Б. Н—ского (!!). Оба подчеркивают, что всех ближе к «современным социал-демократическим воззрениям» был в группе Аксельрод. И они правы. Не кто иной, как Каутский, в самый разгар борьбы с Бернштейном обкарнывал Плеханова и об'яснялся в любви с Бернштейном. В этом деле его неизменно поддерживал Аксельрод. Каутский имеет большое основание причислять Плеханова к тем русским «варварам», которые своей революционной непримиримостью были белыми воронами во II Интернационале!

После этих замечаний ясно, что мы с Ангарским не можем вести нормальную дискуссию. Он по наивности полагает, что меньшевистская концепция направлена к возвеличению нашего учителя, а потому всячески ее культивирует. На самом же деле как совершенно очевидно читателю, «об'яснения» Б. Николаевского целиком направлены против Ленина.

После этих нескольких предварительных слов, мне остается лишь подать несколько реплик, скорее имеющих целью помочь Ангарскому разобраться в вопросе, чем защитить мои воззрения, так как для документальной дискуссии у меня не хватит места, а просто препираться с Ангарским—не охота.

«Я не знаю, была ли в то время известна Аксельроду и Плеханову нелегальная книга Ленина «Друзья Народа»? Думаю, что нет. (Напрасно! *В. В.*) А ведь именно в этой книге, независимо от «концепции» Аксельрода (но в полном согласии с Плехановым! *В. В.*), Ленин выдвинул вопрос о гегемонии пролетариата в русской революции, выдвинул не в форме лабораторной «концепции» Аксельрода, а в виде живого революционного дела»,—пишет Ангарский [2]). В 1895 г. Плеханов имел в руках гектографированные тетради «Друзей Народа»,—об этом свидетельствует т. А. Воден, который был тогда близок с Плехановым. Формула «Друзей Народа» не только не противоречила «формуле» Плеханова, а явилась ее прекрасной конкретизацией. Ленин, разумеется, писал свою книгу «независимо от Аксельрода», но далеко не «независимо» от Плеханова, в том смысле, что в «Друзьях народа» Ленин развивал—и блестяще развивал, особенно,

---

1) Г. В. Плеханов. Сочин., т. II. стр. 363.
2) „Большевик", № 19—20 за 1925 г., стр. 98.

если иметь в виду его чрезвычайно юный возраст,—воззрения революционного марксизма под сильнейшим влиянием Плеханова.

Нет в «Друзьях народа» ни единого пункта расхождения с Плехановым!

Ангарский находит, что тактика Ленина и Плеханова—Аксельрода «прямо противоположны»! Для того, чтобы иметь возможность доказать это дикое положение, он прибегает к извращению позиции как Плеханова, так и Ленина. «В то время, как Аксельрод и Плеханов (Sic! *В. В.*) полагали, что гегемония может быть достигнута уступками, соглашательством, подталкиванием либералов влево (когда? Где? *В. В.*), поддержкой Петрункевича против Стаховича, Ленин защищал необходимость беспощадной критики либералов, разоблачения их половинчатости, нерешительности, постоянной склонности к предательству интересов революции за тепленькое местечко и казенное жалование. Вот почему неотложной важности задачей деятельности социал-демократов в первой половине 90-х годов Ленин считал работу исключительно (!! *В. В.*), среди рабочих, работу организации пропаганды и политической агитации, в то время, как Аксельрод и Плеханов, конечно, не отрицая всего этого (!! *В. В.*), выдвигали еще особую задачу об'единения, организации, привлечения либералов, которая на практике неизбежно должна была выразиться и впоследствии действительно выразилась в чистейший оппортунизм и меньшевизм» [1]. Все это сплошные пустяки. Если даже с колоссальной натяжкой предположить, что из слов Аксельрода можно сделать приведенный вывод, то по отношению к Плеханову все, что сказано о его понимании гегемонии, является чистейшей выдумкой и прямым наговором. Нужно совершенно не уважать своих читателей, чтобы говорить такую чушь. Что касается до Ленина, то и тут Ангарский думает, что упрочивая точку зрения его, он превращает Ленина в ужасного революционера. На самом же деле он просто извращает Ленина. Ленин никогда не был сторонником «исключительной» тактики, ибо такая тактика достойна самого дикого сектанта, с другой стороны Плеханов никогда не брал на себя задачу организовать либералов. Все это карикатура, а не история!

Я рассматриваю статью Ленина против Струве, как «итог» той колоссальной работы, которую Ленин проделал в России, борясь против «абстрактного и механического» марксизма, господствовавших в те дни почти во всех марксистских кружках. Ангарский оскорблен: «Так опошляет тов. Ваганян исключительное по своему значению выступление Ленина против Струве в период апогея славы (!? *В. В.*) лидера легального марксизма. Плеханов, видите ли, не вращался в сфере «академических» марксистских кружков, поэтому он и не выступил против Струве, а Ленин вел с ним дискуссию в течение целого года, а затем подытожил эту дискуссию сначала в реферате, а затем в статье. Так все просто и пошло» [2]. Я прямо поражен этой дикой выходкой моего оппонента!

---

[1]) Там же. стр. 99.
[2]) Там же.

Почему итог—пошлость, никто не поймет. Да и имеется ли хоть одно произведение у Ленина, которое не было бы итогом напряженной работы партии, коллектива, итогом его борьбы с разного сорта оппортунизмом и т. д.? Да неужели я должен написывать всякие подлинно пошлые дифирамбы о трудах Ленина, ничего не дающие, обычно, читателю и свидетельствующие лишь об имманентной пошлости того, кто их может терпеть?

Об отношении Ленина и Плеханова к Струве повторяться не стану. Ангарский не говорит ничего свеженького, повторяет свою книгу, а мне не охота самого себя повторять. Когда будут свежие аргументы—тогда поспорим.

Его толкование Ленинских записей столь курьезно, что, вероятно, доставило не мало веселых минут читателям, ослаблять их впечатление я не стану, тем более, что ниже я вынужден сказать несколько слов на этот счет в связи с критикой положений т. Колоколкина.

О самарском протесте следовало бы сказать два слова. Но, во-первых, у меня уже нет места, а, во-вторых, об этом в другой связи и в другой статье я постараюсь рассеять все недоумения Ангарского.

II.

О Колоколкине.

Перейдем к Колоколкину.

Бывают такие дискуссии, которые по существу бесплодны, но они становятся прямо преступным занятием, когда в спор ввязываются люди неграмотные, весь пафос коих имеет весьма далекое от науки происхождение.

Спор продолжать в таких случаях имеет интерес и важность не с научной, а, так сказать, с политической стороны. Нужно вести жесточайшую войну против того растления нравов, которое с некоторых пор принимает у нас размеры настоящего бедствия, серьезной болезни.

Во имя этой политической и литературной крайне важной задачи я только и прошу мне снисхождения у читателей за мое столь преступное времяпровождение.

Так, значит, к делу.

Начнем с начала.

Мой оппонент начинает свои возражения с философии истории, при чем, читатель, знакомый с предметом дискуссии, вероятно, уже по одному этому догадывается, каков будет план действия нашего героя: когда спор идет из-за исторических деталей—одного или двух лет, лучший метод отвлечь внимание читателя, это создание философских панорам.

Хотя его «философия» истории такова, что не в состоянии даже прикрыть умственное убожество и неграмотность его, тем не менее на ней останавливаться не след. Я не избегаю обсуждений и дискуссий о панорамах, но дискуссии о них можно вести только с людьми, которые хоть что-либо знают, а не с Колоколкиными.

Мы поговорим о том, что и как он мне возражает. «Этого как раз не понимает тов. Ваганян. Позицию Ленина он извращает. Сознательно или бессознательно—об этом читатель узнает

ниже» [1]). Что именно я «не понимаю»? Оказывается, мне «не дано понимать», что «в борьбе против легального марксизма Ленину принадлежит особенная роль, роль не только застрельщика, но и руководителя борьбы». Я не только этого не «понимаю», но и «извращаю», при чем извращаю с намерением. Для обыкновенных людей такая логика была бы несколько странной; но для героев, особенно столь беззастенчивых, такие ли пустяки сходят с рук?

Вот он припоминает, что в моей книге и в той брошюре, которую он взялся изничтожить, имеется много указаний, характеризующих Ленина именно, как застрельщика в борьбе со струвизмом, но, вспомнив, он поступает как истый герой: «Что Ленин первый дал систематическую картину струвизированного марксизма, то тов. Ваганян, конечно, признает (конечно! *В. В.*). Но признает для того, чтобы сразу же забыть (?? *В. В.*)...» Признание Ваганяна имеет стратегический смысл. Не более. В свете дальнейших рассуждений Ваганяна оно иного смысла иметь и не могло. Подумать только: в об'емистой книге (500 страниц) (посвященной Плеханову!! *В. В.*) Ваганян и так и этак трактует вопрос о легальном марксизме, (Колоколкин думает, что моя книга в 500 стр. занимается «трактовкой и так и этак», вопроса о легальном марксизме. Позволительно спросить, видел ли он мою книгу? *В. В.*), наворачивает кучу соображений, а о первом артиллерийском обстреле струвизма (экий солдатский стиль! Прямо герой! *В. В.*), о статье Ленина — только несколько беглых замечаний. Вот, мол, В. И. Ленин первый подметил шатание Струве» [2]). Каков же тот «стратегический смысл», который делает меня неспособным услышать голос истины? Очень простой: оказывается, я поставил себе задачей доказать, что в борьбе с легальным марксизмом «Плеханов занимал последовательную революционную позицию, между тем как Ленин обнаружил неустойчивость, стоял как бы за примирение и только потом осознал правоту Плеханова» [3]). Заступитесь за меня, читатель, перед этим героем, у которого столь буйное влечение к неправде. Неправда, ни в одной своей статье, ни в какой своей книге ничего подобного тому, что приписывает мне этот рыцарь, нет и быть не может.

Спор идет между мной и моими достопочтенными оппонентами, за честь которых теперь с таким беззаветным героизмом вступился наш рыцарь,—вокруг следующего моего утверждения, которое я не только не считаю ошибочным, но полагаю диким всякое оспаривание его.

Я утверждаю в своей книге и в брошюре, что «между Лениным и Плехановым были разногласия по вопросу о том, следует ли предстоящее «предприятие» сделать строго направленческим или можно внятуть в дело и таких безусловно полезных людей, как Струве. Ленин, Потресов и, повидимому, Аксельрод и Засулич стояли за приглашение, Плеханов—ультимативно против (моя брошюра, стр. 8). На чем основано мое утверждение? На свидетельстве самого Ленина («Как чуть не потухла «Искра»), при чем я призываю Ленина в свидетели еще в своей книге.

[1]) «Большевик» № 11—12 за 1925 г., стр. 97.
[2]) Там же, стр. 97.
[3]) Там же, стр. 97—98.

Записи Ленина подробнейшим образом там разобраны, все выводы сделаны на основании этих записей. Но книга моя писана для грамотных людей, а наш малограмотный герой не утруждает себя заглянуть в эту работу мою, по поводу коей он должен говорить, и заявляет с места в карьер: «После надлежащего отпора со стороны тов. Бубнова, Ваганян пытается привлечь к делу записи Ленина, опубликованные в 1 номере «Ленинского сборника» [1]). Вы еще раз говорите неправду, мой злосчастный герой, бубновская «атака» нисколько не могла повлиять на мою аргументацию и на мои выводы, ибо они были немного грамотнее того дополнительного «кавалерийского наскока», который предпринят вами.

Нанизывая одну на другой такой ряд лживых утверждений, якобы из моих работ, разумеется, герой ведет расчет на легкомыслие и доверчивость читателей «Большевика». На самом деле, как выше было отмечено уже, предметом нашего спора является не вопрос об отношении к Струве вообще, к струвизму, не вопрос о «легальном марксизме» вообще, а о конкретном столкновении по конкретному вопросу, имевшему место в период августа-октября 1900 г. При чем и в этом столкновении вопрос стоял не о принципах, а о том, какой тактики по отношению к сотрудничеству Струве должна держаться будущая «Искра».

Повторять цитаты из Ленина я не буду: скучно, никакими цитатами такие стены все равно не прошибешь. Я только напомню в двух словах суть спора, чтобы читатель мог по достоинству оценить прием моего «оппонента». Он следующим образом меня резюмирует: «Итак: по Ваганяну, Плеханов был непримирим по отношению к Струве, Ленин снисходителен, Плеханов брал курс на разрыв, Ленин—на соглашение, Плеханов был прав, Ленин неправ» [2]). Выходит, будто я заставляю Ленина сделаться струвистом, а после такого ...я лучше воздержусь от квалификации деяний моего оппонента,—разве трудно победоносно доказать «обратное»?

«Для всякого, кто оказал способность к пониманию, совершенно очевидно, что Ленин раньше, чем кто-либо, в частности раньше чем Плеханов, раскусил Струве (стиль-то, стиль-то—божественный! Герой, да и только!! *В. В.*) и соответственным образом определил к нему свое отношение. Мало того: тактическая линия Ленина и по отношению к легальному марксизму в целом, и по отношению к Струве персонально, определилась точно так же задолго до зарождения «Искры». Таковы факты. Версия тов. Ваганяна о том, что Ленин будто бы считал Струве после 1895 г., чуть ли не до конференции 29/XII—1900 г., и учеником Маркса и социал-демократом, эта версия, как видит читатель (?? *В. В.*), разлетается в пух и прах» [3]). Да, читатель видит, как мой безумный герой глотает шпаги и выкидывает дешевые китайские фокусы на глазах у всей честной публики. «Ленин знал Струве со всех сторон, в предметном уроке не нуждался и в возможность союза со Струве по сути дела не верил» [4]). Вы гадаете, мой злосчастный герой, и гадаете без всякой на то нужды, у Ленина имеется масса материалов для

[1]) Там же, стр. 98.
[2]) Там же, стр. 98.
[3]) Там же, стр. 99.
[4]) Там же, стр. 99.

того, чтобы установить в какой мере и в каких пределах он мыслил «возможность союза», как вы говорите. Но наш герой вздумал отрицать исторически несомненные факты. Считал ли Ленин Струве учеником Маркса и в какой мере—это не трудно установить по литературным источникам, но что Ленин не мог Струве не считать с.-д.—это совершенно понятно (см. «Воспоминания» Крупской). Да, помилуйте, как же не считать с.-д. делегата на Международный Конгресс от российской с.-д. (Лондон, 1896 г.). Как было не считать с.-д. автора манифеста I с'езда РСДРП?

Когда наш подозрительный герой прочитал заметки Ленина, а он прочитал, повидимому, лишь после того, как дошел до этого пункта, он в ужасе заметил, что там Ленин не согласен поддерживать его геройские подвиги, и прибег к фальсификации текста ленинских заметок. Посмотрите как он цитирует Ленина:

„О том, что со стороны Плеханова такое искажение позиции Ленина было особого рода тактикой, Ленин недвусмысленно говорит в той же записи: „Мы сами не без вины в его (Струве) эволюции: мы сами, и Г. В. (Плеханов) в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895—1897 г.). Г. В. (Плеханов) абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей вины, отделываясь явно негодными аргументами, отстраняющими, а не раз'ясняющими вопрос". „Плеханов,—продолжает Ленин,—обманывает себя, утверждая, будто бы в 95-м году ему было приказано не стрелять в Струве. Плеханов не хотел стрелять—вот и все" (Подчеркнуто мною.—*В. В.*) Так цитирует Ленина наш герой, вкладывая в его уста свои измышления.

Подлинный же текст Ленина гласит:

„Наши заявления, что мы обязаны быть елико возможно снисходительны к Струве, ибо мы не без вины в его эволюции: мы сами и Г. В. (Плеханов) в том числе не восстали тогда, когда надо было восстать (1895, 1897). Г. В. Плеханов абсолютно не хотел признать своей хотя бы малейшей вины, отделываясь лишь негодными аргументами, отстраняющими, а не раз'ясняющими вопрос"... „Зачем было обманывать себя, говоря, что в 1895 г. ему (Г. В. Плеханову) будто бы было „приказано" (!!) „не стрелять" (в Струве), а он привык делать, что приказано (похоже на то)". („Ленинский сборник" кн. 1, стр. 34).

Таким образом, фальсифицируя Ленина, наш подложный герой пишет: «Не ясно ли, что слова Ленина «мы сами не без вины» относятся целиком насчет Плеханова? Ленин намекает здесь на то, что Плеханов в 1895 г. не только не выступил против Струве, но даже защищал его «Критические заметки» в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» [1]. Какое открытие, Колоколкин! «Книга, на которой воспитывалось целое поколение русских марксистов»,—как характеризует «Мон. взгляд» Ленин,—эта книга является защитой струвизма! Какое ослепительное открытие!

Но все-таки, почему «целиком насчет Плеханова»? Мы—местоимение, первое лицо множественного числа, и предполагается, что в числе этого множества находится и говорящий—

[1]) Там же, стр. 99.

таков элементарный грамматический смысл этого местоимения. Исторический же смысл еще яснее. Разве трудно это видеть из записи Ленина?

Я утверждал в своей книге, и в своей брошюре, что 29/XII—1900 г. Ленин окончательно оставил мысль о привлечении Струве к газете. Начав с того, что «мы обязаны быть елико возможно снисходительны к Струве» (VIII—1900 г.) (вот оказывается, где главный враг Ленина скрывается! *В. В.*) он пришел к убеждению, что «с этим джентльменом каши не сваришь» (29/XII—1900 г.).

Вопрос для историка заключается в том, чтобы об'яснить, откуда такая разница в отношениях одного и того же человека к известному явлению (к участию Струве в газете), если дано, что принципиальное отношение—непримиримая вражда—Ленина к струвизму, начатая с 1895 г. ни на иоту не колебалась, не ослабла.

Такой вопрос для какого-нибудь Колоколкина, конечно, не существует, ибо для него история—это панорама. Но ни один серьезный историк мимо этого вопроса не пройдет и полагаю никто иного решения, чем выдвинуто у меня в книге, не выдвинет. Во всяком случае, мои критики—мой герой в том числе—строили свои «теории» на... фальсификациях Ленина или на недобросовестном обращении с историческими документами, нагромождая друг на друга цитаты из документов разных эпох и разных периодов.

Послушайте нашего печального героя, что только он наворачивает в состоянии меланхолии: «Переговоры со Струве Ленин расценивал, между прочим, как печальную ошибку, получившуюся от того, что Потресов, который являлся инициатором переговоров, неправильно информировал членов редакции о позиции Струве» [1]). Потресов, несомненно, ошибался. Особого ума не нужно, чтобы это понять, ибо сам Ленин о том повествует. Но некоторую долю ума нужно иметь, чтобы не пропустить следующее изумительно характерное и многоговорящее признание Ленина: «Мне хотелось бы записать свои впечатления от сегодняшней беседы с «близнецом». Это было знаменательное и «историческое в своем роде собрание, по крайней мере, историческое в моей жизни, подводящее итог целой, если не эпохе, то стезе жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь» [2]) (подчеркнуто мною. *В. В.*). Начав с того, что Ленин «между прочим» считал переговоры ошибкой Потресова, наш герой печальных дел через несколько строк цитируемой им записи Ленина (на этот раз тоже не безупречно, но полагаю, по невежеству, а не по злому умыслу) [3]) уже всю вину сваливает на Потресова и желает увернуться от ответа.

[1]) Там же, стр. 100.

[2]) Ленинский сборник кн. I, стр. 72.

[3]) Он цитирует запись Ленина весьма произвольно. Так напр., у Ленина написано: «По первоначальной передаче дела Арс. (Потресовым) я понимал так»., а у нашего героя оказывается понимал не «я», т. е. Ленин, а некто «В».

Цитируя далее запись, он опускает латинские слова modus vivendi и, так как он, подобно блаженной памяти Акакию Акакиевичу, не мог переделать падежи, получилось весьма пикантно: «Хотел верить (Потресов) в возможность приличного (способ поведения) с ним». И без моего об'яснения читатель понимает, что здесь если опущен латинский оборот, то его русский перевод будет

«Итак, что же получается: по Ленину попытка столковаться со Струве—есть странная ошибка Потресова, по Ваганяну это—ошибка Ленина (обратите внимание, только Ленина! *В. В.*). Тов. Ваганяну, повидимому, не дано понять (знакомо! *В. В.*). что позиция Ленина представлялась (кому? *В. В.*) иной, нежели позиция Потресова. Ваганян попрежнему утверждает, что Ленин только после 29 декабря перестал верить в возможность договориться со Струве. 29 декабря Ленин получил предметный урок, так выражается наш смелый историк. Между тем по Ленину это был предметный урок для Потресова» [1]). Разумеется, Потресов известный оппортунист и на него сваливать все можно, но ведь есть же и предел какой-нибудь.

Попытку столковаться со Струве в принципе, вряд ли можно считать *ошибкой*, и я вопроса так не ставлю. И Плеханов относился отрицательно не вообще, и не безотносительно, а считал ошибкой заводить какие-либо разговоры о совместном сотрудничестве ранее, чем не проведено размежевание. Дело не в Ленине и Потресове. Вся молодая часть будущей редакции «Искры» приехала из России, уже имея на этот счет решение (может город Псков что-либо напомнит моему забывшему все азы герою?), а за границей была поддержана Засулич и отчасти Аксельродом.

В процессе переговоров, особенно после 29/XII Ленин окончательно и резко стал против сотрудничества. Предметный урок получил отнюдь не Потресов, ибо он, ничему не научившись, продолжал свою линию за сотрудничество. Думая, что сваливает вину на Потресова, мой герой фактически хочет оказать большую честь ему.

Если исключить без меры расточительные ссылки и заимствования из рецензии Бубнова (наш герой умудряется даже *цитировать меня* по рецензии Бубнова), то приведенными «мыслями» исчерпывается весь первый параграф героического «рейда» ищущего славы, а может быть чего-нибудь более существенного, чем слава, Колоколкина.

А ведь таких параграфов целых три!

После списывания всех аргументов Бубнова и всех цитат из моей книги, тоже по рецензии Бубнова, наш печальный рыцарь дает некоторые свои перлы. На бубновских аргументах не задерживаемся. Приведем лишь два образца самобытного «творчества», чтобы читатель изумился способностями Колоколкина.

По своему излюбленному методу, приписав мне мысль, будто я доказываю, что Ленин не имел «твердой линии» по отношению к экономистам, «устойчивых взглядов» на экономизм, наш новый Дон-Базилио занимается опровержением этих ересей, и как!

Ссылаясь на недавно опубликованные статьи Ленина о «Раб. Мысли», а также на великого авторитета для нашего героя—Астрова, Дон-Базилио пишет: «Из приведенных документов видно,

---

не дословный, ибо здесь Ленин употребляет латинскую поговорку в переносном смысле: установить modus vivendi — следовало бы перевести «установить взаимные отношения», следовательно Ленинский текст, Акакий Акакиевич, следовало передать: «... в возможность приличного *взаимоотношения с ним*» Читатель согласится, что это неряшливо до безобразия, и что оно не случайно.

[1]) «Большевик», стр. 100.

что еще в ссылке Ленин считал необходимым резкую непримиримую борьбу против экономистов, еще в ссылке он начал эту борьбу. Нечего говорить о том, что «фарисейские возмущения экономистов» не имели для Ленина никакого значения» [1]). Никакого значения? Посмотрим—прав ли хитрый монах. Послушаем на этот счет Ленина: «От времени до времени бывали и маленькие «трения» в виде пылких реплик Г. В. (Плеханова) на *всякое замечаньице, способное хоть немного охладить или утишить разожженные (расколом) страсти*» [2]). Какие это «замечаньица» приводили в такую ярость Плеханова? Вот одно из таких «замечаньиц»: «К «союзникам» он проявлял ненависть, доходившую до неприличия. *Самые отдаленные намеки на то, что и он впал в крайность* (напр., мой (т.-е. Ленина) *намек на опубликование частных писем и на неосторожность этого приема*) приводили Г. В. (Плеханова) прямо в отчаянное возбуждение и заметное раздражение» [3]). Что же это за «намек», каков смысл этого намека? Колоколкин не знает, так как он невежда, да и зачем героям знать такие тонкости? Но мы люди простые и знаем, что когда вышел «Vade mecum», где Плеханов опубликовал наряду с credo также и ряд писем (Прокоповича, Капельзона и др.) в эмиграции «союзники» подняли бешеный шум (я в брошюре назвал это «фарисейским»), обвиняя членов группы, в частности Плеханова, в неприличных и недостойных методах борьбы. Означенная брошюра и дневники Плеханова так взбудоражили эмиграцию, что целые группы «союзников» и даже бундовцев и эсеров выносили резолюции протеста, некоторые сторонники Плеханова и те были чрезвычайно смущены.

Откликом этих настроений, несомненно, были «*замечаньица*» Ленина. Эти упреки бесследно исчезли спустя всего *месяц*. Тому прекрасное доказательство письмо к т. Крупской. Но Дон-Базилио не хочет бросить свою привычку клеветать. Он на основании моей этой ссылки на письмо Ленина к Крупской, пишет: «Тов. Ваганян говорит, что это письмо Ленина свидетельствует *о перемене взгляда Ленина на экономизм*. Оно свидетельствует, будто бы о том, что Ленин *меняет фронт*, начинает активно поддерживать Плеханова, «эволюционирует в сторону плехановского «бешеного отношения» к экономизму» [4]).

Разве перестать придавать значение фарисейским крикам эмигрантских склочников означает «менять взгляд на экономизм»? Разве это означает «менять фронт»?

Разве это называется честная дискуссия?

Что не понял в вопросе о «программных спорах» Колоколкин?

Я путем сопоставления ряда цитат из проекта Ленина 1896 и 1900 г.г. показал в своей книге, что Ленин в вопросе о *формулировке конечных целей движения пролетариата*

---

[1]) Там же, стр. 104.
[2]) Ленинский сборник, кн. I, стр. 33.
[3]) Ленинский сборник, стр. 34.
[4]) «Большевик», стр. 104.

(речь идет только об этом вопросе) находился под влиянием немецкой ортодоксии, представителем которой был тогда Каутский.

Бубнов, как известно, вз'ерепенился: помилуйте, чтобы Ленин когда-нибудь был под влиянием такого социал-патриота, шовиниста, предателя и т. д. и т. д. Никогда!

В своей брошюре я об'яснил Бубнову, что это ничего не значит, что нынешний предатель Каутский имел некогда молодость, когда он принадлежал к революционному крылу соц.-демократии и что находиться под влиянием его тогда не только не было позором, но было очень и очень полезно.

По поводу этого последнего утверждения бунтует уже патентованная безграмотность. Он приводит маленькую цитату, но долгий пересказ моего утверждения, а мы уже знаем, как он пересказывает—и пишет: «Читатель заметил, очевидно (!! *В. В.*), что Каутский, «каучуковый» политик, который не нравился Плеханову, теперь уже изображается революционным социал-демократом. Противоречие явное». «Остается невыясненным все-таки,—пишет далее Дон-Базилио,—кем же об'ективно (!! *В. В.*) был Каутский: революционным ли социал-демократом, или не более, как каучуковым политиком. Удивляться тут, впрочем, нечему. Ваганян нарочно создает такую тьму, такую неясность» [1]). Ума-то, ума-то палата! Ну как не заметить было такое вопиющее противоречие? Но все же, какое тут противоречие? Кто из нас мутит воду?

Из переписки Плеханова с Каутским (некоторые отрывки приведены в моей брошюре), совершенно ясно, как сложились их отношения. И Каутский и Плеханов принадлежат к революционному крылу с.-д., но Плеханов стоит за самую непримиримую войну с оппортунизмом, а Каутский чинит ему в этом помехи, смягчает его; Плеханов не доволен Каутским, он желает пустить по его адресу несколько критических замечаний, он уже к 1900 г., на Парижском конгрессе определенно формулировал, в чем из'ян политики Каутского: она «каучуковая».

Все «трения» между Плехановым и Каутским ограничились перепиской, если не считать «Открытого письма», которое так и осталось единичным выступлением и то в провинциальной газете:

«Кто же был об'ективно Каутский»—любопытствует мой, с позволения сказать, оппонент. Если я скажу, что об'ективно Каутский уже тогда был в ряде вопросов центристом—разве это что-нибудь решает? Об'ективное значение его политики устанавливать теперь, ретроспективно, большого мастерства не требует, но вот тогда Каутский для людей той эпохи был, несомненно, теоретическим вождем и одним из главарей революционного крыла германской с.-д. И как таковой оказывал на Ленина сильнейшее влияние.

Так кто же из нас мутит воду?

Я утверждаю, что, находясь в вопросе об отношении к формулировке конечных целей под влиянием немецкой программы, Ленин отчетливо понимал особенности России и сообразно с этим строил свою программу. Мой оппонент находит, что «в общем контексте» это звучит «фальшиво». Почему? В каком контексте?

---

[1]) Там же, стр. 105—106.

Разве нельзя строить свою программу «сообразно с особенностями» и при этом формулировать один параграф в духе Эрфуртской программы?

Я пишу, что программа 1896 г. замечательный документ для исследования вопроса об эволюции взглядов Ленина. Мой оппонент вопиет: и «только!», и видя, что у меня большего не сказано, ехидно замечает «ни больше, ни меньше». А что еще больше этого можно сказать о проекте, который не только не был принят никакой организацией, но и был известен только весьма ограниченному кругу лиц?

«В проекте 1896 года есть не мало того, что позднее Ленин высказывал в своих замечаниях о плехановском проекте программы» [1]). Бесподобно! Ослепительно! Но что такое косноязычная фраза моего оппонента, если не определение места этого проекта в эволюции взглядов Ленина.

Что мне делать, как мне быть с моим противником.

Лучше кончим с ним историческую дискуссию.

Перейдем к современности.

Если мой несчастный оппонент был совершенно бос по истории, то по современности он на все копыта подкован. Он знает хорошо, где раки зимуют.

В чем следует искать «принципиальную основу» моих «ошибок»? Колоколкин был бы никуда негодным «героем наших дней», если бы не знал хорошо, какая мелодия сейчас в ходу. Он отвечает, сообразуясь с моментом, на этот вопрос «Проревизировать историческую роль Ленина, развенчать Ленина—вот она—эта основа, альфа и омега новой «ваганяновской» философии истории» [2]). С чего бы казалось? Какой мне интерес придерживаться такого «принципа»? И как я могу «развенчать Ленина»? «Очень просто, очень просто»—петушком кричит под самым ухом читателя Колоколкин, стоит только доказать, что «Ленин в борьбе с легальным марксизмом, струвизмом и экономизмом занимал более умеренную позицию, чем Плеханов, Ленин заражен духом европейской ортодоксии» и что «Ленин был не прав в программных спорах» [3]). Доказать это—не означает «развенчать Ленина», а всего на всего—обнаружить свою безграмотность. Но кто же в этом повинен? Полагается, по Колоколкину, чтобы все это доказывал я. Но в том-то и дело, что Дон-Базилио по обыкновению клевещет.

1) Бесстыдная клевета, будто по-моему «Ленин занимал более умеренную позицию» и т. д. Я утверждаю, что Ленин приехал за границу с твердым намерением привлечь к сотрудничеству в будущей газете Струве. Плеханов был категорически против этого, далее я утверждаю, что Ленин в процессе переговоров сам отказался от этой идеи, при чем критическим моментом явилось совещание 29/XII—1900 г. По вопросу об экономизме, я доказываю, что, оставаясь самым ярым приниципиальным противником экономизма, Ленин приехал с намерением собрать «рассыпанную храмину с.-д.», но побыв месяц-другой за

---

[1]) Там же, стр. 106.
[2]) Там же, стр. 108.
[3]) Там же, стр. 109.

границей, наблюдая и знакомясь на месте с склокой, он так же стал относиться к экономистам «бешено», как Плеханов.

2) Пустейшая выдумка, будто я обвиняю Ленина в том, что «он заражен духом европейской ортодоксии» и т. д. Я таких глупостей не говорю, потому что это дикая, бессодержательная галиматья. Если под европейской ортодоксией понимать ортодоксально-марксистское крыло соц.-дем. конца XIX и начала XX в.в., то и Ленин и Плеханов в одинаковой мере были им не только заражены, но и полны: откуда же могли они черпать ортодоксию, как не из Европы? При чем Ленин преимущественно был под влиянием немецкого, а Плеханов—преимущественно французского ортодоксального марксизма. Я констатировал лишь факт, что в формулировке конечных целей движения пролетариата Ленин придерживался формул Эрфуртской программы, а Плеханов—Лафарга.

3) Сплошная ложь, будто по-моему «Ленин был неправ в программных спорах». Программных споров в целом я не касался—у меня не было исчерпывающего материала, они появились после того, как моя книга вышла в свет. Программные споры не исчерпывались спорами вокруг вопроса о формуле конечных целей. Что касается до последнего вопроса, то я утверждаю, что Ленин под влиянием Плеханова меняет свою формулу, составленную под влиянием Эрфуртской программы и становится на точку зрения плехановской якобинской формулы.

Таким образом Колоколкин плетет ложь и самым вызывающим образом, так сказать, на глазах у читателя. Неужели же спроста? Ни чуть не бывало. С расчетцем!

«Куда растет эта логика (логика лжи и клеветы, разумеется. *В. В.*)? А вот куда, ничего специфического, твердокаменного, непримиримого, что не с сегодняшнего дня м ы п р и в ы к л и с ч и т а т ь (подчеркнуто мною. *В. В.*) особенностями большевизма, у Ленина в ту пору не было. Ликвидируется таким путем весь не только подготовительный этап в развитии большевистской партии, но и этап непосредственного роста и оформления идей большевизма, рвется логическая и историческая связь между периодом второго с'езда и периодом «Искра» [1]). «Мы привыкли считать»! Так зачем же прикрываетесь! Покажитесь! Мы т о г д а у в и д и м, привыкли ли в ы считать и давно ли в ы привыкли, или эта привычка у вас, мой лживый противник, появилась с весьма недавних пор. Вся моя книга написана с целью доказать, что все революционное, созданное ортодоксальным крылом с.-д. в России, целиком было унаследовано Лениным и включено в ту систему идей, которая после 2-го с'езда носит название большевизма. Она устанавливает генезис многих идей Ленина, а Дон-Базилио вчера еще может вставший одной ногой на землю большевистскую бросает бездоказательно обвинения в «ликвидаторстве»: ваш расчетец, хитрый монах!

«Вместо единого цельного Ильича перед читателем две фигуры Ленина»... «Р а з о р в а т ь и о б к а р н а т ь и с т о р и ю б о л ь ш е в и з м а (курсив мой. *В. В.*) такова в общей формулировке идейно-политическая цель Ваганяна» [2]).

---

[1]) Там же, стр. 109.
[2]) Там же, стр. 109.

«Идейно-политическая» цель моя оказывается «разорвать и обкарнать историю большевизма». Эта диверсия, столь неожиданная, могла бы вызвать только ироническую улыбку у любого читателя, если бы она была высказана годика два тому назад. Но теперь даже эта глупость высказана с тонко высчитанным расчетом. Но, воистину, где тонко, там и рвется. Наш монах хорошо изучил несложную мелодию наших дней, но он не доучился другому искусству—разбирать с кем и к а к ее следует петь.

Я никогда не делаю тайны из моих идейно-политических целей. Они весьма ясны. Мой лживый противник говорит намеками, я рублю с плеча.

Я хочу знать Ленина таким, каким он был на самом деле: великим и простым, гениальным и вечно развивающимся и растущим и поэтому я так страстно и с таким упорством борюсь со всякими безграмотными малярами, которые хотят намалевать великого Ленина под свой микроскопический образ и ни на что неподобное подобие.

. . . .

Вот и все.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Новая книга о русском капитализме.

ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ, „Капитализм в России (1890—1917 г.)".

История народного хозяйства России в XX веке вообще, а история русского промышленного капитализма за тот же период в частности и в особенности, еще до сих пор ждут своего изучения. Правда, мы имеем довольно многочисленный ряд обзоров отдельных отраслей нашей экономики, как в форме журнальных статей, так и в форме самостоятельных, иногда очень ценных, работ. Но все они или носят слишком беглый, схематический характер или ограничиваются лишь одной, какой-либо, узкой областью народного хозяйства. Общие же сводные исследования эволюции русского капитализма в целом обрываются как раз на грани между настоящим и прошлым столетием. Так «Русская Фабрика» Туган-Барановского хронологически заканчивается рассмотрением промышленного под'ема конца 90-х годов. Да, если бы почтенный профессор и попытался впоследствии, уже превратившись в присяжного апологета капитализма, продолжать свою работу (в форме предполагавшегося II тома «Русской Фабрики»), то от него едва ли можно было бы ожидать чего-нибудь с нашей точки зрения положительного. Точно так же и т. Ленин, давший гениальный анализ русской экономики в своем «Развитие Капитализма», не смог, к сожалению для науки, показать, как осуществлялись на протяжении XX века вскрытые им тенденции развития.

Указанные обстоятельства заставляют с особенным вниманием отнестись к недавно вышедшей книге Финн-Енотаевского: «Капитализм в России», представляющей собой заново переработанный и значительно дополненный прежний труд того же автора: «Современное хозяйство России». Вместе с тем, те же самые соображения требуют тщательной проверки выставленных в настоящей работе положений, ибо возможные здесь ошибки и теоритического и практического порядка способны, при отсутствии признанных марксистски-ленинских исследований, привести к опасным последствиям, будучи восприняты, как бесспорные истины, нашей учащейся молодежью.

I.

В предисловии к своей работе Финн-Енотаевский заявляет, что появление его книги в первом издании 1911 года встретило радушный прием со стороны Ленина и его ближайших сотрудников—«Разногласий нет»,—якобы, сказал автору Ленин летом 1911 года, «Но.—мужественно признается Финн-Енотаевский,—все же они были». Взгляд автора на грядущую революцию, как на доведение до конца начал, выдвинутых революцией 1905 года (т.-е. начал буржуазной революции. *В. Б.*), какую бы политическую форму она ни приняла,—конечно, если социалисти-

ческая революция на Западе не изменит мировой атмосферы,—оставался в силе [1]).

Из дальнейшего изложения, однако, следует, что в настоящее время автор (то-бишь, сам Ф.-Е.) уже целиком солидаризируется с ленинской, большевистской оценкой хозяйственного развития России, с оценкой, видящей в Октябрьской революции логическое разрешение накопившихся противоречий нашего экономического строя. Если так понимать общий покаянный тон предисловия, то в разбираемой работе Финна, доведенной к тому же вплоть до 1917 года, указанные разногласия должны быть устранены полностью. Так ли обстоит дело в действительности? Для ответа на поставленный вопрос рассмотрим основные узловые положения автора. К таким положениям, по нашему мнению, относятся: 1) регрессивный процесс в сельском хозяйстве, 2) общий характер развития нашей промышленности и 3) роль финансового капитала в России. Разберем все три вопроса в порядке последовательности.

II.

По мнению Финна, в общем виде правильному, основная экономическая причина революции 1905 года кроется в противоречии между развитием сельского хозяйства и промышленности, если в последней наблюдается некоторое продвижение вперед, то в области сельского хозяйства, по мнению Финна, имеют место т о л ь к о регрессивные процессы. Какие же фактические основания предпосылает Финн подобному заключению? В качестве таковых Финн приводит данные о росте посевных площадей и количества скота, согласно которым оказывается, что при увеличении сельского населения с 1870 по 1900 г.г. на 56,9%, земельная площадь крестьянских хозяйств возросла за тот же период на 20,5%, количество же скота всего на 9,5%. Убедительность этих данных весьма относительна. Финн должен бы знать, что прогресс в сельском хозяйстве происходит не только и не столько за счет экстенсивного расширения земледелия, сколько за счет его интенсификации, более тщательной обработки земли, лучшего удобрения ее, распространения технических и сырьевых культур и т. д. Забывать об этом—значит игнорировать элементарные основы сел.-хоз. экономии.

Но если даже обратиться к данным об общем производстве хлебов в русском сельском хозяйстве, его изменении на протяжении 16 лет, с середины 80-х годов до кануна революции 1905 года, и посмотреть, свидетельствуют ли они о регрессивном процессе в земледелии,—то выводы из них едва ли могут понравиться Финну. Сопоставим для этого цифры валового сбора хлебов по 50 губ. Европейской России в 1886 и 1903 г.г. (годы примерно одинаковые по урожайности) [2]).

В миллионах пудов.

Годы	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Всего
1886	250,9	964,6	532,2	166,3	1.917,0
1903	755,2	1.245,6	576,3	385,0	2.962,1
Прирост	+202,0%	+29,1%	+7,6%	+131,5%	+54,6%

[1]) Этот факт, сам по себе, внушает серьезные сомнения. Неужели Ленин, столь бдительный ко всяким теоретическим заблуждениям в рядах российской социал-демократии, начиная с философии и теории культуры и кончая аграрным вопросом, не заметил имеющихся у него с Финном разногласий, которые признает даже этот последний? Вполне возможно, однако, что Ильич не считал нужным подчеркивать свои расхождения с Финном, поскольку центр тяжести фракционной борьбы того времени лежал в борьбе против ликвидаторов.

[2]) Рост с.-х. продукции не может быть сведен к увеличению помещичьих запашек, ибо помещичье хозяйство в целом являлось у нас мало способным к развитию.

Как видим, увеличение за какие-нибудь полтора десятка лет весьма значительное; особенно по рыночным культурам: по пшенице (в 3 раза) и по ячменю (в 2,3 раза). Наше сельское хозяйство, следовательно, не только развивалось, но развивалось, приспосабливаясь к требованиям рынка, втягиваясь в систему товарно-денежных отношений [1]). О росте товарности дают нам представления данные о перевозках 6-ти главных хлебных грузов, согласно которым в 1885—88 г.г. по жел.-дор. и водным путям было перевезено 26,8% всего сбора этих хлебов, а через десять лет 1895—98 г.г.—уже 30,4% [2]). Итак прогрессивный процесс в нашем земледелии несомненен. Он был бы еще более заметен, если бы Ф.-Е. не ограничился только 50-ю губ. Европейской России, где несколько замедленный темп развития обусловливается конкуренцией хлебородных окраин Сибири и Сев. Кавказа. Под влиянием этой конкуренции зерновое хозяйство центральных районов частично вытеснялось интенсивными культурами. Явление типичное для каждого капиталистически-развивающегося народного хозяйства.

Ф.-Е. методологически неправильно берет только огульные цифры о всем крестьянском хозяйстве и на основании этих цифр делает выводы о преобладании в нем регрессивных тенденций. Подобный метод явно ошибочен, так как наряду с явлениями упадка, мы сталкиваемся с непрерывной дифференциацией крестьянства, отслаиванием деревенской верхушки, превращением ее в своего рода капиталистических фермеров. Забвение этого факта наряду с особенно усиленным подчеркиванием сохранившихся в сельской экономике законов до-капиталистического периода создает впечатление, что Финн вообще недооценивает роль капиталистических тенденций в нашем сельском хозяйстве.

На самом же деле капитализм хотя и медленно, но все же неуклонно, внедрялся в с.-х. производство, усиливая товарность крестьянских хозяйств, улучшая отчасти обработку земли и укрепляя экономическую мощь зажиточной части деревни; именно благодаря этому обстоятельству, хозяйственное развитие все сильней и сильней сталкивалось с пережитками крепостнической системы, с помещичьим землевладением, стоящим на пути экономического прогресса и все более и более настоятельно требовало решительной реорганизации общественного строя.

Прежде чем перейти к критическому рассмотрению взглядов Финна на эволюцию промышленного капитализма, необходимо остановиться на его оценке влияния урожаев на динамику народного хозяйства. По нашему мнению, Ф.-Е. определенно преувеличивает значение урожаев для циклических колебаний русской промышленности. Нельзя, конечно, согласиться с Туган-Барановским, отрицающим за «Господином Урожаем» всякое влияние на хозяйственную кон'юнктуру, но не следует, в то же время, впадать в противоположную крайность, как это делает Финн. Он, например, считает, что кризис 1900—02 г.г. носил особенно резкий и затяжной характер вследствие неурожаев 1897—98 г.г. На это нужно возразить, что: 1) 1898 год был, в общем и целом, урожайным годом за исключением отдельных районов, но такие исключения при необ'ятных размерах земельной площади России почти всегда неизбежны, и 2) неурожай 1897 г. при высоко урожайных 1899 и 1900 г.г. едва ли смог через 3 года оказать столь значительное влияние на остроту промышленного кризиса.

Кроме того, Ф.-Е., повидимому, вообще весьма неопределенно представляет себе, как могут резкие недороды отразиться на развитии народного хозяйства. В отдельных местах его работы мы встречаем по этому поводу взаимно исключающие друг друга замечания. Так, рассматривая наше денежное обращение, поскольку колебания его обусловливались изменениями хозяйственной кон'юнктуры, он в одних местах пишет, что высокие урожаи требовали выпуска добавочной массы средств обращения, а в других ссылается на под'ем хлебных цен, как на фактор, действующий в том же направлении. Но, как известно, высокие хлебные цены—неизменный спутник неурожаев, и, следовательно, при каждом недороде потребность в деньгах для реализации урожая не меньшая, а иногда и большая, чем в годы нормальных и хороших урожаев. Принимая во внимание указанную эволюцию цен на продукты сел.-хоз-ва, трудно вообще сказать, сокращается ли деревенский рынок при каждом падении волового сбора или нет. Весьма частые ссылки Финна на милость «Господина Урожая» еще нуждаются, таким образом, в соответствующем теоретическом обосновании; в его же работе мы такого обоснования не находим совершенно. Благодаря этому постоянные апелляции Ф.-Е. к колебаниям с.-х. производства отчасти напоминают чисто народнические ламентации по данному вопросу (см. Николай—он: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»).

[1]) Вычислено по статистическим сборникам М-ва путей сообщения. Выпуски: 36, 79, 139.

III.

Не все обстоит гладко у нашего почтенного автора и в оценке развития промышленного капитализма в России. Правда, в вышедшем первом томе подробно рассматривается состояние нашей фабр.-зав. индустрии только за период под'ема конца 90-х годов и кризиса 1900—02 г.г. Дальнейшая же эволюция промышленности затрагивается лишь бегло, попутно с изучением движения денежного капитала, детальному ее анализу автор посвящает II том своей работы. Но для нас достаточно и того, что дается в отдельных беглых замечаниях, разбросанных по всему первому тому, поскольку основная точка зрения автора выявляется в них вполне отчетливо.

Прежде всего, Ф.-Е. отрицает всякое своеобразие в развитии русского промышленного капитализма. Между индустриальной эволюцией России и стран Западной Европы, по его мнению, нет никакого существенного различия: и там и здесь промышленность, обслуживающая широкое потребление, вырастала из кустарно-ремесленного производства, эволюционируя через «домашнюю» систему к капиталистической фабрике. Что же касается тяжелой индустрии, то, согласно утверждениям автора, она и в передовых европейских государствах возникала сразу в виде крупных предприятий, независимо от эволюции ремесленного производства.

Выставленное положение внушает весьма серьезные сомнения, поскольку даже в нашей текстильной промышленности мы не можем проследить, в сколько-нибудь широких размерах, непосредственную преемственность (техническую и организационную) от кустарных светелок к крупнейшим предприятиям с тысячами рабочих и десятками тысяч веретен. Туган-Барановский в «Русской Фабрике» достаточно убедительно показал, какую роль в насаждении у нас текстильной промышленности сыграли различные иностранные конторы, вроде знаменитой конторы Кнопа, переносившие к нам из-за границы и масштаб производства и новейшую технику. «Нет церкви без попа, нет фабрики без Кнопа»—эта, несколько безграмотная, поговорка, тем не менее, весьма правильно характеризует действительное положение вещей.

С другой стороны, неверна и ссылка Финна на то, что тяжелая индустрия в Западной Европе, так же, как и в России, возникла сразу в виде

крупных предприятий. Даже в такой типичной отрасли тяжелой индустрии, как металлургия, мы наблюдаем на Западе длительный процесс развития от полукустарных доменных печей, с соответствующей организацией предприятия, к современным гигантским домнам, выплавливающим ежедневно десятки и сотни тысяч пудов металла, тогда как у нас металлургическая промышленность, хотя бы того же Юга, сразу выросла, как грандиозный производственный механизм, там, где прежде, всего каких-нибудь 15—20 лет тому назад, доменным газом и не пахло.

Все сказанное в то же время логически вытекает уже из одного того факта, что ф.-з. производство в России питалось преимущественно иностранным капиталом приходившим к нам, понятно, во всеоружии новейшей техники, которая резко контрастировала с общим хозяйственным укладом страны.

Вместе с тем, только это обстоятельство может об'яснить, каким образом в стране, где сельское хозяйство совершает лишь первые шаги по пути капиталистического развития, мог образоваться передовой, дисциплинированный, сплоченный индустриальный пролетариат, способный на фоне общей отсталости осуществить рабоче-социалистическую диктатуру, да притом еще в капиталистическом окружении.

Итак, некоторые разногласия Ф.-Е. с ленинизмом—уже налицо.

Перейдем теперь к вопросу о темпе развития нашей промышленности. Финн утверждает, что ф.-з. производство в России росло чрезвычайно медленно. Не говоря уже о депрессии 1900—08 г.г., даже в последующий период промышленный под'ем был, по его мнению, крайне слабый.

«Производительный капитал и в пятилетие до войны двигался черепашьим шагом, и это, несмотря на ряд урожаев, на сравнительно благоприятные условия их реализации, на увеличенные казенные заказы и на приток иностранного капитала» [1].

Одновременно Финн об'являет сказкой американский рост нашей промышленности.

С такой точкой зрения ни в коем случае нельзя согласиться, так как наша индустрия, в явном противоречии с Ф.-Е., обнаружила в действительности накануне войны крайне интенсивный рост. Приведем лишь следующие цифры [2]):

	Выплавка чугуна	Добыча камен. угля	
1908 г. . . .	171 м. пуд.	1.590 милл. п.	(В 1900 г. 965 милл. п. по Европ. России).
1913 г. . . .	282 » »	2.180 » »	
Прирост . .	+70%	+37%	

Из данных цифр, относящихся к важнейшим отраслям производства, видно, что предвоенный под'ем нашей промышленности не уступал по темпу передовым капиталистическим государствам. Что же касается легкой индустрии, в частности текстильной, то незначительное ее расширение за годы под'ема (переработка хлопка возросла всего с 21,2 до 24,7 милл. пуд.) об'ясняется с одной стороны тем, что обрабатывающая промышленность еще не была целиком втянута в общехозяйственный под'ем, а с другой—более равномерным развитием легкой индустрии, вообще не обнаруживающей таких резких скачков, как металлургия. Кроме того, текстильная промышленность и в период депрессии непрерывно

[1]) Финн-Енотаевский, «Капитализм в России», стран. 306.
[2]) Л. Кафенгауз, „Под'ем или кризис". «Соврем. Мир». № 4 1914 год.

расширялась. Переработка хлопка за этот период увеличилась довольно заметно (с 16,1 милл. пуд. в 1900 г., до 21,2 милл. пуд. в 1908 г.) и с начала столетия по 1913 год дала общий прирост больше, чем на 50%.

Рост всей русской промышленности в целом наиболее ярко иллюстрируется данными, приводимыми Струмилиным в его недавней работе, посвященной динамике капиталов в России. По исчислениям Струмилина ежегодный прирост капиталов в промышленности составлял у нас до войны в среднем за 1885—1913 г.г. 7,2%, против 6,5% в Соединенных Штатах [1]).

Сверхамериканский темп оказывается, таким образом, вовсе не легендой. Во всяком случае, русская промышленность двигалась в довоенный период далеко не черепашьим шагом.

А вот мысль нашего уважаемого автора, действительно, с быстротой черепахи движется от меньшевизма к ленинизму. Все его рассуждения, помимо своей фактической необоснованности, донельзя напоминают бесконечно нудные разглагольствования меньшевиков о том, что Россия, мол, страна отсталая, промышленность в ней неразвитая, пролетариат ничтожен, а вот, вы, большевики, собираетесь, вопреки Марксу и всему символу веры марксизма, строить в ней рабочую диктатуру и насаждать социализм.

IV.

Логическим завершением всех ошибок нашего новообращенного почти-ленинца, является его критика теории финансового капитала.

В данном вопросе Ф.-Е. утверждает: 1) что никакого слияния промышленного капитала с банковским, никакого захвата финансовым капиталом главенства над промышленностью не происходит даже в Западной Европе и 2) он оспаривает факт перерастания нашего капитализма накануне войны в капитализм финансовый. Остановимся на обоих моментах.

Прежде всего почтенный Финн, яростно обрушивающийся на Гильфердинга, просто не понял природу финансового капитала. По его мнению, характерной чертой современной стадии развития капитализма является не главенство, а лишь некоторая независимость денежного капитала от капитала промышленного, тогда как в предшествующий период последний целиком управлял первым и доминировал над ним. Однако, суть дела не столько в том, кто осуществляет гегемонию: промышленность или банки, сколько в самом сращивании обоих видов капитала, являющемся неизбежным следствием широкого распространения акционерной формы предприятия [2]). Как раз этого-то сращивания и

[1]) «Плановое хозяйство». № 2, 1925 г.
[2]) Весьма пикантно, между прочим, звучит ссылка Финна на беседу с Каутским, которую он имел в 1922 году. В этой беседе Каутский, как передает Ф.-Е., сам сознался в ошибке, допущенной им и Гильфердингом в оценке финансового капитала, а именно: в чрезмерном преувеличении роли банков, из которого вытекла упрощенная концепция пролетарской революции, заключающаяся в том, что пролетариату достаточно будет захватить и национализировать только крупнейшие банки, чтобы весь производственный механизм современной индустрии оказался в его руках.

Каутский в данном случае прав. Пролетарская революция не происходит так безболезненно, она переживает на самом деле ряд серьезных трудностей в процессе экспроприации буржуазии. На ошибку Гильфердинга в этом направлении указал уже Бухарин в «Экономике переходного периода». Но когда двое говорят одно и то же—это далеко не одно и то же. Каутский, отрекаясь от своей прежней теории олигархического управления всей промышленности ничтожной финансовой кликой, руководствуется стремлением найти оправдание сво-

связанного с ним нового типа монополистического капитализма Ф.-Е. и не замечает, толкуя лишь о внешних формах засилия банков и биржи в хозяйственной жизни и благородно возмущаясь подобным явлением.

На протяжении больше, чем ста страниц, посвященных движению денежного капитализма, Ф.-Е. неизменно видит во всех случаях оживления акционерного учредительства и расширения банковских операций одну лишь спекуляцию. В частности, только спекуляцию он видит и в преобладании ссудных операций наших банков над учетными, тогда как в действительности этот факт свидетельствует о внедрении кредитных учреждений в промышленность и является типичной формой деятельности финансового капитала на той стадии, которой достигла промышленность в настоящее время.

* * *

Перейдем далее непосредственно к роли финансового капитала в России.

Здесь обнаруживается еще более неправильное представление Ф.-Е. о сущности монополистического капитализма. Полемизируя с Покровским, он возмущенно замечает:

«М. Покровский хватает через край даже с точки зрения ошибочной теории Гильфердинга, когда утверждает, что капитализм в России перед революцией переходил в высшую фазу.

Это в России-то, бедной капиталами «промышленный капитализм начинал переходить в финансовый», т.-е. экспортирующий избыточный капитал!»

В приведенной цитате меньшевистские напевы о нашей отсталости переплетаются с совершенно превратным пониманием современной фазы развития капиталистического производства.

Прежде всего, наличие экспорта капиталов вовсе не обязательно для определения данной экономической системы, как системы финансового капитализма. Необходимо лишь тесное сращивание банков с промышленностью и одновременное создание монополистических союзов предпринимателей. На эти два признака, особенно на последний, указывал Ильич, как на наиболее существенные элементы новейшего этапа капитализма. Они же имелись в России вне всякого сомнения. Согласно последним исследованиям в данной области, в частности согласно работе Ванага, под контролем и в распоряжении банков находилось у нас 81,3% металлургической промышленности, 75,0% каменноугольной, 85,9% нефтяной и т. д. Хорошо известно также и значение монополистических об'единений в нашей индустрии. Укажем хотя бы на синдикат «Продомета», в руках которого сосредоточивалось в среднем 70—80% всего сбыта сортового и листового железа, балок, швеллеров, бандажей и других продуктов железоделательной промышленности, на Продвагон, распоряжающийся более, чем 90% вагоностроения и т .д. [1]).

Элементы финансового капитала таким образом налицо.

Относительная же отсталость России, по сравнению с передовыми зап.-европейскими странами, нисколько не исключает существование в ней

его новейшего откровения, т.-н. «хозяйственной демократии». Мы же, нисколько не умаляя олигархического характера современного монополистического капитализма, независимо от того, преобладают ли в нем банки или предпринимательские союзы (Стинес, сам управляя банками благодаря индустриальной мощи своего концерна, ни в малейшей степени не переставал быть севременным феодалом), указываем лишь на неизбежный временный распад организационных форм новейшего капитализма в процессе социалистического переустройства общества.

[1]) Л. Кафенгауз. «Синдикаты в русской железной промышленности»

финансового капитала. Обладая высокой степенью концентрации, с чем, несмотря на ряд оговорок, все же соглашается Ф.-Е., пользуясь усовершенствованной техникой, русская промышленность являлась крайне подходящей почвой для развития именно монополистически-финансового капитализма в его высших формах. Кроме того, финансовый капитал тем и характерен, что он опутывает своими нитями все страны, независимо от того, на какой стадии хозяйственного развития они находятся. В этом положении заключается «гвоздь» ленинской теории империализма, в нем об'яснение всемирного и социалистического значения нашей Октябрьской Революции, как революции в первую голову антиимпериалистической.

Кто этого не понимает, тот неизбежно сваливается в оппортунистически - меньшевистское болото, обитатели которого изо всей мочи вопиют о безумстве большевиков, пытающихся в России, в «отсталой-то России», вне установленного, якобы, Марксом и пророками его, порядка начать мировую революцию.

* * *

Итак, подводя итоги всему изложенному, следует признать, что в разрешении коренных проблем, в вопросах: 1) о регрессивном процессе в сельском хозяйстве, 2) о характере развития нашей промышленности и 3) о значении финансового капитала, Ф.-Е. не совсем по-ленински, мягко выражаясь, трактует хозяйственную эволюцию России. Неизбежность Октябрьской Революции, как логического завершения всего предшествующего экономического развития, из изложения Финна вовсе не вытекает. Разногласия между ним и подлинно революционным марксизмом, несмотря на все покаянные заявления, следовательно, еще не изжиты. Если в первом вопросе эти разногласия носят некоторый только количественный характер, то в двух остальных, особенно в последнем, количество переходит в качество и меньшевистский ветхий Адам дает о себе знать.

Помимо отмеченных коренных ошибок Финна-Енотаевского, в его работе имеются еще некоторые отдельные неточности и фактически необоснованные утверждения, так, например, недооценивается денежная реформа Витте, неправильно освещается характер денежного обращения в первые годы войны, не совсем точно об'ясняется оживление промышленности в военный период и т. д.; но на них мы, за недостатком места, останавливаться не будем.

Необходимо, однако, отметить и положительную сторону работы Ф.-Е. Кроме богатого фактического материала, мы в ней находим весьма интересный и в целом теоретически выдержанный анализ нашего денежного обращения, финансовой и бюджетной политики царизма и пр. Что же касается вводных глав, посвященных теории рынка и кризисов, то они, более или менее правильно освещая марксистскую точку зрения по этим вопросам, после блестящего анализа проблемы воспроизводства, проделанного Бухариным, не дают ничего особенно ценного.

В. Богданов.

Письмо в редакцию.

От редакции журнала „Под Знаменем Марксизма“.

В связи с примечанием редакции „Большевика“ к статье тов. К. Розенталя „Об одной умной теории и неумном критике“ в № 17—18 за 1925 г. (по поводу статьи тов. В. Борилина в „Под Знаменем Марксизма“, № 5—6 за текущий год), редакция журнала „Под Знаменем Марксизма“ считает необходимым отметить, что она не согласна с некоторыми положениями тов. Борилина и, в частности, с его положениями о государственно-капиталистических трестах.

Статья нашла себе место в общем отделе, конечно, не потому, что она заключает эти неверные положения, а потому, что основная часть ее посвящена критике Гильфердинга, Шиппеля и других врагов революционного марксизма.

БОЛЬШЕВИК

№ 23—24

№ 23—24

30 ДЕКАБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“